18+

ПЁТР БЕЗРУКИХ

ТРИЛОГИЯ

КОНТРАКТ НА ДВА ДНЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

СОЛДАТЫ ДРУГОЙ СТРАНЫ

Пётр Безруких

Контракт на два дня. Трилогия. Книга первая. Солдаты другой страны

«Издательские решения»

Безруких П. А.

Контракт на два дня. Трилогия. Книга первая. Солдаты другой страны / П. А. Безруких — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981665-8

Аспирант Станислав Новицкий случайно совершил невероятное научное открытие, позволяющее путешествовать в параллельные миры. Этим заинтересовались органы госбезопасности. Они задумали провести операцию и для этого привлекли студентов, заключив с ними контракт всего на 2 дня. Однако, для ребят эти 2 дня превратились в 18 лет тяжёлых испытаний. Они становятся участниками ВОВ. О том, каково им — солдатам другой страны, приходится воевать, защищая свою новую Родину, читайте в этой книге. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-981665-8

© Безруких П. А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 6
ТРИЛОГИЯ 7
КНИГА ПЕРВАЯ 8
ПРОЛОГ 8
Глава 1. МАЛЕНЬКАЯ НЕТОЧНОСТЬ 10
Глава 2. ОПЕРАЦИЯ «ВАРЯГИ» 21
Глава 3. ЛЁША 32
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Контракт на два дня. Трилогия
Книга первая. Солдаты другой страны

Пётр Анатольевич Безруких

Редактор Волкова С. В.
Корректор Говорина О. Л.
Дизайнер обложки Пенина Н. В.
Иллюстратор Пенина Н. В.
Иллюстратор Модоров С. П.
Иллюстратор Агеенко И. С.
Иллюстратор Головина С. П.
Иллюстратор Иванова К. П.

© Пётр Анатольевич Безруких, 2020
© Пенина Н. В., дизайн обложки, 2020
© Пенина Н. В., иллюстрации, 2020
© Модоров С. П., иллюстрации, 2020
© Агеенко И. С., иллюстрации, 2020
© Головина С. П., иллюстрации, 2020
© Иванова К. П., иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-1665-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Давно отгремели сражения Второй мировой войны. Практически не осталось участников и свидетелей тех событий. Для нас, живущих в начале XXI века, всё это уже стало историей, о которой напоминают названия улиц и площадей, памятники и монументы да День Победы. В этот день мы смотрим по телевизору парад на Красной площади, а потом выходим на улицу с георгиевскими ленточками и портретами наших дедов и прадедов в руках, чтобы пройти с ними в составе Бессмертного полка. Так мы ощущаем сопричастность с теми, кому выпала нелёгкая судьба вынести все тяготы войны, не сломаться и победить. Со старых, выцветших фотографий на нас смотрят красивые молодые лица, и у каждого из них своя судьба, опалённая войной. Многие из них погибли, отдав свою жизнь за Родину. Нас до сих пор поражает их мужество, самоотверженность и героизм.

Мы все давно живем в другой стране, у нас иные ценности, убеждения и взгляды. О том, что происходило тогда, мы знаем лишь понаслышке, а многие события и факты вообще забылись. Но, ведь, это наша история, и она имеет свойство иногда повторяться. Готовы ли мы к этому? Сможем ли мы быть такими же, какими были они – юноши и девушки той войны?

Этот роман-трилогия написан в жанре политической фантастики. В нём раскрыта история невероятной встречи двух совершенно разных поколений молодых людей – родившихся в двадцатых и в лихих девяностых. Два непохожих мира – один чёрно-белый, а другой цветной – сошлись в самой трагической точке нашей истории. Смогут ли они найти что-то общее, и существует ли оно?

Многие эпизоды этого романа написаны со слов моего отца – Безруких Анатолия Елисеевича, который прошёл всю войну от Сталинграда до Харбина. Его воспоминания и записи легли в основу некоторых сюжетов. Однако, это не публикация чужих мемуаров, а литературное произведение, написанное с их использованием. Это и дань памяти тем, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины, и своеобразный философский взгляд на историю нашей страны.

Роман написан, как серия повестей, каждая из которых рассказывает об одном или нескольких героях, и все они связаны единым сюжетом. Герои участвуют в кровопролитных сражениях, а в перерывах между боями – дружат, влюбляются, занимаются спортом и отдыхают. Как и в привычной жизни присутствует всё – брань и чтение стихов, ссоры и настоящая любовь, игра в футбол и боевые единоборства. Тут нет места для политкорректности, и острые углы показаны такими, каковы они в действительности.

Все важные сюжетные моменты проиллюстрированы, и в этом мне оказала неоценимую помощь прекрасный художник-иллюстратор Наталия Пенина. Мне же при написании пришлось исследовать исторические документы и попытаться отыскать истину среди множества мифов и легенд, чтобы представить читателю более или менее правдивую картину. Поэтому, все исторические персонажи романа – настоящие, а не выдуманные.

Надеюсь, дорогие читатели, что этот остросюжетный роман вам понравится, подарит много эмоций и, возможно, подскажет ответы на некоторые сложные вопросы бытия. Желаю вам приятного прочтения.

Пётр Безруких

ТРИЛОГИЯ
КОНТРАКТ НА ДВА ДНЯ

Всем юношам и девушкам —
жертвам Второй мировой войны,
посвящается

«…Помните!
Через века, через года – помните!
О тех, кто уже не придёт никогда, – помните!..»

Роберт Рождественский, поэма «Реквием»

КНИГА ПЕРВАЯ
СОЛДАТЫ ДРУГОЙ СТРАНЫ

«Ночь и тишина, данная навек.
Дождь, а может быть падает снег.
Всё равно, бесконечной надеждой согрет,
Я вдали вижу город, которого нет.

Где легко найти страннику приют.
Где наверняка помнят и ждут.
День за днём, то теряя, то путая след,
Я иду в этот город, которого нет.

Там для меня горит очаг,
Как вечный знак забытых истин.
Мне до него последний шаг,
И этот шаг длиннее жизни…»

И. Корнелюк

ПРОЛОГ

Кто изобрёл колесо? Учёные не одно десятилетие ломают голову над этим вопросом. Никто не знает, когда и где это произошло, но все уверены, что это был один гениальный человек, которого осенила блестящая идея – зачем тащить на себе тяжелую ношу, если её можно легко катить. К сожалению, это произошло задолго до того, как человечество изобрело письменность, и имя этого изобретателя всех времён и народов так и пропало всуе, не выбитое на каменных стелах или глиняных табличках.

Но как только мы научились писать, имена всех великих чудаков, сделавших новые открытия для нас, тут же вошли в анналы истории и так дошли до наших дней. Разными были эти знаменитые учёные. Один из них нырнул в ванну и вынырнул оттуда с новым открытием, которое потом и назвали его именем – «закон Архимеда». Другому чудаку на голову упало яблоко, и мы узнали законы Ньютона. Третьему во сне привиделась таблица, и знания человечества обогатились «Периодической системой элементов Д. И. Менделеева». Это были гении-одиночки, часто чудаковатые, одержимые научными идеями и делавшие открытия от случая к случаю, как звезды укажут, и ничего от этого, кроме насмешек, не имевшие.

Но время шло, человечество развивалось и потребность в изобретениях и открытиях увеличивалась, а количество чудиков-альтруистов – нет. Поднаторевшие к тому времени в предпринимательстве англичане решили поставить дело на коммерческую основу, и процесс пошёл. Открытия и изобретения посыпались как из рога изобилия. Какое-то время все были довольны. И учёные, которым за их труды теперь платили звонкой монетой, и человечество, которое с головокружительной скоростью строило новые заводы и фабрики, паровозы, корабли и самолеты, производило кучу мелких безделушек, облегчая себе жизнь и освобождая время для отдыха и развлечений. Всё шло блестяще, но в какой-то момент процесс снова забуксовал.

Открытия и изобретения, лежавшие на поверхности, закончились, а те, что лежали поглубже, оказались не по зубам учёным-одиночкам. Чтобы найти бриллианты в навозе, потребовалось перелопатить всю кучу, а сделать это в одиночку оказалось никому не под силу. И вот, как на дрожжах, выросли научные школы, институты, коллаборации, где сидят десятки и сотни учёных и кропотливо изучают научную проблему, пытаясь найти решение. Бюджеты состав-

лены, открытия расписаны на годы вперёд, научные корпорации работают в промышленном масштабе.

Сегодня, в начале XXI века, все изобретения и открытия делают только научные корпорации, учёные-одиночки вымерли, как динозавры. И если какой-нибудь одержимый наукой чудак заявит, что его осенило, ему пришла в голову гениальная мысль, то серьёзные учёные умы поднимут его на смех, посчитают сумасшедшим, потому что это невозможно.

А может быть…

Глава 1. МАЛЕНЬКАЯ НЕТОЧНОСТЬ

– Этого не может быть, потому что такого не бывает! – всё больше распалялся Степан Аркадьевич, лихорадочно перелистывая пачку расчётов, лежащих у него на столе. – Тут у тебя явно какая-то ошибка! – он поднял очки на лоб и уставился пронзительным взглядом на молодого аспиранта Стаса Новицкого.

– Нет там никакой ошибки, Степан Аркадьевич, – обиженно ответил Стас. – Я десять раз проверил – всё верно!

– Ты хочешь сказать, что ты такой умный! – перешёл на повышенный тон Степан Аркадьевич. – До тебя сотни учёных считали, проверяли и опять считали. И пришли к однозначному выводу – чтобы проткнуть брану, нужна энергия миллионов звёзд. А ты тут насчитал, что достаточно энергии одной захудалой электростанции в Урюпинске?

– А кто сказал, что её нужно протыкать?

– Тогда как ты попадёшь в другое пространство? – Степан Аркадьевич уставился на Стаса широко открытыми глазами.

– А протыкать брану вовсе и не нужно. Из её стенки можно выдуть пузырь. Материя внутри пузыря будет находиться в другом пространстве, а стенка браны останется целой. Она просто плотно придвинется к стенкам бран, окружающих другое пространство. Для того чтобы выдуть из стенки браны пузырь и поддерживать его раздутым, достаточно нескольких сотен мегаватт, энергия звёзд тут не нужна, – невозмутимо ответил ему Стас.

– То есть ты считаешь, что все мировые светила физики, которые занимались этой проблемой, – идиоты? А ты умнее их! – продолжал горячиться Степан Аркадьевич.

– Нет, просто в изначальной гипотезе необходимость протыкания стенки браны была принята за аксиому, и никто никогда не пытался это опровергнуть, – возразил Стас.

Степан Аркадьевич откинулся на спинку кресла и задумался.

– Оставь мне расчёты, я посмотрю завтра. Сегодня уже поздно. Пошли-ка домой.

Доктор физико-математических наук Степан Аркадьевич Черных работал главным научным сотрудником в Институте теоретической физики. Он возглавлял лабораторию, одним из направлений исследований которой являлась проверка постулатов М-теории Э. Виттена, а Станислав Новицкий был его аспирантом первого года обучения.

В свои шестьдесят пять Черных выглядел довольно молодо, лишь седина на висках да неглубокие морщинки на широком лице выдавали солидный возраст. Невысокий, плотный, но без намёка на излишние килограммы, он создавал впечатление человека, следящего за своим здоровьем и регулярно посещающего спортзал и бассейн.

Его научная карьера началась в 1972 году, когда после успешного окончания физтеха Степан Аркадьевич поступил в аспирантуру на кафедру теоретической физики, в завершение которой спустя три года блестяще защитил кандидатскую диссертацию. Работа его увлекла. Его взяли в Институт теоретической физики, где он работал в окружении корифеев советской науки, и достаточно быстро защитил докторскую диссертацию, подавая большие научные надежды.

Но грянула перестройка, всё пришло в движение, забурлили общественно-политические процессы, и он оказался втянут в их водоворот. Хорошо, что успел до этого получить от государства квартиру, в которой до сих пор и проживал вместе с семьёй. Плохо, что этот водоворот подхватил его и вихрем пронёс сквозь перестройку и лихие девяностые, так ничего и не оставив в его карманах, но обогатив жизненным опытом. Ничего не заработав в бизнесе, в отличие от своих более удачливых коллег, Черных вынужден был, хоть и с большим трудом, вернуться в большую науку. Снова пришла стабильность, но какая-то убогая и примитивная, явно не та, которая была в советское время.

Погода стояла мерзкая, валил мокрый снег. Снегоуборочная техника, как всегда, где-то пряталась, видимо, выжидая, когда снега навалит побольше, и от этого город намертво стоял в пробках. Дорога домой вместо обычных пятидесяти минут заняла больше двух часов. Всё это время Степан Аркадьевич размышлял о том, что ему сказал его аспирант.

«Конечно, парень где-то ошибся в расчётах, что-то упустил, не учёл по неопытности, и, скорее всего, это обычная ошибка аспиранта», – думал он.

Но что-то ему всё же не давало покоя. Многолетний опыт и развившееся с возрастом чутьё подсказывали, что в этом деле не всё так просто.

«Ладно, завтра отложу все дела и проверю расчёты», – решил Степан Аркадьевич для себя, уже подъезжая к дому.

Припарковаться с ходу не получилось: снега навалило много, он был мокрый, снегоуборщик сгрёб его к тротуару и оставил там большой грязной кучей. При попытке пробиться на своё законное, отбитое в тяжёлых схватках с конкурентами парковочное место, «семёрка» Степана Аркадьевича застряла днищем в сугробе. Потратив ещё полчаса и развоторив весь сугроб, ему с трудом удалось втиснуться между соседними автомобилями так, что выехать назад казалось проблематично.

«К утру растает», – подумал он про сугроб и вошёл в подъезд.

Дверь открыла внучка Танечка, с порога забросав его вопросами, как снежками:

– Деда, а ты что так поздно? А ты мне книжку купил? А мы с тобой завтра вечером в бассейн пойдём?

– Прости, Танюша, не купил, работы сегодня было много, не успел в магазин заехать. Завтра обязательно куплю, и в бассейн вечером пойдём, – ответил он, оправдываясь, и нежно поцеловал её в макушку.

– Стёпа, ты что это опять так поздно? – на пороге кухни появилась его жена Алла Борисовна, дама преклонного возраста, но прилагавшая все усилия, чтобы выглядеть лет на двадцать.

– Да аспирант задержал. И погода видишь какая, всюду пробки, два часа ехал.

– Давай раздевайся и иди кушать. Я там мясо по-французски приготовила.

Степан Аркадьевич разделся и прошёл на кухню. Жена хлопотала у стола, раскладывая всё по тарелочкам. Он достал из холодильника бутылку своей любимой водочки, налил стопочку, выпил и принялся за ужин.

Алла Борисовна была настоящей кудесницей кулинарии. В каждое блюдо она вкладывала всю душу. Получалось так вкусно, что со временем все домочадцы вообще перестали есть пищу, приготовленную не её руками, и носили на работу контейнеры с обедом.

Степан Аркадьевич похвалил вкусный ужин, отвесив комплимент жене, взял пульт и включил телевизор. Новости его не интересовали. Он и раньше-то не особо смотрел новостные программы, но после начала событий на Украине слушать новости стало вообще невозможно. Поэтому в целях сохранения душевного здоровья он всегда переключался на свои любимые каналы. Если его и интересовали новости, то только новости науки. Научные и научно-популярные каналы он и смотрел.

И в этот раз, переключившись на свой любимый канал, Черных начал слушать новости зарубежной науки. Диктор рассказывал:

– Препараты для борьбы со старением станут доступны в течение трёх лет. Об этом заявили сотрудники университета Нового Южного Уэльса в Сиднее. Исследование учёных показало, что благодаря вновь синтезированному соединению можно создавать лекарства, продлевающие жизнь и полностью предотвращающие старение. По словам учёных, синтезированное химическое соединение активирует белок SIRT1 из числа ферментов-сиртуинов. Эти ферменты регулируют работу генов, связанных с реакцией живых клеток на стрессы и продолжительностью жизни. В истории фармацевтики ещё никогда не было лекарства, которое так

ускоряло бы действие белка. Почти все остальные препараты либо замедляют это действие, либо вообще блокируют его. Процесс старения не является необратимым, а с помощью новых лекарств люди могут долгие годы оставаться молодыми и прожить до ста пятидесяти лет. Но, как сообщил в своём интервью доктор Синклер, ещё предстоит провести ряд дополнительных исследований и только после этого перейти к клиническим испытаниям.

– Слыхала, мать! Теперь ты вместо своих таблеток от давления будешь пить таблетки от старения. Сразу станешь выглядеть как восемнадцатилетняя и на тусовку побежишь.

– Я и так молодая, это из тебя, Стёпа, песок сыплется. Что ни попросишь сделать – то спина болит, то шея. Это тебе молодильные таблетки пить надо, – с сарказмом ответила жена. – Слушаешь всякую ерунду по телевизору и веришь в эту фантастику.

– Это не фантастика, а научное открытие, – возразил он жене.

– Ага, открытие! Сколько ты этих открытий сделал и где они? Кто их руками трогал? – кинулась она в бой.

– Ну Аллочка, ты же знаешь, что я физик-теоретик, мои открытия руками потрогать не получается, – попытался он перевести разговор в конструктивное русло.

– Так же как и твою зарплату, которую ты за них получаешь. Дочери уже давно квартиру купить надо, сколько они у нас тут жить будут? Пока внучка замуж не выйдет? – не унималась жена.

Разговор зашёл явно не туда и перестал ему нравиться.

– Знаешь, дорогая, я сегодня сильно устал, да и поздно уже. Пойду-ка я отдыхать.

– Вот так всегда, как только серьёзный разговор, так у него то голова болит, то он спать пошёл, – продолжала ворчать Алла Борисовна.

Степан Аркадьевич заглянул в ванную, умылся, почистил зубы и отправился в комнату. Развернул диван, разделся и лёг спать. Все разговоры в их семье в последнее время сводились лишь к одному вопросу – как купить дочери квартиру? Если бы он знал, как, то давно бы купил, не задумываясь. Но так получилось в его жизни, что он всё время не успевал к раздаче слонов. Когда все его коллеги, забросив науку и появляясь на кафедрах или в институтах на два часа в день, да и то не каждый день, заколачивали деньги в кооперативах, он занимался наукой. Просиживал на работе с утра до вечера, занимаясь расчётами и работая с аспирантами. По ночам и в выходные дни писал научные статьи в различные журналы, проверял и читал тот бред, который, выдавая за важные научные труды, сочиняли аспиранты.

Призом для его коллег стали квартиры, машины и дачи, а для него – имя в научном сообществе и плеяда благодарных учеников. Когда в начале девяностых его супруга наконец-то ему объяснила, что так жить больше нельзя, Степан Аркадьевич бросился в бизнес с головой. Правда, это выглядело скорее как прыжок с самолёта без парашюта. Уволился из НИИ и с такими же, как сам, горе-бизнесменами открыл контору «Рога и копыта». Они начали торговать ширпотребом, надеясь сколотить небольшое состояние. Но отсутствие опыта и предпринимательской жилки у всех без исключения участников проекта быстро привели дело к полному и неминуемому краху.

Ещё несколько раз Степан Аркадьевич упрямо пытался заняться бизнесом, исследуя разные сочетания партнёров и направлений, и каждый раз происходило одно и то же. То ли ему просто не везло, то ли всё это оказалось совершенно не для него. Наконец, полностью отчаявшись, он вынужден был сдаться и вернуться в родной НИИ, упав на колени перед руководством и раскаявшись во всех грехах. Руководство института приняло его в родные пенаты, простив ему страшную измену науке и считая неплохим учёным благодаря старым заслугам. Но карьерный рост он себе подрубил на корню, и его оставили на должности главного научного сотрудника, в то время как его более успешные коллеги уже давно достигли административных высот и связанного с ними материального благополучия. Что поделать, время оказа-

лось упущено, он был сотрудником предпенсионного возраста, и никто не стал продвигать его по карьерной лестнице.

Не лучше ситуация сложилась и в семье. Они с женой, единственной дочерью и внучкой проживали в двухкомнатной квартире, которую ещё в советское время выделил институт. Их дочь Катя работала учителем музыки в музыкальном училище. Работа ей очень нравилась, но, к великому сожалению, не приносила никакого дохода. Катя с детства была тонкой и романтичной натурой, ей нравились литература, поэзия, музыка и изобразительное искусство. К точным наукам, таким как математика, физика, химия и прочие, она не проявляла никакого интереса, сколько родители ни старались. С шести лет она ходила в художественную и музыкальную школы, причём последнюю с успехом закончила на отлично по классу фортепиано. Чего нельзя было сказать об её успехах в общеобразовательной школе. Окончив школу с трояками по математике, физике и химии, она закрыла для себя все иные жизненные пути, кроме пути в искусство.

По этой узкой тропе Катя и двинулась дальше, получив полное музыкальное образование. Однако то ли высокие сферы музыкального бомонда не разглядели в ней сказочного таланта, то ли они с ней не сошлись характерами, но после многих попыток устроиться на музыкальном олимпе она оказалась в музучилище. В личной жизни у неё тоже не сложилось. Она познакомилась с этим проходимцем Жорой Куропаткиным, который играл на бас-гитаре в какой-то захудалой провинциальной поп-группе, и влюбилась всем сердцем в это чудовище. Это был алкоголик и отпетый проходимец, совершенно разнузданного нрава тунеядец и психопат. Всё, что он зарабатывал от раза к разу своей концертной деятельностью, – спускал тут же на попойки, прикиды и тусовки. По крайней мере за те два года, что он прожил в их доме, ни Степан Аркадьевич, ни Алла Борисовна, ни дочь Катя от него ни копейки не видели.

Видели только скандалы, истерики и попойки, при этом столовался и квартировал он совершенно бесплатно. В довершение ко всему Катя от него забеременела, хотя они и не состояли в браке, и родила очаровательную внучку Танечку. В результате Алле Борисовне это безобразие надоело, и она положила ему конец, с позором изгнав негодяя из дома, несмотря на слёзы и мольбы дочери.

Конечно, зарплаты и пенсии Степана Аркадьевича, а также пенсии супруги и зарплаты дочери хватало на жизнь. Не часто, а точнее, не каждый год, они даже ездили на отдых в Египет или Турцию, но это был предел, сверх которого они не могли ничего себе позволить. Купить квартиру в Москве с такими доходами не представлялось возможным. Но жена и дочь почему-то вбили себе в голову мысль о квартире, и это стало мечтой их жизни. Причём реализация этой мечты возлагалась именно на него. Он предлагал им более приземленный вариант – обменять квартиру на трёхкомнатную с доплатой. Кредит на доплату, хоть и с трудом, но можно получить. Ещё продать машину и выгрести все скудные накопления на старость. Это казалось вполне выполнимой задачей, но супруга сказала, что ей нравится эта квартира и ни в какую другую она больше не поедет. Ситуация оставалась патовой, его постоянно пилили, и он просто не знал, что делать. С такими грустными мыслями и уснул.

На следующий день Степан Аркадьевич принялся проверять расчёты Новицкого. Провозился с ними до вечера, но, как ни искал, так и не нашёл ни одной ошибки. Это его очень удивило.

«Может, не по глазам? Может, я где-то чего-то не рассмотрел в этой стопке математических формул?» – подумал он.

Но ситуация складывалась странная. Если расчеты окажутся верными, то это потянет на открытие века, сопоставимое с теорией Альберта Эйнштейна. Нет, это фантастика! Такого не бывает! Какой-то аспирант-очкарик – и вдруг такое? Но ведь и Эйнштейн опубликовал свою теорию, работая клерком в патентном бюро. Правда, это было сто лет назад, а сейчас на дворе XXI век.

Степан Аркадьевич пребывал в полной растерянности. Что с этим делать, он не знал. Вдруг ему в голову пришла мысль отдать всё это на проверку математикам. У них стоят мощные компьютеры, и вообще они доки по части математических моделей. Для этого он решил позвонить профессору Лямину, снял трубку и набрал номер.

– Иван Георгиевич, здравствуйте! Это Черных беспокоит, – начал он разговор, когда Лямин взял трубку.

– Добрый вечер, Степан Аркадьевич! Давно не слышались. Какими судьбами?

– Да есть тут к вам одна просьба. Расчёты надо проверить у моего аспиранта.

– А что, сами-то никак?

– Да объём очень большой, это по М-теории Виттена, там математики на сто страниц. У нас даже программного обеспечения такого нет.

– Ну хорошо. Приносите. Только мои ребята сейчас заняты. Раньше, чем через два дня, не получится.

– Спасибо вам огромное, Иван Георгиевич! Я тогда завтра с утра его с расчётами к вам пришлю?

– Присылайте. Пусть старшему научному сотруднику Вячеславу Колосову всё отдаст и расскажет. Я его предупрежу.

– Ещё раз спасибо, Иван Георгиевич! До свидания! – попрощался Степан Аркадьевич, записывая имя и фамилию старшего научного сотрудника, который будет проверять расчёты.

– До свидания, Степан Аркадьевич! Всех вам благ! – ответил Лямин и повесил трубку.

Черных посмотрел на часы. Стрелки показывали без пяти минут шесть. Неплохо бы успеть заскочить в книжный магазин и купить Танюше книжку, которую она давно просила. Ну а потом поехать вместе в бассейн.

***

Каково же было удивление Степана Аркадьевича, когда ровно через неделю на пороге его кабинета нарисовались аспирант Новицкий и старший научный сотрудник Колосов с глазами размером с блюдце. Из взволнованного рассказа последнего черных понял, что расчёты Новицкого совершенно верны, и поправка, введённая им в математику Виттена, работала идеально. Математики проверяли всё несколько раз с использованием самых лучших программ – и в конце на самых мощных компьютерах. Результат всегда получался один – никакой ошибки у Новицкого не было.

Степана Аркадьевича бросило сначала в жар, а потом в холод, на лбу выступила испарина, а сердце собралось выскочить из груди. В воздухе, который он хватал полным ртом, ощущался запах Нобелевской премии, а точнее запах свежеотпечатанных стодолларовых купюр, из которых она состоит. Единственное, о чём он пожалел, так это о том, каким же он был дураком, отдав этот вопрос математикам. Теперь об этом знает куча людей, по крайней мере вся кафедра математики. Отделаться от соавторства Лямина и Колосова будет невозможно, а это значит, что премию придётся делить.

Но Степан Аркадьевич был всё же настоящим учёным и в вопросе отлично разбирался. Он знал, что сама по себе поправка к математике Виттена ещё ничего не значит. Она просто открывает возможность практического применения теории, которая до этого являлась лишь экзотическим украшением теоретической физики и представляла интерес только для узкого круга учёных. Из-за неё ломали копья физики-теоретики, но практического применения она не имела, так как проверить, верна ли она, было невозможно. Но теперь эта возможность появилась, и если создать необходимое оборудование и провести эксперимент, а эксперимент удастся, это будет настоящее открытие. В этом случае авторам точно гарантирована Нобелевская премия. Так вот, ко второму этапу работы он ни одного математика на пушечный выстрел не подпустит. Да и вообще теперь никого к этой работе не подпустит.

Когда страсти немного улеглись, а дым американской валюты развеялся, Степан Аркадьевич перешёл к делу, попытавшись восстановить контроль над ситуацией. Он пообещал написать статью в соавторстве с профессором Ляминым и старшим научным сотрудником Колосовым и направить её в самые рейтинговые научные журналы мира. Но для себя решил, что эту статью пока положит под сукно и вытащит её только тогда, когда проведёт эксперимент, ну или будет полностью готов к его проведению. Чтобы, не дай бог, никто не только в их институте, а и во всём мире не перехватил инициативу. Иначе он в очередной раз останется с носом, как практически всегда бывало в его жизни. Обещание удовлетворило Колосова, и тот ушёл, окрылённый надеждой, что индекс цитируемости его работ в ближайшие пару месяцев побьёт все мировые рекорды.

Далее Степан Аркадьевич дал задание Новицкому сделать все расчёты по эксперименту и начал приглашать к себе в кабинет сотрудников отдела по одному и давать каждому задание на отдельный этап работ. Таким образом он исключал возможность плагиата со стороны коллег, потому что общую картину по физике знали только он и Новицкий.

После того как через пару месяцев на рабочем столе у Степана Аркадьевича образовалась здоровенная кипа отчётов, расчётов, проектов и прочих бумаг, он всё это прочитал и свёл воедино. В результате вырисовалась с одной стороны очень перспективная, а с другой – практически нереализуемая картина.

Во-первых, создание установки вылетало в совершенно баснословную для российской науки сумму – по приблизительным подсчётам примерно в миллиард долларов США. И это ещё не всё. Оборудование нужно было заказывать по всему миру, так как российская промышленность такого просто не делала, да и сделать бы не смогла. Во-вторых, когда Стас Новицкий

просчитал необходимую мощность для эксперимента, она возросла от первоначальной, правда, не катастрофически, но значимо. Им требовалась мощность одной атомной электростанции и плюс ещё немножко из единой энергосистемы страны. Стало понятно, что этого никто учёным так просто не даст.

Ставшая уже такой отчётливой и ясной картинка, на которой Степан Аркадьевич Черных выступает в Стокгольме на церемонии вручения Нобелевской премии по физике, померкла и начала медленно таять, стремясь вообще улетучиться. Картинку требовалось срочно спасать, и он напряг все свои мощные, тренированные годами научной работы извилины, чтобы найти приемлемое решение. Решение просилось только одно: искать спонсора. И не какого-то там захудалого российского олигарха, а приличного магната, зубастую акулу капитализма. Проблема заключалась только в том, где её найти. Мест, где водятся такие хищники, Черных не знал. Были, правда, ещё опасения, что такая акула может случайно проглотить и его самого, даже не подавившись. Но с другой стороны, зачем ей это делать? Без его мозгов вся затея теряет всякий смысл.

Но даже если допустить, что ему удастся поймать в свои сети такого хищника, что он ему предложит? Финансировать физический эксперимент для того, чтобы подтвердить или опровергнуть теорию, тот не будет. Акулы не играют в игры разума. Они если и вкладывают деньги, то хотят получить взамен что-то очень материальное и полезное для себя и своего бизнеса. Нобелевская премия такую акулу капитализма вообще не интересует, у него супруга такую сумму каждый день во время утренней прогулки тратит, а во время вечерней в два раза большую. Слава финансовому магнату тоже не нужна. Те из них, кто хочет славы, и так не сходят с обложек самых крутых глянцевых журналов. Их знают в лицо все, от папуасов Новой Гвинеи до американских сенаторов, и страшно им завидуют.

Есть среди них и те, кто, наоборот, не любит публичность. Информацию о них не раздобыть из сейфов ЦРУ ни за какие деньги. Нет, он сможет получить деньги на этот эксперимент только в одном случае: если чётко и понятно объяснит, что в результате его успешного завершения можно получить физически ощутимое благо. И оно должно быть настолько заманчивым, чтобы затмить собой потерю денег в случае неудачи.

Черных вызвал к себе Стаса и поручил тщательно проработать этот вопрос. Тот ушёл из кабинета в задумчивости. Одно дело – наука, а другое – практическое применение. С этим у учёных всегда были большие проблемы.

Стаса Степан Аркадьевич решил не торопить. Успокоившись, понял, что быстро тут ничего не решится, и стал продумывать варианты выхода на спонсора. Это представлялось самой сложной частью задачи. Действовать через сообщество учёных казалось крайне опасным, могли перехватить идею и присвоить себе все лавры. Поэтому решил действовать через бизнесменов. Среди тех, с кем он начинал заниматься бизнесом, были несколько человек, кто всё же сумел выбиться в люди, но уже позже и без него. Однако приятельские отношения с ними и контакты у черных остались, и он начал действовать.

Первым делом нашёл своего приятеля Андрея Воротникова, вместе с которым они занимались бизнесом ещё в его первом предприятии. В отличие от Черных, Воротникову всё же удалось выбиться в люди, и хотя акулой капитализма тот не стал, но в этакую средних размеров щуку превратился. Сначала сумел создать свой бизнес по импорту компьютерной техники из-за границы, а затем хитро извернуться так, чтобы его не съели рыбы покрупнее. Конечно, сохранить независимость не смог, но сумел объединиться с другими примерно своего уровня бизнесами и вошёл в ассоциацию, где был соучредителем и вице-президентом по внешнеэкономической деятельности. Андрей отлично знал английский и всё время пропадал за границей, ведя переговоры с крупными корпорациями о поставках в Россию.

Связей среди западного делового сообщества Воротников за последние годы накопил предостаточно, и оказался именно тем человеком, который Степану Аркадьевичу нужен. Сте-

пан Аркадьевич договорился о встрече, не раскрывая тему, а предложив просто так посидеть в баре, попить пива и вспомнить былые времена. Андрей, несмотря на занятость и плотный график поездок, согласился. Они встретились в субботу вечером в пивбаре недалеко от дома, где жил Воротников.

Оба обрадовались встрече, пили пиво и вспоминали, как вместе работали. Уже в конце разговора Степан Аркадьевич поднял вопрос, ради которого эту встречу и организовал. Андрей, как профессиональный бизнесмен, за эту идею ухватился, сразу намекнув на приличный откат за посредничество, и, получив согласие, обещал тему проработать. Правда, тут же заострил внимание на том, о чём Степан Аркадьевич и так знал, и начал уже реализовывать: это материальное воплощение идеи, которое и явилось предметом сделки. Черных сказал Андрею, что конкретика появится в ближайшие пару недель и её можно будет предоставить. На том и расстались, договорившись быть на связи.

Примерно через неделю после этой встречи в его кабинете появился Стас с черновиками своих идей по практическому использованию открытия. Степан Аркадьевич долго слушал доводы Новицкого, изучал его выкладки и расчёты и пробовал всё это состыковать и както оформить в целостную картину. Получалось, что если они смогут выдуть пузырь из браны, то им удастся попасть в любой параллельный мир, находиться там и делать всё что угодно как у себя дома. В какой из параллельных миров они попадут, зависело от координат двенадцатимерного пространства, в которое будут выдувать пузырь из стенок браны.

Что это за миры, куда можно попасть? Эти миры являются альтернативными нашему, то есть отпочковываются от него каждое мгновение, а наш мир разделяется на два: мир, в котором какое-либо событие произошло, и мир, в котором это событие не происходило. В первые мгновения оба мира почти одинаковы, они различаются только на одно событие, но в дальнейшем в другом мире начинают происходить уже иные события, которые не происходят в нашем мире, и наоборот.

Со временем различие миров нарастает. Значит, если они попадут в мир, который отпочковался от нашего мира секунду назад, то практически не увидят никаких изменений, различия будут минимальны. Но если они попадут в мир, который отпочковался от нашего мира во времена Юлия Цезаря и там на дворе тоже начало XXI века, то они могут увидеть в нём всё что угодно – другие страны, другие народы и даже другую цивилизацию.

Где находятся эти миры? Да прямо тут, вокруг нас. Они отделены от нашего мира бранами. Брана – это такой физический объект, который можно представить как очень тонкую энергетическую перегородку, имеющую колоссальную энергию. Структура бран двенадцатимерна, и поэтому в нашем трёхмерном пространстве они не являются плоскими. Представить их поверхность человеческому разуму невозможно. Она описывается только математически, и то с помощью многостраничного набора уравнений.

Все эти миры присутствуют вокруг нас и разделяются сложной системой бран. Иногда в системе происходят мощные энергетические флуктуации. Их причин никто не знает. Но они могут приводить к сдвигу бран, и тогда возникают аномальные явления. В некоторых местах планеты бесследно пропадают корабли и самолёты. Или появляются неизвестные объекты и существа, случаются необъяснимые явления. Это происходит по следующей причине: когда сдвигается брана, мы оказываемся в другом мире, видим происходящие там события и участвуем в них. Когда брана возвращается на место, всё исчезает.

Как же тогда соотносится время в этих мирах? В каждом трёхмерном мире время течёт со своей скоростью только вперёд. Но в двенадцатимерной системе время – лишь один из параметров сетки координат. Можно выбрать любую точку времени на оси и попасть в то время, которое выбрано. В нашем мире, где будет находиться устье пузыря браны, оно окажется привязанным к оси нашего времени. Поэтому оно будет двигаться по оси только вперёд всего несколько минут, после чего пузырь сдуется и брана вернётся в начальное состояние, прихва-

тив с собой всю материю нашего мира и ту материю из чужого мира, которая окажется связанной с нашей материей физически.

В параллельном же мире пузырь будет растягиваться от точки входа до установленной нами точки выхода на оси его времени, а в теории – хоть до бесконечности. Если изменить координаты времени в параллельном мире и установить их в виде отрезка, то тогда при достижении конечной точки отрезка пузырь прекратит раздуваться и тут же схлопнется. Это означает, что в нашем мире устье пузыря будет существовать минуты, а в мире, куда выдули сам пузырь, он может существовать годы, десятилетия, столетия – и, теоретически, бесконечность.

Всё это открывало просто фантастические коммерческие перспективы проекта. Можно было попасть в параллельный мир, отпочковавшийся от нашего, например, пять тысяч лет назад. зная расположение золотых приисков и рудников, выбрать из них всё золото, упаковав в наши контейнеры, и перетащить в наш мир. Проблема заключалась только в том, что масса и объём того, что можно было протащить в параллельный мир и вернуть обратно, например технику для добычи или старателей, являлись строго ограниченными. Но в нашем мире эта операция занимала минуты, а в другом мире старатели могли трудиться лет двадцать, пока не добудут нужное количество.

Степан Аркадьевич отправил Новицкого писать коммерческое предложение на конкретных примерах, чтобы потенциальный инвестор понимал, куда он вкладывается и чем рискует. На его взгляд, предложение казалось заманчивым. Вкладываешь чуть более полутора миллиардов долларов, а потом шуруешь по всем параллельным мирам и вытаскиваешь из каждого по нескольку тысяч тонн золота. Получались хорошие дивиденды на первоначальный капитал. Правда, он подозревал, что даже при успешной реализации проекта такой фокус со временем приведёт к сильным финансовым потрясениям в нашем мире. Но ему-то какое до этого дело. Ему нужна была слава учёного и приличные деньги, чтобы обеспечить себе и супруге беззаботную старость, а дочери и внучке – обеспеченную жизнь.

Через пару недель позвонил Воротников и сказал, что нащупал пару каналов, куда можно закинуть предложение. Оно должно быть оформлено на английском языке, конкретное по содержанию, но без лишних подробностей. Степан Аркадьевич попросил Стаса организовать качественный перевод и, когда тот был готов, позвонил Андрею и договорился с ним о встрече. Встретились днём у метро. Черных передал папку с документами Воротникову, и они договорились, что, как только будут какие-то результаты, Андрей ему позвонит. Воротников собирался уезжать через два дня в Лондон по своим коммерческим делам и обещал закинуть предложение по своим каналам, которые, по его словам, проявили к нему интерес.

***

В дверь кабинета постучали.

– Войдите! – сказал Степан Аркадьевич, не отрываясь от работы.

В кабинет вошли двое мужчин в верхней одежде, и один из них, тот, что постарше, спросил:

– Черных Степан Аркадьевич?

Степан Аркадьевич оторвался от работы, поднял очки на лоб и посмотрел на посетителей.

– Да, это я. А с кем имею честь разговаривать?

– Я – полковник Федеральной службы безопасности России Сергей Дмитриевич Морозов, а это мой коллега майор Николай Борисович Седых.

Не дожидаясь приглашения, они прошли в кабинет и сели к Степану Аркадьевичу лицом, показав издали служебные удостоверения.

У него ноги стали ватными, сильно засосало под ложечкой, и мороз пробежал по спине. Но он, собравшись с духом, спросил:

– Чем обязан, товарищи?

– Государственными секретами приторговываем, Степан Аркадьевич? – язвительно спросил Морозов.

– Не понимаю, о чём вы говорите.

Морозов открыл папку, которую держал в руках, и, достав оттуда документ, протянул его Степану Аркадьевичу, проговорив при этом:

– Вот об этом.

Степан Аркадьевич взял документ и просмотрел. Это был один из двух экземпляров коммерческого предложения для иностранного инвестора, которые он отдал Воротникову. Степан Аркадьевич усмехнулся и ответил:

– В чём же тут государственный секрет? Это всего лишь попытка найти финансирование для проверки научной гипотезы.

– Ну это вы будете сначала следователю, а потом в суде рассказывать. Где все документы по проекту?

– У меня, – упавшим голосом ответил Степан Аркадьевич.

– Вот постановление на обыск в вашем кабинете и решение суда о проведении обыска в вашей квартире. А вот постановление на изъятие всех документов. Можете ознакомиться, – произнес Морозов и, достав из своей папки три документа, вручил их Степану Аркадьевичу.

Тот взял бумажки трясущимися руками и положил на стол. Надел очки и попробовал прочитать, но буквы прыгали перед глазами и ничего не получалось. В голове крутилась мысль, что его просто подставили. Кто-то специально пошёл в ФСБ и отдал им коммерческое предложение. Спецслужбам никакого дела не было до науки, тем более до теоретической физики. Научные институты пачками продавали свои изобретения за границу без всяких последствий. Ученые стаями уезжали в США и Европу со своими открытиями. Их там публиковали, они становились знаменитыми и даже лауреатами Нобелевских премий. Неужели Воротников? Но зачем ему это надо? У него был свой шкурный, чисто коммерческий интерес. Если бы сделка состоялась, то он получил бы свой откат и умыл ручки. Скорее всего, он кому-то не тому сунул это предложение.

– Ну что? Ознакомились, Степан Аркадьевич?

– Да, – ответил он дрожащим голосом.

– В общем, так, Степан Аркадьевич. Мы хотим предложить вам лучший для вас вариант. Вы соглашаетесь сотрудничать со следствием. Передаёте следствию все без исключения документы. Помогаете разобраться в сути научного открытия. Добровольно отказываетесь от авторства. Подписываете обязательство о неразглашении. Тогда, возможно, следствие либо прекратит это дело, либо вы будете выступать по нему в качестве свидетеля. Подумайте, а мы подождём.

Так вот оно в чём дело! Значит, открытием заинтересовались политики. Как же он не подумал-то сразу. Какое, к чёрту, золото! Это примитивно. С помощью открытия можно трансформировать другие миры, менять политические системы, изменять там ход истории. Ценности оттуда тоже можно таскать, но это уже в качестве приза. Очевидно, что его коммерческое предложение попало на глаза кому-то очень умному, но связанному с политикой. И этот кто-то сразу оценил возможности. Надо было сразу выходить на политиков: те умеют приватизировать всё, научные открытия не являются исключением… Но хоть бы немного заплатили, а так он остался ни с чем! Хорошо будет, если ещё и не посадят.

– Хорошо. Я согласен на ваши условия, – удручённо произнес Степан Аркадьевич.

Глава 2. ОПЕРАЦИЯ «ВАРЯГИ»

На небольшой округлой площадке посреди большого поля стояли шесть человек. Вдали виднелась опушка леса, недалеко от неё – строение, напоминающее электроподстанцию. Отовсюду к нему тянулись провода пары десятков высоковольтных линий электропередач. Кроме шестерых людей в центре площадки вокруг не было ни души. Все стоявшие на площадке были одеты в настоящие космические скафандры белого цвета с ранцем за спиной и тонированным стеклом шлема. Только на костюмах отсутствовали опознавательные знаки страны, какие бывают у всех космонавтов, которых показывают по телевизору, – либо российский триколор, либо звездно-полосатый флаг на рукаве.

У четверых из шести на груди висели автоматы. Рядом с группой на площадке стояли металлические ящики с каким-то оборудованием. Казалось, что эти шестеро собрались лететь в космос, стоят на космодроме с багажом и ждут прибытия транспортного звездолёта.

– Что чувствуешь, Сергей Леонидович? – спросил один из них другого по внутренней связи.

– Мурашки по коже бегают. И дикий, леденящий душу ужас вперемешку со страшным любопытством чувствую. Думаю, что это же испытывают все приговорённые к смерти, взойдя на эшафот и положа голову на плаху. Разница между ними и нами лишь в том, что они знают, что произойдёт с ними через несколько минут, а мы этого не знаем.

– Всегда есть первопроходцы, как мы с вами, которые жертвуют всем, чтобы проложить путь человечеству в будущее. Без них люди жили бы ещё в каменном веке.

Свет вокруг шестерых начал меркнуть, и окружающее пространство начало заволакивать густым туманом. Вскоре свет совершенно исчез, они оказались в полной темноте. Пропала гравитация, как будто они внезапно очутились в невесомости. Начались сильное головокружение и тошнота. Так продолжалось пару минут. Потом вновь появилась гравитация, стало медленно светлеть, и туман рассеялся.

В глаза, несмотря на тонировку стекол скафандров, ударило ослепительно яркое солнце. Группа стояла посреди песчаной долины, которая простиралась до самого горизонта. Это была пустыня – один ровный песок и больше ничего. Сергей Леонидович повернулся влево и замер, громко вскрикнув:

– О боже! Смотрите, что от нас слева!

Все повернулись. Примерно в полукилометре от них стояла огромная пирамида. Она величественно возвышалась над долиной и ярко сияла в лучах солнца. Её стороны были идеально гладкими и отделанными белоснежным камнем, а самый кончик верхушки сверкал чистым золотом. Вдалеке за пирамидой текла широкая река. От реки к пирамиде был прорыт ровный канал, который заканчивался недалеко от её подножия каменной пристанью с храмом за ней. По реке плыли несколько лодок под парусами. людей поблизости не наблюдалось.

– Это же пирамида Хеопса! Она только что построена! Двух других ещё нет! Боже мой! Мы в древнем Египте в период царствования четвёртой династии, в долине Гизы! Это примерно две тысячи пятьсот пятидесятый год до нашей эры! – орал в экстазе Сергей Леонидович.

Он пытался отсоединить и снять с себя шлем скафандра, пока другие участники группы, повернувшись к пирамиде, заворожённо смотрели на неё. Наконец освободившись от шлема и бросив его себе под ноги, он кинулся к ящикам с аппаратурой. Открыв ящик, вытащил оттуда фотоаппарат с большим объективом и начал фотографировать сначала пирамиду, потом храм, пристань и реку с плывущими по ней лодками.

– Это же невероятное открытие! У пирамиды вершина действительно была из чистого золота! Нил очень близко протекал от долины, и от него был прорыт канал! Эти фотографии станут настоящей сенсацией! – как ребёнок радовался Сергей Леонидович.

– Зря вы так радуетесь. Сдаётся мне, что эти фотографии не увидит никто, кроме организаторов проекта. Да и о том, что мы сейчас видим, никто не узнает.

– Почему?!!

– Потому что этим проектом занимаются спецслужбы, а не учёные. Если вы помните, мы подписали кучу разных бумаг о неразглашении государственной тайны. Это не научный проект, а военный. Там, где наукой начинают заниматься спецслужбы, заканчивается вся наука и начинается война.

– Всё, уходим отсюда, – сказал один из их спутников, вооружённых автоматами, и нажал очень большую кнопку на приборе, который держал в руке.

Свет вокруг них начал тускнеть, и всё заволокло густым туманом.

***

Дениса Трофимовича Богатырева срочно вызвали к руководству прямо во время оперативного совещания, которое он проводил с руководителями подразделений. Совещание пришлось прервать и перенести на завтра.

«Что такого экстренного могло случиться?» – подумал он, направляясь по лестнице на четвёртый этаж, где находился кабинет руководителя.

Денис Трофимович был генерал-полковником ФСБ России, и назвать работу в их ведомстве спокойной даже язык не поворачивался. Но всё же такой срочный вызов к начальству представлялся необычным. Почему ему не дали даже закончить совещание?

Он вошёл в приёмную, и секретарь, увидев его, сказал:

– Проходите, Денис Трофимович! Николай Ефимович ждёт вас.

Войдя в кабинет шефа, он увидел, что тот сидит за столом и внимательно изучает какие-то бумаги.

– Добрый день, Николай Ефимович!

– Добрый день, Денис Трофимович! Проходите, присаживайтесь! Разговор у нас будет долгий. Может, вам чаю или кофе?

– Да нет, спасибо, Николай Ефимович. что-то случилось?

– А вы, кстати, зря от чая отказались. Сидеть мы с вами будем до позднего вечера. Так что я чаёк себе попрошу. Вы уж извините.

Николай Ефимович нажал кнопку коммутатора и сказал секретарю:

– Валентин Михайлович, чашечку чёрного чая принесите мне, пожалуйста!.. Так вот, Денис Трофимович. Дело, о котором пойдёт сейчас речь, совершенно невероятное, фантастическое и является государственной тайной высочайшего уровня секретности. Кроме этого, всё нужно будет выполнить в кратчайшие сроки с соблюдением всех мер безопасности, чтобы исключить даже малейшую возможность утечки информации. Руководство выбрало именно вас – как профессионала, имеющего опыт планирования и проведения подобных операций, – начал Николай Ефимович.

Дверь кабинета открылась, и вошёл секретарь, неся в руках чашку горячего чая. Он поставил блюдце с чашкой на стол перед шефом и вышел из кабинета, а Николай Ефимович продолжил:

– Полтора года назад в Институте теоретической физики Академии наук один аспирант совершенно случайно совершил невероятное открытие. Это открытие связано с теорией, объясняющей строение пространства. Из этой теории вытекало, что можно построить установку, которая позволит физически перемещаться в иные миры и в иное время. Денег у них в институте на создание установки не было, и они решили всё это продать американцам. Наша служба эту сделку предотвратила и изъяла всю документацию. Открытие сразу же засекретили, и им заинтересовалось руководство. Подключили всех наших светил науки, проверили рас-

чёты и проект установки и пришли к выводу, что эта фантастика может оказаться реальностью. Нашли наших российских частных инвесторов для финансирования проекта. На эти средства четыре месяца назад построили первую установку. Её включили – и всё получилось.

Николай Ефимович замолчал, придвинул к себе чашку с чаем, бросил туда два кусочка сахара и принялся размешивать.

– То есть, если я правильно вас понял, с помощью этой установки смогли попасть в другие миры? – спросил Денис Трофимович.

– Совершенно верно! Не только попасть, но и пробыть там длительное время и вернуться назад. Сорок семь добровольцев пробыли в других мирах от нескольких минут до семи лет, и все они вернулись целыми и здоровыми. Это были учёные и бойцы спецназа. Учёные притащили с собой кучу разных артефактов, начиная от чучел саблезубых тигров и кончая древними фолиантами из Александрийской библиотеки. Забили этой ерундой целый склад. Установка позволяет попасть в другой мир и находиться там неограниченное время, делать всё что угодно, а затем снова вернуться обратно, что-нибудь прихватив с собой оттуда. При этом в нашем мире проходит чуть более двадцати минут.

Николай Ефимович замолчал, взял чашку и отпил несколько глотков.

– Да! Это настоящая фантастика! – воскликнул Денис Трофимович.

– Вот-вот, и я о том же. Когда начали отправлять первых добровольцев, столкнулись с одной проблемой. После нескольких лет пребывания в другом мире они вернулись постаревшими. Это было очень заметно, а так как проект засекречен, пришлось выплачивать очень большие деньги родственникам, чтобы те молчали. Добровольцев пришлось перевозить в другие города и устраивать на новую работу. Потом случайно узнали, что австралийские медики изобрели лекарство, очень сильно замедляющее старение, но сидели без денег на проведение клинических испытаний. Наша служба сумела раздобыть у них рецепт. Сделали таблетки и проверили на добровольцах. Оказалось, что работает – и чем моложе доброволец, тем эффективнее. До двадцати пяти лет при регулярном приёме лекарства старение вообще полностью останавливается. Если добровольцы были старше, то старение только замедлялось, причём чем старше, тем меньше.

– И что же теперь планируется со всем этим делать? – спросил Денис Трофимович.

– Вот тут-то и начинается самое интересное! Сначала наверху думали, что из этих миров будут таскать золото, платину и алмазы, а затем продавать их американцам с европейцами. Но потом поняли, что это полная ерунда. Если принести много, то цены сразу же упадут, а если ещё больше, то и покупать не будут, эти ценности станут никому не нужны. Это как с нефтью и газом: чем больше, тем хуже. Поэтому задумали там совсем другую операцию. И провести её нужно очень быстро. Потому что огромные деньги, которые уже взяли у инвесторов на всё это и, видимо, ещё брать придётся, нужно возвращать с процентами. Да и сама операция в огромные деньги обойдётся.

– В чём же тогда будет моя задача? Что от меня требуется?

– Самое первое – подписать вот эти документы, касающиеся уровня секретности. Потом я надену вам на руку электронный браслет. После этого введу в курс дела относительно операции. Вы, Денис Трофимович, назначены её руководителем.

Николай Ефимович протянул пачку документов, лежавшую у него на столе.

***

Денис Трофимович проводил экстренное заседание штаба по планированию сверхсекретной операции, руководителем которой его назначили месяц назад. Операции присвоили кодовое название «Варяги». Экстренным заседание стало потому, что начальство торопило,

а в установленные сроки они никак не укладывались. За это он сегодня получил очередной нагоняй и поэтому сидел хмурый и злой.

Операция, которую задумало руководство, по масштабам превосходила всё, с чем он когда-либо встречался в своей профессиональной деятельности. Когда Николай Ефимович раскрыл ему весь замысел руководства, Денис Трофимович просто оторопел от услышанного и долго не мог собраться с мыслями. Сидел молча около получаса, прежде чем начал соображать. Целью операции являлось изменение в одном из параллельных миров хода Второй мировой войны в пользу Советского Союза. Для этого планировалось телепортировать в данный мир военный контингент, численностью равный примерно одной дивизии, вооруженный самой современной военной техникой и оружием. Время прибытия контингента выбрали в первых числах июля 1941 года.

Контингенту предстояло остановить наступление немецких войск, не допустить их продвижения на территорию страны, захвата городов и разгрома частей Красной армии. После этого военные специалисты контингента должны были реорганизовать Красную армию, провести мобилизацию страны, наладить производство новых видов оружия и в кратчайшие сроки разгромить германию и Италию без помощи союзников, взяв под полный контроль всю Европу. Затем помочь союзникам разгромить Японию в обмен на территории в Азии.

После окончания войны планировалось полностью перестроить промышленность страны. Используя технологии начала XXI века построить новые заводы, начать на них выпускать всё – от бытовой техники до самолётов – и стать единственным в том мире производителем. Затем полностью реорганизовать всю мировую финансовую систему так, чтобы получить необходимое количество драгметаллов и бриллиантов для расчетов с частными инвесторами по данному проекту. После этого контингент должен будет вернуться из того мира, а операция станет считаться завершённой. В том мире начнётся следующая операция, но руководителем штаба по её планированию назначен другой человек, и её сути, а уж тем более подробностей, Денис Трофимович не знал.

Ему хватило и того, что он знал и, самое главное, что должен был сделать. На планирование и подготовку операции отводилось всего четыре месяца. В первой половине сентября весь контингент вместе с оружием и техникой должен быть размещён на спецплощадке и телепортирован, чтобы уже через двадцать минут вернуться назад с выполненной миссией. Получалось, что ему за четыре месяца нужно спланировать целую мировую войну и промышленную революцию, и всё это в условиях строжайшей секретности. От этого у него даже дух захватило. Задача казалась совершенно невыполнимой. Но это на первый взгляд. Когда Николай Ефимович рассказал ему подробности, всё оказалось не так ужасно.

От Дениса Трофимовича требовалось лишь спланировать и подготовить к отправке необходимое количество техники, оружия, боеприпасов, приборов, оборудования, запчастей и продуктов питания. Подготовить технологическую и производственную документацию для строительства заводов и производства оружия, техники, оборудования, приборов, товаров. Набрать военный контингент и специалистов, которые будут его готовить, а также обслуживать технику и системы. Загрузить необходимую информацию в компьютеры, которым предстоит отправиться вместе с контингентом. Все это телепортировалось сначала на промежуточную базу, которая уже была создана в другом мире. На той базе планировалось подготовить персонал, разработать подробный план операции, и уже оттуда телепортировать контингент в выбранный для проведения операции мир.

Прошёл уже месяц, а они так окончательно и не определились с количеством необходимого вооружения. По военному контингенту и требованиям к нему тоже были вопросы. Сегодняшнее совещание как раз и должно прояснить эти моменты.

– По мнению военных аналитиков, весь личный состав при подготовке к операции должен пройти действительную военную службу в армиях потенциальных противников. Это необ-

ходимо, чтобы знать боевую технику, вооружение, структуру, систему управления войсками и особенности ведения боевых действий. Из-за этого есть серьёзные ограничения по возрасту кандидатов. Они должны быть от восемнадцати до двадцати пяти лет, – начал доклад руководитель группы военных аналитиков майор Сергей Николаевич Ивлев.

– Почему недостаточно службы только в российской армии? – спросил Денис Трофимович.

– Потому что российская армия не германская, не итальянская и не британская или американская. Специфику армии, кроме как на собственной шкуре, узнать невозможно, сколько лекций про это ни читай и практических занятий ни проводи. Прослужить в армии необходимо не менее одного года, и желательно во время ведения боевых действий, в крайнем случае при подготовке к ним. Службу можно организовать в других мирах во время военных конфликтов, происходивших в течение последних восьмидесяти лет, где принимали участие немецкие, итальянские, британские и американские войска.

– Но ведь для прохождения службы в иностранных армиях понадобится знание языка на уровне носителя. Где мы такой персонал найдём? – вмешался в разговор генерал-майор Савушкин, назначенный заместителем руководителя операции.

– Придётся подготовить. Потому что знание языка на уровне носителя понадобится не только для этого. Второй и третий этапы проведения операции потребуют управления освобождёнными территориями и создания на них промышленной и военной инфраструктуры. Без знания языка это реализовать не получится. Современные мнемонические методики изучения иностранных языков позволяют достичь результата в короткий срок, но, к большому сожалению, не всем. Очень много зависит от особенностей обучаемого, его природной способности к овладению языками. Обнаружить эти особенности несложно, но это приведёт к большому отсеву кандидатов на этапе изучения языков.

– И сколько процентов кандидатов, по-вашему, отсеется? – спросил Савушкин.

– Примерно третья часть, – ответил Ивлев.

– Вы хотите сказать, что нам придётся этот мусор оплачивать? – возмущённо спросил Денис Трофимович.

– Не обязательно. В контракте можно предусмотреть, что в случае, если программа по изучению языков при подготовке не будет освоена, контракт расторгается без оплаты.

– Да, но набирать и учить всё равно придётся, а это тоже стоит денег! – заметил Денис Трофимович.

– Но другого решения у нас нет. Без знания языка не отслужить в иностранной армии. Без знания противника не достичь поставленных задач. Мы хотим менее чем одной дивизией остановить армию целой страны, отлично вооружённую, и не дубинами, а танками, самолётами, пушками и пулемётами, пусть и не современными. Армию, имеющую отличный боевой опыт и высокий уровень дисциплины. Тогда надо увеличивать контингент в десятки раз. Да и это небольшие затраты. Гораздо большие затраты аналитики планируют на потери при прохождении службы. Службу-то придётся организовать в горячих точках, а там стреляют, убивают и калечат. В германском вермахте стажёры могут ещё и в гестапо по глупости попасть. Это уже будут боевые потери, за них придётся хорошие деньги платить. Бесплатно под пули или в гестапо никто не полезет.

– У нас ещё и германский вермахт! – воскликнул Савушкин.

– Вроде это основной противник в нашей операции. Или контингент не против него планирует воевать? – удивлённо спросил майор Ивлев.

– Ну и что у нас с этим вермахтом? – спросил Денис Трофимович.

– Возникают очень большие ограничения по внешнему виду и физическим особенностям кандидатов. У них на теле не должно быть никаких татуировок, пирсинга, шрамов от ранее проведённых операций, следов религиозных обрядов. Зубы должны быть либо здоровыми,

либо вылеченными методами стоматологии тридцатых годов XX века, но это решаемо, зубы можно перелечить. Внешний вид и физическое развитие должны максимально соответствовать принятым тогда в германии стандартам и не вызывать никаких подозрений.

– Это что ещё за стандарты? – спросил Савушкин.

– Принадлежность к так называемой арийской расе.

– Так, где мы вообще такой персонал найдём?

– Тут как раз большой проблемы и нет. У нас в стране примерно четверть населения таким критериям соответствует. Но, конечно, с учетом всего сказанного требования к персоналу получаются довольно высокие.

– Так сформулируйте их, пожалуйста, окончательно, – попросил Ивлева Денис Трофимович.

– В качестве основного состава нам нужно будет набрать пятнадцать тысяч молодых людей в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. Все они должны быть европейской наружности, физически абсолютно здоровыми, спортивного телосложения, без всяких пирсингов и татуировок. Являться студентами или выпускниками высших учебных заведений по более чем двадцати специальностям. Перечень специальностей был роздан перед совещанием. Летчиков, врачей, специалистов спецслужб, военных инженеров и техников, а также высший командный состав набираем из армии и спецслужб, но их немного.

– Ну а если мы не сможем набрать необходимое количество здоровых парней арийской наружности? – спросил Савушкин.

– Тогда придётся взять небольшое количество просто здоровых парней. Только посылать их служить в вермахт нельзя, но можно в бундесвер. Это, конечно, несколько ослабит потенциал контингента. Но важно, чтобы основная масса всё же прошла подготовку в вермахте.

– У кого ещё есть какие мнения, предложения по личному составу? – спросил Денис Трофимович.

– Мне кажется, что Сергей Николаевич доложил мнения аналитиков чётко и обоснованно, тут добавить нечего, – сказал майор Ужицкий, руководитель группы по вооружению.

– И как нам теперь эти требования в установленные сроки выполнить и такой состав набрать? – поинтересовался у присутствующих Богатырев.

– Договориться с рекрутинговыми агентствами во всех крупных городах, где есть высшие учебные заведения по требуемым специальностям. Направить туда наших сотрудников. В связи с повышенными требованиями проводить отсев кандидатов на уровне медкомиссий, – предложил майор Ивлев.

– На уровне медкомиссий у нас даже в военкоматах такой отсев идёт, что призывать некого. Они же все больные. Абсолютно здоровых очень мало. Вы, Сергей Николаевич, нам тут ещё планку по требованиям подняли на небывалую высоту. Боюсь, что нашу медкомиссию пройдёт один из сотни. И будет он для нас почти золотой. Но нам-то надо, чтобы он ещё и контракт подписал! Да какой! Вот я бы в здравом уме никогда такое не подписал, – рассуждал Денис Трофимович.

– Они все молодые, им ещё приключений хочется. Ну а дальше всё будет зависеть от стимула. Сколько им готовы заплатить по контракту. Мне финансовая сторона вопроса неизвестна. Но это должны быть очень хорошие деньги. Некоторые из них головы сложат в этой операции, а в наше время за три копейки никто умирать не захочет, – ответил Сергей Николаевич.

– Что там у нас с танками получается? – сменил тему для обсуждения Денис Трофимович.

– Мы смоделировали операцию на компьютерах и с учётом всех известных факторов посчитали, что для выполнения задачи по нанесению контрударов немецким войскам в июле 1941 года необходим минимум один полк танков «Армата», но это при условии, что всё будет

идеально. Для достижения гарантированного успеха необходима танковая дивизия, – ответил майор Ужицкий.

– Да у нас этих танков всего-то один полк и есть! Какая, к чёрту, дивизия? Уралвагонзавод дивизию ещё пять лет делать будет. Они и этим-то башни переставить в срок не успевают! – воскликнул генерал-майор Савушкин.

– А зачем вообще принялись башни танкам переставлять? Это же столько геморроя! Мы так точно к сроку не успеем! – возмутился Богатырев.

– Из-за калибра орудия, Денис Трофимович. Во время Второй мировой войны в СССР не выпускали 125-миллиметровые снаряды к пушке, которая стоит в старой башне «Арматы». Такого калибра в СССР вообще не было. А вот 152-миллиметровые снаряды имелись, их много на складах ещё с царских времён хранилось. Да и советская промышленность их выпускала для гаубиц и пушек. В случае острой необходимости их можно использовать для стрельбы из орудий «Арматы». Мы же не можем с контингентом целый артиллерийский склад со снарядами отправить, погрузим самый минимум. Ну а дальше-то чем они воевать будут? К тому же эта пушка позволяет вести огонь зенитными ракетами, что немаловажно из-за недостатка систем противовоздушной обороны у контингента в условиях разгрома советской авиации в первые недели войны. Так что это вынужденная мера, – ответил майор Ужицкий.

– Ну вот ещё хрень с этими калибрами! Кругом одна засада! Может, мы и полк-то танковый не наберём, если в Нижнем Тагиле башни всем танкам сменить не успеют. Чем «Армату» можно заменить?

– По калибру – ничем. У нас все танки, которые имеются в армии и на складах со 125-миллиметровыми пушками. У этих танков боевая эффективность ниже, поэтому придётся добавить ещё один полк танков Т-90 и снарядов к ним минимум месяца на три боёв. Чтобы хватило, пока советская промышленность выпуск боеприпасов освоит. Давайте мы такой вариант просчитаем, – предложил майор Ужицкий.

– Ни хрена мы не добавим! Ни танков Т-90, ни снарядов к ним. Мы по массе телепортируемого груза не проходим, у нас только один танковый полк и проходит. Иначе придётся что-то выбрасывать из другой техники, а там всё нужное, – возразил генерал-майор Савушкин.

– Ну, значит, тогда я иду к руководству, и пусть они сами с Уралвагонзаводом разговаривают. Чтобы те на всех «Арматах» башни успели заменить. Больше этим вопросом не озадачиваемся, – подытожил Денис Тимофеевич.

– Да, но при наличии всего одного танкового полка есть очень большие риски, что операция пойдёт не по плану. Личный состав может не справиться с задачей. Это как игра на грани фола, у них не будет права даже на малейшую ошибку. От них потребуется не только высочайший профессионализм, но, как мне кажется, нечто большее, – выразил сомнения майор Ивлев.

– Справятся они! Мы им такие бабки по контракту платим! Я бы за такую кучу бабла и не с таким пустяком, да ещё с такой техникой, справился. Их же почти шесть лет учить и тренировать будут. Думаю, что это не проблема, – сказал Савушкин.

– Мне кажется, что на войне побеждает не техника, а солдаты. Их героизм и самоотверженность, их вера в правоту своего дела и свою победу. Это ни за какие деньги не купишь! Вы уверены, что эти парни, которых мы наберём из лихих девяностых, будут способны на подобное? Я вот лично сомневаюсь! Это же не советские солдаты, которые шли с голыми руками на смерть за Родину и за Сталина, – возразил Ивлев.

– Вечно вы, Сергей Николаевич, всё усложняете. Опять про какие-то высокие материи говорите – вера, героизм. Это в Советском Союзе всё про веру и героизм рассуждали. Ну и что? Стоило пачкой долларов перед носом помахать, как все про всё забыли и побежали карманы набивать. Вон как в эти самые лихие девяностые из-за бабла друг другу глотки грызли и друг друга мочили. У кого калибр побольше да реакция получше, тот прав оказался и живой при бабках остался… Всё, закончили эту тему, – завершил разговор Богатырев.

***

Про такое трудоустройство Никита Агафонов никогда и ни от кого в жизни не слыхал. Он окончил Алтайский государственный университет по специальности «радиофизика» и получил степень бакалавра. В магистратуру на бесплатное обучение не поступил, а на платное у него денег не хватило. Сразу начал искать работу, но ничего подходящего по специальности вообще не было. И тут вдруг это объявление. Он тут же отправил резюме и сразу же получил приглашение на собеседование. Казалось бы, ну что тут странного? Все давно так устраиваются на работу.

Чудеса пошли с самого начала. В офисе фирмы, куда он пришёл, у него сразу же попросили паспорт, диплом и трудовую книжку. Трудовой книжки у него ещё не было, а паспорт с дипломом Никита отдал. С них сняли ксерокопии и вернули. Паспортные данные вписали в документ, который ему дали на подпись. Документ оказался обязательством о неразглашении всех сведений, которые ему станут известны на собеседовании и при приёме на работу. Причём обязательство это было не перед той фирмой, в которую он пришёл, а перед спецслужбами, с гербовой печатью и штампом. Он подписал документ, и обязательство забрали. Никита думал, что сейчас его пригласят на собеседование. Каково же было его удивление, когда его вместо собеседования отправили на медкомиссию.

Никита пришёл в медицинский центр, где уже сидели двое таких же, как он, удивлённых парней его возраста. Дальше стало ещё интереснее. В первом кабинете сидел врач, который попросил его раздеться догола. Никита разделся, а врач осмотрел и ощупал каждый сантиметр его тела. Взял сантиметровую ленту и всего его обмерил вдоль и поперёк, тщательно записывая данные измерений. Потом измерил силу всех мышц, заставил приседать и отжиматься, после чего мерил пульс и считал частоту дыхания. Всё это время врач гонял его по кабинету голышом. Потом посадил на кушетку и там стукал, слушал и мял живот. В конце ещё полчаса пытал, какими болезнями Никита болел раньше и не болит ли чего у него сейчас, после всего этого велел одеваться и выписал номерок в следующий кабинет.

Так Никита и прошёл по всем бесчисленным кабинетам. Ему сделали кардиограмму, энцефалограмму, спирограмму, взяли кровь и провели множество других исследований. Он посетил всех специалистов, от проктолога до стоматолога. В седьмом кабинете с ним беседовали психиатр и сексопатолог. Последний долго выяснял его ориентацию, ориентацией остался доволен и отправил в следующий кабинет. В какой-то момент Никите показалось, что его хотят принять на работу в отряд космонавтов. И когда он дошёл до последнего кабинета, то понял, что почти угадал.

Это был не медицинский кабинет, а кабинет, где и проводили собеседование. Да-да, прямо в медицинском центре. Там сидели двое мужчин, а на столе лежало его толстое дело с результатами медкомиссии, ксерокопией паспорта и диплома. Ни о каких профессиональных навыках его никто не спрашивал. Да его вообще не спрашивали. Ему выкатили такое фантастическое предложение, что глаза Никиты стали большими и круглыми, а нижняя челюсть отвисла. Решение нужно было принимать сегодня и сейчас, но ему дали подумать полчаса прямо в кабинете. Предложение выглядело настолько заманчивым, а Никите всё ещё очень хотелось приключений на свою задницу, поэтому он сказал: «Да». После этого подписал фантастический контракт со спецслужбами всего на два дня.

Медкомиссия же, как оказалось, работала на вылет. Те двое парней, которые были с ним, до последнего кабинета не добрались. Один вылетел из первого, а другой – из седьмого. Из этого Никита сделал вывод, что он сам абсолютно здоров, раз ему удалось дойти до последнего кабинета. Выходя из медицинского центра он увидел ещё пятерых парней в ожидании комиссии и в душе пожелал им удачи.

Дома Никита ничего не сказал родителям, потому что не имел теперь права говорить, подписав кучу документов о неразглашении. Он начал придумывать, как на эти два дня ему убраться из дому, чтобы никто ничего не заподозрил. Буквально через три дня у него созрел отличный план, и Никита его успешно реализовал.

95

Глава 3. ЛЁША

Лёша родился в Нижнем Новгороде 8 марта 1991 года, вторым ребёнком в семье. Его отец, Александр Иванович Орлов, к тому времени был известным кооператором, как тогда перед самым распадом СССР называли предприимчивых граждан, которые на изломе эпох сумели сколотить себе первоначальный капитал. К концу 90-х отец обзавёлся сетью автозаправок и прочих сопутствующих бизнесов, все время пропадал на работе и в Лёшином воспитании принимал минимальное участие.

Мать Елена Алексеевна, в девичестве Михайлова, в начале 90-х помогала отцу. Позднее решила открыть свое дело для души и занялась продажей модной женской одежды европейских брендов. Спрос со стороны бывших советских граждан, изголодавшихся по заграничным тряпкам, был высок, а торговая наценка в 600 процентов создавала иллюзию будущего в очертаниях яхт, особняков на берегах тёплых морей и заманчивого блеска ювелирных украшений.

Естественно, Лёшей никто не занимался, потому что всё внимание было обращено на Лёшиного брата Диму. Брат был старше его на пять лет и, по всей видимости, природа одарила его усидчивостью и очень пытливым умом. Родители, чувствуя это и будучи предприимчивыми людьми, но ощущавшие постоянную нехватку времени, решили не тратить усилий на Лёшу, а сосредоточиться на Диме. Когда с маленьким Лёшей сидела нянька-пенсионерка, знакомая их бабушки из соседнего дома, Дима ходил в элитный детский сад. Когда Дима пошёл в самый крутой физико-математический лицей №40, то Лёшу отправили в соседний дворовый детсад. И когда Дима, призёр общероссийских олимпиад по математике, блестяще окончил школу и поступил на мехмат МГУ, восторгу родителей не было предела.

Успехами старшего сына хвастались перед друзьями и знакомыми, только о них и говорили многочисленные родственники. Дима подавал большие надежды, он купался в лучах славы, про его успехи говорили с многочисленными гостями во время праздников за обеденным столом летом на даче, которую отец отстроил на берегу Волги. Лёшу от этих разговоров тошнило, он ненавидел старшего брата, этого очкастого ботаника, лютой ненавистью. Он с раннего детства рисовал в своём воображении мрачные картины исчезновения брата – катастрофы, стихийные бедствия, нападения бандитов. Это успокаивало, но ненадолго.

Нельзя сказать, что родители совсем забросили Лёшу, они им занимались, но, как говорится, по остаточному принципу. С семи лет Лёшу отдали в спортивную секцию по плаванию. В бассейн его водил кто попало и как попало, но плавание Лёше нравилось, и он показывал отличные результаты. Если бы не страстное желание доказать всем, что он лучше и успешнее старшего брата, то эта затея с бассейном скорее всего ничем бы не закончилась. Потому что он по своей натуре был всё же ленив, и такие качества, как упорство и настойчивость, необходимые для достижения высоких результатов, явно у него отсутствовали. Но вечная жажда реванша стала самым мощным двигателем в его жизни.

По этой причине Лёша постоянно одерживал убедительные победы на районных и городских соревнованиях и в результате попал в сборную России по плаванию. На чемпионате Европы в голландском Эйндховене он стал бронзовым призёром и получил звание мастера спорта международного класса. Лёша был на седьмом небе от осознания своего успеха, но родители отреагировали на это весьма прохладно. Так по крайней мере их реакцию оценил он сам. Нет, конечно, разговоры о его успехе на какое-то время вышли на первый план, но тут, как назло, Дима с отличием окончил университет и устроился аналитиком в крупный московский коммерческий банк – стал делать успешную карьеру. Это событие тут же затмило все Лёшины успехи и отодвинуло их в рейтинге семейных новостей чуть ли не на последнюю строчку.

Лёша в это время учился на втором курсе Национального исследовательского университета МИЭТ по специальности «инфокоммуникационные технологии и системы связи». Туда его определили родители, имея, видимо, какие-то планы на Лёшино будущее, в которые его самого не посвятили. Лёша достаточно долго упирался и не хотел туда поступать, но сдался под натиском родителей, так как упорства и настойчивости ему явно недоставало. В качестве компенсации морального ущерба родители купили ему однокомнатную квартиру в Москве.

Учёба ему сначала не нравилась, но на третьем курсе его пригласили в научный кружок. И, так как увлечений у Лёши в то время не было – старые закончились, а новые ещё не появились, – он согласился больше от скуки, чем из интереса. Но преподаватель, который вел кружок, оказался одним из тех одержимых наукой бессребреников, на которых и держится российская высшая школа, и случилось чудо: Лёша увлёкся наукой по-настоящему.

Это увлечение вылилось в кандидатскую диссертацию, которую он успешно защитил в 24 года, получив учёную степень кандидата технических наук. Это был успех, казалось, Лёша оправдал ожидания родителей, добился результатов, пусть не лучших, чем Дима, но хотя бы таких же. Но нет, обстоятельства опять восстали против него. Диму назначили зампредом правления банка, в котором тот работал, его карьера была просто ошеломительной. И Лёша впал в уныние: перспектив хотя бы в чём-то догнать Диму не просматривалось никаких.

Конечно, ему предлагали работу, он рассылал резюме, болтался по собеседованиям, но всё, что ему предлагали, казалось не тем и не таким. Хотелось чего-то необыкновенного, а чего именно, Лёша и сам не знал. Это был явный кризис в его жизни, причиной которого стала вечная гонка за лидером.

Поэтому, когда очень вежливый, скорее даже слащавый мужской голос в трубке пригласил его на собеседование по поводу одной вакансии, на которую Лёша ранее отправлял резюме, он уже чисто автоматически поплёлся на встречу. Эта вакансия сразу вызвала у него подозрение: слишком заманчивым представлялось предложение по оплате и очень расплывчатыми должностные обязанности. Но требования к кандидату были сформулированы чётко, и он под них идеально подходил.

Подозрительным Лёше показалось и то, что в ответ на его резюме пришло письмо с просьбой заполнить анкету, и содержание этой анкеты выглядело весьма странным, совершенно не касающимся работы. Там были вопросы довольно личного характера: «Делали ли вы когда-нибудь пирсинг, татуировки?», «Какого вероисповедования ваши родители и близкие родственники?», «Были ли у вас операции?». Он ответил на все вопросы честно, подумав, что работодатели бывают разными, у всех свои тараканы в голове, и отправил анкету назад.

Когда Лёша приехал на собеседование, прошёл жёсткую медкомиссию и выслушал то, что ему предложили, это оказалось похожим то ли на ненаучную фантастику, то ли на бред шизофреника. На такое мог согласиться либо отпетый авантюрист, либо человек, для которого жизнь кончена, терять ему больше нечего и осталось только броситься под машину или прыгнуть с моста. Но его убедили, что это не фантастика, а реальность, и он поставил свою подпись под контрактом. Оценивая потом своё состояние, когда подписывал этот злополучный контракт, Лёша окончательно пришел к выводу, что крыша у него тогда съехала.

Лёша, как говорят в народе, был одержимым бабником. Покорять девичьи тела стало его единственным хобби, этаким бесконечным марафоном от одной юбки к другой. Эта одержимость походила на страсть филателиста, только вместо коллекции марок он собирал коллекцию смазливых личиков, круглых попок, стройных ножек и бюстов различных размеров и форм. Отношения его не интересовали, ему хотелось только секса, причём бурного, эмоционального, развратного. Он всегда испытывал острые ощущения от обладания женщиной, от своего физического и сексуального превосходства над ней.

Увидев понравившийся объект, Лёша прилагал все усилия, выдумывал кучу изощрённых способов и уловок, чтобы затащить жертву в постель. В ход шли прогулки, кино, рестораны,

деньги, дорогие подарки и поездки за границу и даже участие в ненавистном шопинге. Деньги у родителей были, и он их регулярно спускал на секс, не считая, а родители делали вид, что этого не замечают, возможно, заглаживая свою вину за дефекты воспитания перед ним.

На самом деле большие траты возникали у Лёши редко, только на особо привередливые натуры, которых не удавалось завлечь доступными средствами. Доступные же средства у него имелись, и даже в избытке. Высокий, метр восемьдесят пять, блондин с идеально правильными чертами лица, накачанными мышцами, рельефными кубиками на животе, упругими ягодицами и стройными ногами, он всегда привлекал к себе внимание девиц. Большие голубые глаза, прямой нос идеальной формы, тонкие нежные губы – казалось, что он сошёл с обложки мужского модельного журнала.

Он выглядел моложе своего возраста, года на двадцать два, не старше, при этом растительности на его стройном теле не было. Она поселилась на Лёшином лице лишь участками. Легкий белый пушок на верхней губе и подбородке превратился в островки щетины после того, как он начал бриться.

Его очень низкий голос создавал удивительный контраст с юной внешностью, не заметить который было невозможно. Он прилично играл на гитаре и пел, что открывало перед ним двери всех молодежных тусовок, где он всегда становился душой компании и, что самое главное, предметом вожделения женской половины.

Был у Лёши в наличии и ещё один очень важный в любовном хобби секретик – природа наградила его приличным мужским достоинством, и не просто приличным, а, по словам некоторых его поклонниц, огромным. Когда он был подростком, эта особенность организма ему сильно мешала. Он стеснялся любопытных и навязчивых взглядов сверстников в душе бассейна, иногда дело доходило даже до откровенных насмешек. Но, повзрослев, понял, что это вовсе не недостаток, а очень даже большая ценность, и начал использовать его по полной.

Говорят, что женщины никогда не обсуждают между собой физические особенности мужчин, а занимаются этим только мужчины, обсуждая физические особенности женщин. Наверное, так оно и есть, но молва про Лёшин секретик циркулировала в тусовке постоянно и создавала ему неплохую сарафанную рекламу. Неважную репутацию ему создавала другая привычка – он бросал своих партнёрш, часто после первой же встречи, реже после нескольких. Никогда и ни с кем он не заводил отношений, весь его пыл был всегда направлен только на достижение одной цели – секса, после чего Лёша терял к партнёрше всякий интерес. Это не могло не сказаться на его репутации, и со временем добиваться своей цели становилось все сложнее и дороже, девушки стали его сторониться, на тусовки стали приглашать редко. К моменту подписания контракта полноводная река поклонниц и воздыхательниц обмелела и превратилась в крошечный ручеёк, который тоже обещал вот-вот пересохнуть.

***

В тот день он проспал. Слышал будильник, но поддался сладкому искушению поваляться ещё минуток десять – и проснулся, когда на часах было уже семь. Явиться на сборный пункт на другом конце города требовалось к восьми. Для москвичей, к которым он себя уже давно относил, это – форс-мажорная ситуация, так рано на работу никто из уважающих себя людей не ездил. Он вскочил, быстро оделся и, не умывшись и не выпив кофе, выбежал из дому. С собой разрешалось взять только ключи от квартиры, паспорт и сотовый телефон. Опаздывать было нельзя, но он оказался на сборном пункте двадцатью минутами позже, когда все уже, как ему показалось, собрались. Однако следом за ним прибежали ещё четверо запыхавшихся парней – видимо, организаторы сделали допущение на непунктуальность участников. И всё началось. Началось то, что буквально перевернуло его жизнь, разорвало в клочья его представления об окружающем мире и изменило для него всё.

Так как Лёша окончил военную кафедру и являлся офицером запаса, его зачислили в Военную академию имени М. В. Фрунзе на специальность «управление общевойсковыми частями и соединениями». На дворе стоял 1994 год, и, хотя Лёша уже считал себя москвичом и знал город неплохо, Москву он не узнал: это был совершенно другой город, не тот, из которого он телепортировался сегодня утром. Одет он был в военную форму, на погонах красовались две лейтенантские звёздочки, и всё казалось каким-то непривычным.

Лёша шёл заселяться в офицерское общежитие, куда его определили. Вещи у него отсутствовали, так что заселение было чистой формальностью. На следующий день начались занятия. Учиться оказалось очень трудно, особенно Лёшу бесила строевая подготовка, которую он ненавидел. И за это в апреле следующего года его определили в парадный расчёт академии на параде Победы в честь 50-й годовщины окончания Великой Отечественной войны. Лёша тогда промаршировал по Поклонной горе и попал в объективы всех телевизионных камер на все главные телеканалы страны, но тогда никто бы не узнал его в высоком стройном лейтенанте.

В течение всего периода обучения он несколько месяцев провёл на учебно-тренировочной базе группы специального назначения «Вымпел» в Балашихе, где проходил ускоренный интенсивный курс обучения по программе этого спецподразделения. Там познакомился с другими бедолагами, подписавшими контракт и обучавшимися в военных академиях и военных училищах. Их собирали вместе и учили такому, о существовании чего они раньше никогда не подозревали.

Но самым сложным в обучении для него стали специальные языковые курсы, на которые его зачислили вместе с другими парнями-контрактниками: немецкий, английский и итальянский языки. Требования и условия казались ребятам просто запредельными. Обучение проходило методом погружения с носителями языка и с участием различных специалистов – от психологов до сантехников. Где руководство проекта выискивало этих людей и как доставляло в Москву, осталось для него тайной.

Темы разбирались, а зачеты проводились в виде ролевых игр, где учащиеся должны были по заданию разыграть любую, мыслимую и немыслимую, ситуацию, причём по ходу выполнения задания постоянно менялись условия. Оценивалось всё – и грамотность, и произношение, и жесты, и даже мимика. При любой мелкой оплошности выполнение задания не засчитывалось, а участники отправлялись на повторное прохождение темы. Их заставляли слушать и понимать любую речь: бессвязную – пьяного человека, детскую, больного человека с нарушением произношения. Они читали и пересказывали наизусть кучу книг, журналов, газет, учили стихи, песни, поговорки и пословицы. Им показывали незнакомые предметы, которых ребята в жизни не видели, и просили назвать их на иностранном языке. Проучившись год, Лёша решил, что из них готовят профессиональных разведчиков – и, как потом оказалось, был не слишком далек от истины.

Учёба занимала всё время, приходилось даже постоянно учиться по ночам. Свободные часы выпадали редко. Передвигаться разрешалось только в пределах Москвы. Выезд за пределы города категорически запрещался и являлся нарушением условий контракта. Ребятам платили небольшую стипендию и выдавали лекарство, которое требовалось обязательно принимать всё время службы по контракту. Иногда Лёша с ребятами всё же умудрялся вырваться на свободу. Они ходили в рестораны и на дискотеки. На лейтенантские погоны он даже сумел поймать несколько миленьких девушек и пополнить свою коллекцию.

Два года пролетели как одно мгновение. Экзамены в академии Лёша сдал на отлично. Программу спецназа – на хорошо. С экзаменами по языкам возникли проблемы, как и у большинства ребят, но он их всё же сдал, и его направили на первую стажировку.

***

Германия 1937 года встретила канонира Александра Адлера (в немецком языке нет имени Алексей) угрюмо. Он служил в Штеттине в 1-м дивизионе 48-го артиллерийского полка 12-й пехотной дивизии вермахта под командованием генерал-лейтенанта Людвига фон дер Лейена наводчиком орудия. Служба у Лёши не заладилась с первого же дня. Его раздражало всё – и эта немецкая педантичность, и дисциплина, которую он не переносил в таких количествах, и этот жирный унтер-вахтмейстер Герхард Шульц, который гнобил его каждый день и придирался по малейшему поводу.

Но хуже всего был страх, настоящий животный страх за свою жизнь. Он сковывал каждую минуту, не давал расслабиться ни на мгновение. Лёша контролировал каждое своё слово, каждый жест, каждое движение, лишь бы не выдать в себе русского. Любая ошибка стоила бы ему жизни. Помощи ждать было неоткуда. Эвакуация на центральную базу предстояла только через год. В душе он был благодарен всем преподам немецкого языка, которые учили его и, как ему тогда казалось, мучили. Теперь, если бы он смог их увидеть, всех бы расцеловал. Он замкнулся в себе и старался меньше разговаривать. Страх был такой, что он боялся даже что-то подумать на родном языке. Приходилось вытравливать из себя русского каждую секунду. Навязчивым желанием стало раствориться в окружающем мире. Понятно, что сослуживцам Лёша казался необщительным парнем со странностями. Наверное, его всё же спасала арийская внешность, и на него просто перестали обращать внимание.

Лёша подружился с долговязым очкариком Паулем Майером из Вюртемберга, страшным недотёпой, – редкий случай для немецкого юноши, что вызывало всеобщее порицание. На этой почве они и сошлись. Пауль был начитанным мальчиком двадцати лет из интеллигентной семьи. В общем, ботаник, но по-немецки. Он любил стихи, очень много знал наизусть, увлекался музыкой, живописью, хорошо рисовал.

Примерно через полгода Лёша почувствовал себя свободнее. Напряжение начало спадать, он приобрел некоторую уверенность в себе и начал осматриваться по сторонам. Окружающий мир не радовал. Из каждого утюга раздавались пространные речи Геббельса, слушать которые было тошно, а не слушать – опасно. Особенно опасно было не слушать редкие выступления Гитлера и не принимать активного участия в их обсуждении на политзанятиях, которые проводились регулярно. Муштра раздражала. Щёлкать каблуками и выбрасывать руку в приветствии научился, но постоянная строевая подготовка приводила его, как и раньше, в уныние. Шаг в германской армии оказался другой, приходилось высоко тянуть ногу.

Здесь Лёша попал в почётный караул, когда в Штеттин приехал Гиммлер. Мало этого, он угодил вместе с рейхсфюрером в кадры кинохроники Die Deutsche Wohenschau[1], где диктор говорил об истинных арийских солдатах, выполняющих свой долг перед великой Германией, а оператор показывал его, стоящего в почётном карауле в качестве наглядного примера. Фильм крутили после этого месяца два, и Лёше это показалось даже забавным. Но это имело и другие последствия – сослуживцы стали относиться к нему более дружелюбно.

Душа требовала, чтобы его тело расслабилось. И два немецких солдата – стройный блондин и высокий и худой очкарик отправились в увольнительную за приключениями в город. Друг Пауль не был Казановой, это Лёша понял сразу. Но дело в том, что Пауль был ещё и девственником и совершенно не умел ни знакомиться, ни общаться с девушками, однако очень сильно хотел стать мужчиной. Хуже того, Пауль не умел пить, а потому первое же знакомство с местными красавицами закончилось для друзей комендатурой и гауптвахтой.

[1] Немецкая новостная кинопрограмма в период правления нацистов в германии (нем.)

Лёша понял, что оставшийся срок службы в Германии будет безалкогольным. Но очень хотелось приключений на любовном поприще. У него просто зудело: и когда они сидели на гауптвахте, и когда вышли, и чем дальше, тем сильнее. Тем более он всё же хотел помочь Паулю осуществить его мечту – стать мужчиной. Они разработали грандиозный план стоимостью в двести рейхсмарок, которые сумели накопить. Деньги потратили на подарки девушкам и организационные расходы. В следующую увольнительную гуляли с девушками по городу до полуночи, а потом остаток ночи провели у них. Силы и средства потратили не напрасно – Лёша своего добился, и Пауль остался очень доволен, так что потом обсуждал с ним это любовное приключение до конца службы.

А служба тянулась бесконечно долго. Год показался ему десятилетием. Он ощущал, как часы прилипают к минутам, минуты – к секундам и каждое мгновение растекается в огромный, необъятный и вязкий океан времени. Как назло, перед самым окончанием этапа объявили учения с техникой и боевыми стрельбами. Эта неделя учений унесла все его силы, а унтервахтмейстер Шульц высушил ему все мозги. Лёша проклинал тот день и час, когда подписался под контрактом.

Следующую стажировку Лёша проходил в армии США морским пехотинцем, рядовым 1-го класса Алексом Иглом. Попал в горячую точку, а точнее, в самую жаркую точку планеты – Аравийскую пустыню, где коалиционные силы во главе с США проводили показательную порку иракскому лидеру Саддаму Хусейну за плохое международное поведение. Лёше довелось стать участником боевых действий операции «Буря в пустыне». Это была первая в истории человечества сетецентрическая война, Лёша приобрёл на ней бесценный опыт, который в дальнейшем очень пригодился. Случались небольшие перестрелки с иракской Национальной гвардией, но это мелочи, всё как-то обошлось. Единственной неприятностью, которая ему запомнилась на этом этапе, стала ракета «воздух-земля», выпущенная самолётом F-16 ошибочно по своим, но Лёху только контузило, и после недели лечения его выписали и наградили медалью ВМФ и Корпуса морской пехоты. За что именно, он так и не понял, видимо, в качестве возмещения вреда здоровью.

Случай был торжественный: над головами гордо реял звёздно-полосатый флаг, а награды вручал лично командир Корпуса морской пехоты седовласый генерал Джеймс Конвей. Он вручил Лёше медаль, пожал руку и немного небрежно отдал честь. Это стало первой в жизни наградой, и несмотря на то что она американская, его всё же распирала гордость за себя. В этот момент Лёша почувствовал себя настоящим мужчиной.

Служить в морской пехоте ему очень даже понравилось. Физподготовка, на которой американцы помешаны, не стала для него проблемой, а строгая дисциплина, про которую он смотрел фильмы ещё в студенческие годы, оказалась просто ерундой по сравнению с дисциплиной в вермахте. Тут никто не следил за Лёшиными привычками, и никому в голову не приходило сравнивать его внешность с каким-либо эталоном. Здесь было сборище всех наций и народов мира. Никто не замечал его лёгкого акцента, который так и не смогли победить преподаватели, как ни старались. Если он делал свою работу, как любят говорить американцы, и не нарушал правил, то всем было совершенно безразлично – откуда он, какой и какие у него дефекты речи.

Лёша подружился со всеми морпехами из своего подразделения. Ребята оказались весёлые и, узнав, что он играет на гитаре, откуда-то достали инструмент. После завершения операции их перебросили на базу в Калифорнию, где Лёша спокойно дослужил свой срок. Когда уезжал, ему устроили прощальную вечеринку: всю ночь стояли на ушах и веселились, как дети. Расставались очень трогательно, как с родным. Ему даже не хотелось уезжать, но этап был завершён.

***

Жизнь непредсказуема, но для Лёши после подписания злополучного контракта жизнь стала фантастически непредсказуема. Прямо из Калифорнии он вновь попал в Москву на углублённые курсы французского языка. Как ему объяснило руководство – по причине отсутствия для него места в итальянской армии и наличии места во французском Иностранном легионе. Эта передышка показалась Лёше неплохим поводом для возобновления амурных делишек. Он взбодрился и начал наверстывать упущенное на любовном фронте. Четвёртый иностранный шёл неплохо. Через год он сдал экзамен и телепортировался на последнюю третью стажировку.

Если на земле и есть рай, то именно туда Лёша попал на службу. А служил он на Корсике в городе Кальви командиром минометно-артиллерийский роты 2-го парашютно-десантного полка французского Иностранного легиона в звании капитана. Как руководство проекта его туда устроило, он так и не понял, да это было и не важно. Радости Лёши не было предела. Во-первых, наконец-то он командовал сам. Во-вторых, у него появилось личное время. И в-третьих, форма офицера французского Иностранного легиона так элегантно сидела на нём, так живописно контрастировала с его внешностью, а его низкий голос с прононсом, который ему трудно давался на курсах, но которым Лёша всё же овладел, создавал такую брутальность, что все корсиканские красавицы были сражены наповал. Личная жизнь наладилась. Лёшина коллекция пополнялась всё новыми и новыми экземплярами. Душа пела, и вместе с душой пел сам Лёша, в основном французский шансон под гитару, но без хрипотцы, а как-то мягко и таинственно.

Полковник Дюваль – командир полка и прямой Лёшин начальник, симпатизировавший ему с первых дней службы, пригласил его на свой день рождения. Приглашены были всего пять офицеров, все старослужащие, давно знавшие полковника, и Лёша. Как он попал в эту компанию, осталось для него загадкой. Он сразу же обратил внимание на дочь полковника, которую звали Софи, – красавицу и предмет вожделения всех офицеров полка. Девушка была очаровательна, редкое качество для француженок: темные длинные волосы, тонкие черты лица, огромные карие глаза и немного курносый носик со слегка вздёрнутым кончиком, что тоже нетипично для галльских женщин. Пышный девичий бюст и округлые бедра божественно сочетались с тонкой талией и красивыми длинными ногами.

Лёша ухитрился сесть за стол рядом с ней и весь вечер изображал галантного кавалера – верх деликатности, ухаживая и обольщая девушку своими речами. Тому, что неприступная ни для кого ранее Софи оказалась в этот вечер с ним в постели, он и сам удивился. Может, всё же сыграл свою роль его большой опыт в деле обольщения слабого пола, но факт остаётся фактом. Закрывшись в спальне Софи поздно вечером, незадолго до ухода всех гостей, они вышли оттуда только поздно вечером следующего дня, на удивление всем домочадцам. Да и вышли только потому, что сильно захотели есть. Пить они не хотели, потому что в спальне было вино, которое успел с собой прихватить Лёша. То, что они вытворяли в спальне целые сутки, трудно описать, но оба оказались совершенно без комплексов и окунулись в любовь с головой.

Да-да! Это оказалась настоящая любовь, и любовь с первого взгляда. Все Лёшины принципы рухнули, как карточный домик, он влюбился по-настоящему, по самые уши и, самое главное – он был бесконечно счастлив. Они встречались каждый вечер. Время на службе замирало, и он смотрел на часы, считая минуты до вечернего отбоя. Потом летел к ней, как ракета, как метеорит. Они сливались в горячем поцелуе при всех, где бы ни оказались вместе. Все ночи стали их ночами. И он понял, что не может без неё жить.

Всё своё жалование, а оно было немаленьким, он тратил на подарки и цветы. Как-то раз, гуляя по городу, они зашли в ювелирную мастерскую. Софи понравилась пара золотых кулонов

в форме сердец, и они попросили мастера выгравировать на одном её имя, а на другом – его. Кулон с именем Sophie Duval она подарила ему, а кулон с именем Alexis Arnett он подарил ей. Поползли слухи, местный бомонд пришёл в неимоверное возбуждение.

Ничего не замечал только отец Софи полковник Дюваль, как будто бы ослеп и оглох. Он делал вид, что ничего не происходит, и не реагировал на то, что Лёша на службе спит с открытыми глазами, что дисциплина в его роте упала ниже плинтуса, что он регулярно опаздывает на утреннее построение, что он не стал разбираться в деле о самоуправстве сержанта Лефевра и всё спустил на тормозах, хотя тому светил трибунал. Военная жандармерия написала на полковника два представления.

Лёше всё сходило с рук, все его служебные ляпы замалчивались. Мало того, Лёша переехал из офицерской казармы в дом к полковнику. Точнее, официально оформил переезд, так как фактически жил не в казарме с самого дня рождения полковника Дюваля, а обитал в спальне его дочери. Это возымело положительный эффект. Теперь он утром завтракал со всей семьёй полковника и приезжал с месье Дювалем в расположение полка на его машине, не опаздывая на построение. Это скверно обернулось для домашних полковника, в особенности для его жены и домработниц. Лёша обнаглел и мог запросто пройти в туалет или в ванную комнату совершенно голым, никого не стесняясь. Редкие встречи с дамами в таком виде вызывали на их лицах явное смущение, но, как заметил про себя Лёша, частота встреч стала увеличиваться.

Софи стала для него всем. Больше ему никто не был нужен и ничего его не интересовало. Но внезапно идиллия была нарушена – пришёл приказ о проведении учений. Лёша очень опечалился. Во-первых, целую неделю он не увидит Софи, и это казалось невыносимым. Во-вторых, предстояло прыгать с парашютом, а это Лёше очень не нравилось, несмотря на то что три прыжка во время обучения в академии у него было. Однако того возбуждающего эффекта от адреналина, про который говорят все парашютисты, он не испытал. А испытывал каждый раз обычный человеческий страх высоты, и поэтому, когда прыгал, старался не смотреть вниз и собирал всю силу воли, чтобы никто его страха не заметил.

Но приказ есть приказ, он погрузился в самолет и отбыл на учения. Эта неделя показалась ему вечностью. Хотя дел было много, его всё время дёргали, что-нибудь да где-нибудь случалось то с техникой, то с личным составом. Но все его мысли были о Софи. Он стал злым и нервным. Обругал капрала Жирара, что являлось нарушением устава. С остервенением устроил роте марш-бросок в полной боевой укладке, хотя это планом учений и не предусматривалось. Правда, в марш-броске Лёша участвовал вместе со всеми, но казалось, он сам себя истязал специально, чтобы притупить тоску по Софи. В те редкие часы, когда мог позволить себе отдохнуть, как только Лёша закрывал глаза – видел только её, грезил ею, сходил с ума без неё.

Заключительный этап учений принимал командующий Иностранным легионом, который прилетел из Марселя. К удивлению Лёши, его рота лучше всех десантировалась и выполнила боевую задачу. Его же роль в этом была минимальна. Скорее всего, руку к этому успеху приложил его заместитель лейтенант Патрик Бертран – толковый парень, истинный француз, весёлый и дружелюбный. Зная толк в чувствах, он понимал состояние Алексея и по-дружески подстраховал его. Но лавры достались Лёше. Его похвалил командующий и вручил благодарность от командования. Когда в конце, на импровизированном параде, Лёша шёл под звуки марша Le Boudin во главе своей роты, его распирало от счастья, что всё это закончилось и завтра он увидит её.

Она встречала его на аэродроме. Они обнялись, будто не виделись целую вечность, и всю дорогу от аэропорта до дома непрерывно целовались на заднем сиденье машины её отца. Полковник смотрел вперед на дорогу и пытался завязать длинный и бессвязный разговор с водителем. Они сразу проскочили в спальню, сбрасывая по пути одежду. Они наслаждались, сливались в одно целое, они утопали друг в друге. Их тела, его более светлое и ее более тёмное, извивались в удивительном танце. Эта нагота красивых молодых тел, эти эмоции, эта без-

удержная страсть казались неземными. Он несколько раз обильно кончил, но возбуждение всё не проходило. Оно превратилось в бесконечное наслаждение, и хотелось, чтобы это продолжалось вечно.

Лёша открыл глаза. Светало. Он лежал на середине кровати на спине, широко раскинув ноги, эрекция так и не прошла. Одна его рука утопала в роскошных волосах Софи, другая лежала на её груди. Она спала, положив голову ему на грудь и свернувшись калачиком, одной рукой держась за его член, другой обняв его за шею. Он нежно, кончиками пальцев, начал гладить её по спине, по ягодицам, по бёдрам. Она проснулась.

– Alexis, je ne peux pas vivre sans toi, c'est insupportable quand tu n'es pas là, j'ai tellement peur de te perdre,[2] – прошептала она.

У Лёши защемило сердце, он вдруг наконец-то понял, в каком положении они оказались. Через два месяца истекает срок службы, его вернут на центральную базу, и в этот мир он больше никогда не вернётся. Понятно, что Лёша знал об этом и раньше, но сначала его природный эгоизм мешал осознать всю серьёзность ситуации. Тем более что полковник отправил уже два рапорта командованию с просьбой продлить контракт с Алексеем, и поэтому он отмахнулся от этой проблемы, мысленно переложив её на отца Софи.

Алексей даже не задумывался о том, что его и полковника командование находится не просто в разных странах, а в разных мирах. И потом он был так ослеплён любовью, что просто загонял эту мысль в подсознание и не выпускал оттуда. Сейчас эта горькая правда вырвалась и разрывала его душу. Как он станет жить без Софи? Это будет просто невыносимо! В голове путались мысли, разум искал выход. Эх, если бы можно было позвонить своему отцу. Тот мог бы ему помочь. Как? Ну, его отец умел разруливать сложные ситуации. Например, договориться о расторжении этого ненавистного контракта, заплатив неустойку. Деньги у отца были… Подождите, неустойка в контракте не предусмотрена! А какая она могла быть? Тут у Лёши перехватило дыхание. Даже если бы неустойка и была, то такой суммы в Нижнем Новгороде никто вообще в жизни не видел. Лёша понял, что влип. Его мир рушился, и что-то с этим поделать он был не в состоянии. Но он любил и вдруг впервые в жизни понял, что его мир – это вообще ничто по сравнению с её миром. И ему стало совсем плохо.

– Qu'est-ce qui ne va pas, Alexis[3]? – спросила она, как будто уловив его мысли и почувствовав его смятение.

– Tout va bien, Sophie,[4] – прошептал он пересохшими губами, отчего ответ получился каким-то неубедительным, и крепко прижал Софи к себе.

Она отстранилась и посмотрела ему в глаза.

– Y a-t-il quelque chose que tu ne me dis pas, Alexis[5]? – в её глазах блеснули искорки подозрительности.

– Pas maintenant,[6] – уже уверенно пробасил Лёша. – Allons prendre le petit déjeuner, je dois aller au service[7].

Служба в этот день не заладилась, как и все последующие дни. Он лихорадочно искал способы решения проблемы – и не находил. Он не мог остаться в этом мире, так же как и не мог даже поговорить с теми, от кого это зависело. Всё было просто и ужасно. В оговоренный момент времени Лёша исчезнет из этого мира без следа и окажется в другом мире на Центральной базе. Конечно, он должен находиться в нужное время в конкретной точке, чтобы не рассекретить

[2] Алекси, я без тебя не могу, когда тебя нет, мне невыносимо, я так боюсь тебя потерять (фр.)

[3] Что с тобой, Алекси? (фр.)

[4] Всё хорошо, Софи (фр.)

[5] Ты мне что-то недоговариваешь Алекси? (фр.)

[6] Не сейчас (фр.)

[7] Пойдем завтракать, мне пора на службу (фр.)

миссию. Но знание об этом ничего в его судьбе не меняло, а только порождало чувство безысходности. Лёша впал в уныние. Это заметил даже полковник и позвонил в Марсель, но ему вежливо ответили, что капитан Алекси Арнетт должен прибыть в Марсель, и только после этого может быть рассмотрен вопрос о продлении с ним контракта. Из чего Лёша понял, что обратная связь с руководством операции всё же существовала – в Марселе сидел их агент и, вероятно, координировал прохождение стажировок участниками. Но это ничего, по сути дела, не меняло. Лёша не знал, кто этот агент, как его найти и если бы, о чудо, он его всё же нашёл, то что ему сказать в попытке убедить оставить Алексея тут навсегда. Да и вообще, возможно ли такое технически.

Решения не было. И хотя наличие проблемы понимали и Софи, и полковник Дюваль, они её воспринимали по-другому. Они не знали, что он не вернётся из Марселя никогда и это никак невозможно изменить. Сказать им об этом он не мог, да и не имело смысла. Лёша умирал изнутри. Он, как приговоренный перед смертью, пытался надышаться Софи, запомнить её образ, запах, голос, найти какие-то тонкие грани, которые раньше не замечал. Близость с ней превратилась в средство поддержания жизни в нём, а сам он обернулся вампиром, который с жадностью пожирал её чувства и эмоции. Всё свободное от службы время они проводили вместе, Лёша не мог оставить её ни на мгновение и чувствовал, что начинает терять разум.

Это был последний день службы. Завтра утром он должен будет вылететь в Марсель. Лёша сдал дела Патрику, построил роту и начал прощальную речь. Во рту пересохло, мысли путались, он говорил отрывочно, как бы очередями, с губ слетали вдруг ставшие незнакомыми слова. На чужом языке ему стало трудно передать свои чувства и эмоции. Боялся ошибиться, сказать как-то не по-французски. Наконец Лёше удалось справиться с собой, и он закончил говорить. Отпустил роту, пожав руки командирам. После чего покинул расположение полка, забрав свои вещи. До дома полковника добрался на попутке. Специально не поехал с полковником, потому что ему не хотелось ни с кем разговаривать.

Наступила последняя Лёшина ночь с Софи. Он выпил эту ночь одним глотком. Ни о чём не думал, а только наслаждался ею. Что будет дальше, его не интересовало – будет он жить или умрёт, жизнь без неё не имела смысла. И Софи, понимая его, не сказала ни слова. Это была ночь безмолвной любви. Уже под утро, когда светало, а они, уставшие, лежали, обнявшись, она тихо прошептала ему на ухо:

– Alexis, mon amour, on va avoir un bébé[8].

Сознание Лёши пронзила страшная боль. до него дошло, что он теряет вообще всё – её, себя и весь мир. Его как будто парализовало. Он понял, что нужно сказать ей правду в нарушение всех инструкций, правил и запретов. Да какое они вообще теперь имели значение? Он медленно, подбирая слова, словно пробираясь через густой лес, начал говорить. Она слушала, глаза её стали мокрыми, из них хлынули слёзы. Софи обхватила его, прижалась к нему, как будто хотела защититься от этой горькой правды. То, что он русский, она поняла по-своему. Она подумала, что русские хотят забрать его у неё навсегда.

– Tu es à moi, tu es à moi[9]! – кричала она в истерике. – Je ne vais pas te perdre[10]!

У него на глаза тоже навернулись слёзы, но, сделав над собой неимоверное усилие, он попытался её утешить. Целовал и шептал:

– Chérie, je ne veux pas te quitter, c'est de ma faute[11]!

Прощание для них оказалось очень тяжёлым. Софи всё время рыдала, а у Лёши тоже из глаз катились слёзы, он не мог их сдержать и даже этого не стыдился. Зачем? Ведь для

[8] Алекси, любимый, у нас будет ребёнок (фр.)

[9] Ты мой, ты мой! (фр.)

[10] Я тебя не отдам! (фр.)

[11] Любимая, я не хочу тебя оставлять, это я виноват во всём! (фр.)

него всё было кончено, он чувствовал себя последним негодяем и подлецом. Сломал жизнь любимому человеку и не только. Софи сказала ему, что родит его ребёнка и малыш будет ей напоминанием о нём. Он никогда не увидит своего ребёнка и даже не узнает, кто это – дочь или сын. Лёше хотелось отойти за угол, достать пистолет и выстрелить себе в голову. Если бы не Софи, которая просто прилипла к нему и не отпускала ни на шаг, он бы так и сделал. Причём на полном серьёзе, как он вспоминал уже позже, настолько был в тот момент не в себе.

Софи стояла у трапа самолёта и смотрела на него большими, красными от слёз глазами, в немом отчаянии. И это горе расставания он запомнил навсегда. От самолета убрали трап, и Лёша крикнул ей последние слова, заглушаемые рёвом двигателей:

– Au revoir, pardonne-moi, Sophie[12]!

Самолет взлетел и взял курс на Марсель, последняя стажировка закончилась для него печально.

[12] Прощай, прости меня, Софи! (фр.)

***

На центральной базе Лёша получил предупреждение за нарушение условий контракта из-за звонка полковника в Марсель и направление на лечение к психотерапевту. Там он познакомился с товарищем по несчастью – Вовкой Лещёвым родом из небольшой деревни под Рязанью. Вовка был студентом третьего курса Рязанского государственного университета и старшим ребенком в многодетной семье, поэтому подписал контракт по стеснённым семейным обстоятельствам.

За пять дней до окончания стажировки в вермахте Вовка умудрился уронить себе на ногу снаряд и при этом смачно выматериться по-русски в присутствии оберлейтенанта, за что тут же загремел в гестапо. Его спасли два обстоятельства. То, что до возвращения оставалось всего пять дней, и то, что Вовка, пока его везли, судорожно вспоминал школьный курс истории. На допросе он сочинил небылицу про то, что в детстве играл с соседским мальчиком – сыном эмигрантов из России – и у него научился так ругаться. Из гестапо направили запрос по его фиктивному месту жительства, но ответ не успел прийти, и Вовка вернулся живым. Только со сломанной ногой, разбитой мордой и пошатнувшимися нервами. За это он, так же как и Лёша, схлопотал предупреждение и направление на лечение, но уже к двум специалистам – травматологу и психотерапевту. Из этого Лёша сделал три заключения: во-первых, разведчиком может стать не каждый, во-вторых, разведчик может провалиться на сущей мелочи, в-третьих, в разведывательных ведомствах, похоже, очень большие потери кадров.

Вовка ходил на костылях и с гипсом на правой ноге, из-под которого торчали пальцы-сосиски фиолетового цвета. Под обоими глазами красовались два очаровательных фингала, нижняя губа была рассечена и аккуратно зашита на два шва, а левое ухо разбито. А в общем-то Вовка остался доволен, что легко отделался, и с немецкой педантичностью, которая в нём откуда-то взялась, посещал все процедуры и сеансы психотерапии. Из чего Лёша сделал ещё одно заключение: в гестапо, видимо, нашли тайную точку акупунктуры, куда нужно врезать, чтобы сделать из рязанского деревенского парня заправского немецкого бюргера. Самое интересное, что две остальные стажировки, в итальянской и британской армиях, Вовка прошёл без эксцессов. Ему даже понравилось, особенно в Италии, где он ходил с разинутым ртом и глазел на всё как придурок: Вовка кроме своей родной деревни и города Рязани в жизни нигде не был и если что и видел, то только по телевизору. Но ни в Италии, ни в Британии его причуд никто не заметил.

Самочувствие Лёши оставалось поганым, несмотря на сеансы психотерапии, которые посещал, и кучу таблеток, которые принимал. И во всём, что у него случилось с Софи, винил только одного себя. Он по-прежнему любил её, скучал по ней, а жизнь без неё превратилась в какую-то бессмыслицу. Лёша задавал себе вопросы, на которые не было ответов. Зачем жить? К чему стремиться? Те деньги, из-за которых он подписал этот контракт, давно потеряли для него ценность. Он понимал, что совершил в жизни огромную ошибку, ввязавшись в это дело, но что-либо изменить было уже невозможно.

Ему вручили документы капитана, выдали форму РККА[13] с одной шпалой в петлицах и назначили командиром 1-го батальона связи. Начались занятия. Он познакомился с личным составом. Рядовой и сержантский состав сформировали из студентов-связистов различных вузов и техникумов, а все офицеры были инженерами-связистами. Ребята, все без исключения, прошли обучение в военных училищах и академиях, стажировки в германии, Италии, Великобритании, США и Франции в различные периоды и в различных родах войск, званиях и должностях. Также все имели опыт участия в боевых действиях.

[13] Рабоче-крестьянская Красная армия (Прим. авт.)

Занятия были теоретическими и практическими. На теоретических занятиях изучали структуру РККА и вермахта на дату начала Великой Отечественной войны, систему управления и организацию связи в войсках. Разбирали новую схему организации связи и радиоэлектронного противодействия средствам связи противника, новую схему организации управления войсками с использованием имевшегося в их распоряжении новейшего оборудования и технических средств. В мельчайших подробностях разбирали устройство приборов и систем связи. Даже Лёша, кандидат технических наук, удивился высочайшему уровню техники, которую они получили. Одни только интегрированные стратегическая, тактическая и локальная системы управления боем чего стоили. Конечно, функционал этих систем сильно страдал из-за отсутствия глобальной спутниковой навигации, но даже без неё они прекрасно позволяли управлять боевыми действиями на всех войсковых уровнях.

На практических занятиях учились использовать средства связи и приборы, вооружение и технику. Постоянно проводили учения по боевой слаженности и стрельбы. Лёша всё время был занят, и это отвлекало его от тяжёлых мыслей. Спали по четыре часа в сутки. Учения и стрельбы проводились днём и ночью с приборами ночного видения, в полной боевой укладке и при любой погоде. Создавалось впечатление, что из них готовят спецназ. Но командовать оказалось нетрудно, никого ничему учить не требовалось, ребята уже стали настолько опытными, что могли сами научить кого угодно. Все относились к службе очень серьезно, видимо, полученный жизненный опыт не прошёл даром.

Наконец настал день отправки. На огромном поле разместили всю технику – самолёты и вертолёты, танки и БМП, средства ПВО, системы залпового огня, грузовики и платформы с боеприпасами, оружием, горючим, приборами, оборудованием и провизией. Перед этим грандиозным скоплением военной техники и автотранспорта построился весь личный состав, примерно восемь с половиной тысяч человек. Все в боевой экипировке «Ратник-2», каждый с автоматом АЕК-973М и пистолетом Beretta 92FS.

Внешний вид у всех был немного странный и, чтобы хоть как-то соответствовать форме Красной армии, руководство оставило знаки отличия в виде петлиц и нарукавных галунов, форму касок и красную звезду на них. Но сами каски были сделаны из композитных материалов и титана и усилены русаром – параарамидным волокном колоссальной прочности. Слева сбоку на них смонтированы камеры широкого обзора и высокого разрешения. Внутри каски оказались оборудованы наушниками, микрофонами и защитными очками с интерактивным экраном. лицо прикрывалось прозрачным пуленепробиваемым щитком, откидывающимся поверх каски. Камуфляж комбинезона и каски – «вертикалка». В такой форме и с таким вооружением они больше напоминали американских рейнджеров.

Наступил момент телепортации. Алексею всегда не нравилось это состояние. Вокруг всё начало как бы обволакиваться туманом, потом туман стал густеть и темнеть, свет совершенно исчез, и наступила полная темнота. Гравитация пропала, закружилась голова, сильно тошнило. Через пару минут гравитация вернулась, и вокруг начало светлеть.

***

Когда туман рассеялся, Лёша огляделся. Они стояли на огромном поле, поросшем дикой травой. Далеко позади виднелась опушка довольно густого соснового леса. Был вечер, солнце клонилось к закату. Минут двадцать ничего не происходило. Он видел, как вдалеке собралась группа старших командиров и пытается сориентироваться на местности. Наконец поступил приказ: системам ПВО занять боевые позиции и приступить к отслеживанию целей, все цели на расстоянии 10 километров уничтожать; всем подразделениям начать передислокацию в лес вместе с техникой; технику замаскировать и развернуть лагерь; вокруг лагеря организовать боевое охранение.

Лёша выделил в охранение одну роту. Она выдвинулась вперёд по полю метров на пятьсот и скрытно заняла позиции. Остальные погрузились на машины и поехали к лесу. Через час, когда ему с ребятами наконец-то удалось более или менее разместить и замаскировать в лесу технику и имущество, а также установить палатку центра управления связью, поступил новый приказ: развернуть системы связи и радиоперехвата; организовать запись всех радиосообщений на центральный сервер командования; интегрироваться в местные системы связи; установить системы видеонаблюдения за периметром.

В кромешной темноте они отправились устанавливать антенны и ретрансляторы, монтировать камеры и тянуть кабели на своем участке ответственности. Когда наступило утро, практически всё было сделано. Лёша вошёл в палатку, начал соединять кабели и настраивать оборудование. Замигали индикаторы приборов, и он включил сканирование эфира – в наушниках оглушительно раздался голос Левитана:

– От Советского информбюро! В течение ночи на третье июля продолжались ожесточённые бои наших войск с мотомеханизированными частями противника на Борисовском направлении и в районе Кременец, Зборов, Тернополь. На остальных участках фронта происходили ночные поиски разведчиков и бои местного значения.

Так для Лёши Орлова началась Великая Отечественная война. Утром в лагере возникло оживление. Очень быстро распространился слух, что из Москвы приехала делегация, и не кто-то там никому не известный, а легендарные генерал Жуков и нарком Берия. Эти фамилии были на слуху у всех, кто родился и вырос в России в XX и даже в XXI веке. Эти фамилии стали легендарными, причём одна со знаком плюс, а другая – со знаком минус. Если бы не приказ всем оставаться на своих местах, который благоразумно отдал комендант лагеря генерал-майор Урманцев, то все бы точно побежали посмотреть на героического Жукова и ужасного Берию в одном флаконе.

Но судьба оказалась благосклонна практически ко всему личному составу лагеря. Гости задержались у них надолго. Их везде сопровождал заместитель руководителя операции по безопасности комиссар госбезопасности 2-го ранга Емельянов. Вместе они ездили по лагерю на автомобиле, ходили пешком, осматривали технику, разговаривали с командирами и всё фотографировали. Для этого привезли с собой фотографа, обвешанного камерами с ног до головы. Зашли они и к ним на пункт управления связи.

– Товарищи командиры! – объявил полковник Валерий Вадимович Зайцев, командир их полка связи.

Все встали по стойке смирно.

Жуков и Берия начали расспрашивать Зайцева про оборудование, как оно работает, его возможностях. Зайцев подробно рассказывал о каждой системе. Лёша, как и все другие офицеры на пункте управления связи, внимательно наблюдал за гостями. Жуков выглядел довольно хмурым, очень серьёзным на вид и немногословным; каких-либо признаков героической личности Лёша в нём не обнаружил, сколько ни искал. Берия же, наоборот, казался очень живым, общительным и весёлым человеком, очень приятным в разговоре, и никаких злодейских черт в нём почему-то не наблюдалось.

«До чего же могут извратить реальность народные легенды! Буквально всё наоборот», – подумал Лёша в конце, когда посетители ушли.

По его мнению, Жуков больше подходил под описание злодея, а Берия – под образ положительного героя.

Гости обошли и объехали весь лагерь. Сначала им показали бронетехнику. Завели танк Т-14М, в него сел генерал Жуков, и его катали на танке по опушке леса. Затем Жукова и Берию посадили в БМП и тоже довольно долго катали по полю. Жукову дали автомат АЕК-973М с голографическим прицелом, и он начал стрелять по птицам, сильно проредив местную коло-

нию ворон. Последние остались крайне недовольны, но вынуждены были быстро ретироваться из-под обстрела, неся страшные боевые потери.

Берии решили продемонстрировать возможности противотанкового ручного гранатомёта. Долго искали муляж, чтобы он соответствовал броне танка. Наконец ребята сгоняли на свалку в пяти километрах, нашли там и привезли здоровенную металлическую болванку. Кое-как сгрузили болванку с машины и прислонили к дереву. Было бы, конечно, интересно узнать, как они её грузили на свалке и не заработали себе грыжи. Это был здоровенный ржавый кусок железа толщиной сантиметров тридцать, видимо, выброшенный с какого-то промышленного предприятия города Можайска, который находился всего в двадцати километрах отсюда.

Лаврентию Павловичу дали гранатомёт и долго рассказывали, как им пользоваться. Потом они с инструктором отошли метров на двести от болванки, и Берия, опустившись на одно колено, прицелился и пальнул. Граната попала точно в центр мишени. Раздался оглушительный взрыв, вокруг этого места зашатались сосны, и одна из них, сломавшись, медленно упала. Берия бросился к болванке, увидел в ней дыру и за ней – три ствола сосен, пробитых кумулятивной струей. Одна из них, самая тонкая, переломилась и упала. Ликованию Лаврентия Павловича не было предела.

Потом играли в учебный бой, смотрели возможности вертолёта Ка-52, который показал фигуры высшего пилотажа и снес залпом старый заброшенный сарай километрах в пяти от леса. Через некоторое время система ПВО С-400, которая находилась на боевом дежурстве, внезапно выпустила две ракеты, которые с грохотом улетели на запад. Гости тут же пошли осматривать систему. Уехали они часов около шести вечера, а лагерь продолжал гудеть, обсуждая этот визит высокого начальства.

Ночью в Москву ушёл один КамАЗ с оборудованием и охрана на «Тигре» в качестве сопровождения. Весь следующий день провели, ничего особенно не делая. Подразделения ПВО и связисты попеременно дежурили, а остальные болтались по лагерю, мучаясь от безделья. Травили похабные анекдоты, рассказывали про свои похождения на стажировках, кто-то вспоминал свою жизнь до начала службы по контракту. Ближе к вечеру Лёшу вызвал к себе полковник Зайцев. Стало понятно, что командование операции наконец-то договорилось с руководством СССР, и началось движение.

***

Лёшу назначили командиром соединения в составе его батальона связи, а также группы охранения, состоявшей из отделения мотопехоты на тяжелой БМП и двух отделений разведки на двух армейских «Тиграх» (СМП-2)[14] с пулемётами «Корд» и гранатомётами АГС-30 на крыше. Он получил приказ: доставить колонну с оборудованием и техникой в штаб юго-западного фронта; по прибытии на место дислокации обеспечить командование фронта оперативной интерактивной бесперебойной связью с войсками фронта; развернуть вдоль всей линии фронта системы РЭБ[15], обеспечив непрерывный радиоперехват и подавление радиосвязи противника. Из дополнительного вооружения соединение получило по двадцать пулеметов «Корд» и ПТУРС[16] «Корнет», а также десять ПЗРК[17] «Игла». Однако начальство настоятельно рекомендовало по возможности экономить боеприпасы, особенно ракетные, и куда попало ими не пулять без острой необходимости.

[14] Бронеавтомобиль ГАЗ-233036 (СПМ-2) имеет 5-й класс баллистической защиты (Прим. авт.)

[15] Радиоэлектронная борьба (РЭБ) (Прим. авт.)

[16] Противотанковый управляемый реактивный снаряд (Прим. авт.)

[17] Переносной зенитно-ракетный комплекс (Прим. авт.)

Лёша составил маршрут движения. Им предстояло проехать 1200 километров. Дорога лежала на юго-запад до Гомеля. Там начиналась прифронтовая зона, и двигаться следовало вдоль линии фронта на юг. По имевшейся на тот момент оперативной информации, линии фронта там просто не было, а существовали лишь фрагментарные очаги сопротивления разрозненных частей Красной армии. Поэтому имелась реальная угроза прорыва противника глубоко в тыл с окружением всех частей и соединений, находившихся в прифронтовой зоне. То есть почти пятьсот километров им предстояло ехать в сложнейшей обстановке.

По пути следования колонна могла в любой момент встретить наступающие части противника и вступить с ними в бой. Кроме этого, существовала реальная опасность дружественного огня по колонне отходивших частей Красной армии и частей НКВД, контролировавших прифронтовую зону, так как обмундирование, вооружение и техника не были известны красноармейцам и могли вызвать подозрение.

Однако, как сказал ему Зайцев, информация о предстоящем прохождении секретной колонны уже доведена до командующих дивизий. Но на фронте царили такой бардак и неразбериха, что, вероятнее всего, к моменту их проезда о них никто знать не будет. Если же хоть что-то из приборов и техники попадёт в руки противника, это означает полный провал операции. У Лёши на этот случай, как у разведчика, имелась капсула с цианистым калием. При угрозе попадания секретной техники и оружия к немцам он должен был сообщить в штаб операции. После этого попытаться самому всё заминировать, взорвать и сжечь. Если это не получится, то должны вылететь Су-34, загруженные бомбами с напалмом и выжечь всю местность, где эта техника находится.

Кроме этого Алексей получил приказ уничтожать без предупреждения любые части и подразделения, которые будут препятствовать движению колонны, чьи бы они ни были, советские или германские. До Гомеля должны были добраться быстро по хорошей дороге и в относительной безопасности. От Гомеля двигаться предписывалось только по ночам, без фар, по приборам ночного видения. В светлое время суток останавливаться в крупных лесных массивах, тщательно маскироваться и выставлять боевое охранение. Не контактировать по возможности ни с кем – ни с местным населением, ни с военными.

Задача казалась сложной. Он понимал, что от пехотных частей противника численностью до батальона они ещё отобьются, но если встретят танковые подразделения вермахта, те колонну уничтожат. И если их обнаружит немецкая авиация, то от них тоже только мокрое место останется. Пока все грузились, Лёша со своим заместителем, старшим лейтенантом Денисом Кругловым, обдумывал схемы движения колонны. Проблема состояла в том, что охранять колонну и, если что-то случится, принимать бой придётся самим связистам. В ребятах Лёша не сомневался, все отслужили по году либо в морской пехоте, либо в десантных войсках, боевой опыт у них был.

Остановились на следующем варианте. Впереди поедут разведчики на двух «Тиграх», а за ними тяжёлая БМП, и, если что, примет на себя первый удар. В случае занятия правильной позиции она сможет удерживать танки и пехоту противника, пока хватит боезапаса, а за это время колонна успеет отойти. У немцев нет оружия, способного пробить броню тяжелой БМП, а снаряды её пушки пробивают всю немецкую бронетехнику. Но если они закончатся, то БМП станет бесполезна. Поэтому взяли дополнительно 600 бронебойных 53-УБР-281У и 400 осколочно-фугасных 53-УОР-281У снарядов к её пушке, загрузив их в КамАЗ. За БМП на расстоянии в 500 метров пойдут 30 автомобилей КамАЗ-6350 и КамАЗ-5350. Из них 20 с прицепами, восемь со станциями РЭБ и два автозаправщика с горючим в самом конце. При этом вся техника имела пиксельный камуфляж и небольшие красные звёзды на бортах.

Доложили своё решение Зайцеву, и тот его одобрил. Выехали в половине одиннадцатого вечера 4 июля, когда стемнело. В эту ночь планировали доехать до Гомеля. Дорога оказалась неплохая, лежал асфальт, двигались в глубоком тылу, поэтому строжайшей маскировки

решили не придерживаться. К шести часам утра рассчитывали проехать километров пятьсот. После этого нужно было заезжать в густой лес и маскироваться – начинала действовать немецкая авиация. Но если их план удастся, то утром они уже будут километрах в ста пятидесяти от Гомеля. Эта первая ночь не обещала проблем, требовалось только ехать как можно быстрее, насколько позволяла дорога. Лёша собрал всех, кому предстояло ехать за рулём, и объяснил задачу. Ровно на половине пути предусмотрели смену всех водителей.

Гнали всю ночь, и самой большой помехой стали колонны военной техники, идущих к фронту. Все они были тихоходными, двигались со скоростью не более сорока километров в час, в то время как они ехали под восемьдесят. Приходилось останавливать колонны, выставлять на встречке кордоны и обгонять, поэтому время всё же потеряли. На свой страх и риск Лёша продолжил движение до восьми утра, когда они наконец доехали до Довска. Это место, где дорога поворачивала на юг в девяноста километрах от Гомеля. Фронт уже находился в 50—60 километрах западнее от них. Становилось очень опасно, в любой момент могла появится авиация противника. Результаты её действий начали попадаться им по дороге ещё километров за сто – на обочинах валялись сгоревшие машины. Найдя подходящий лесной массив, сразу же свернули в лес и начали всё маскировать. Они с Денисом выбросили антенну радиосвязи, связались со штабом и доложили, что добрались без происшествий, а также своё местоположение.

Лёша выставил боевое охранение и стал наблюдать за окружающей обстановкой. Дорога осталась километрах в трёх от леса, в котором они укрылись. Движения по дороге практически не наблюдалось, так, одна-две машины в час. Буквально через полчаса после того как они заехали в лес и замаскировались, в небе появилась немецкая авиация. Она чувствовала себя как дома – летали самолёты-разведчики, бомбардировщики, появлялись истребители. Никто этому не препятствовал, советская авиация полностью отсутствовала. Лёше стало как-то не по себе. Он приказал ребятам взять ПЗРК и занять позиции по периметру, а всем остальным укрыться и не мельтешить. Если немцы их заметят, то тут же разбомбят.

Так и просидели весь день в лесу в напряжении, не сомкнув глаз. Ни одного советского самолёта за этот день не увидели. Только тут они с Денисом осознали, как плохо всё у Красной армии. Ближе к девяти часам вечера немцы полетели ужинать и спать, а Денис приказал дозаправить машины и готовиться ехать. Лёша решил, что больше рисковать, как сегодня, не будет, и в шесть утра они должны замаскированными находиться в лесу на стоянке. Поэтому времени на движение у них оставалось совсем мало, всего шесть часов за ночь, а хорошая дорога обещала скоро закончиться. Если немцы тут регулярно бомбят дороги, то дальше пробираться по воронкам быстро не получится. Значит, в лучшем случае, за ночь они смогут продвинуться не более чем на двести километров, то есть ехать ещё три ночи.

Проблема заключалась ещё и в том, что им требовалось объехать Гомель, а это дополнительный крюк километров тридцать по просёлочным дорогам. Поэтому, как только стало достаточно темно, чтобы их стало невозможно заметить с самолёта, они тронулись, но уже без фар. Через три часа, перед Гомелем, съехали с дороги вправо на просёлок и двинулись по ухабам в объезд города. Тряслись часа полтора, а потом снова вернулись на дорогу.

Под утро разведчики встретили отряд НКГБ[18] из десяти человек. Командир отряда, младший лейтенант госбезопасности лет тридцати, оказался придурком. Видимо, наслушался рассказов про немецких диверсантов и возомнил себя героем, который их поймает и доставит начальству. Разведчики группу разоружили, набили им морды и повязали. Лёша приказал: всех связать, закинуть в машину и ехать дальше.

Теперь добавилась ещё одна забота – охранять, кормить, поить и в туалет водить сотрудников госбезопасности. Ночи летом короткие. В пять часов утра начало светать. Проехали всего 205 километров, и нужно было искать место для стоянки. Слышалась канонада, фронт

[18] Народный комиссариат государственной безопасности (Прим. авт.)

находился совсем рядом. Лёша доложил в штаб операции и запросил обстановку. Долго ждал ответа. Выяснилось, что в штабе не владеют текущей оперативной информацией на этом участке фронта, в полосе которого он двигался: где свои, а где немцы, никто не знал.

Остановились в лесу. Неудобная позиция – лес маленький, а кругом поля и перелески. У опушки леса находился перекрёсток дорог. Одна дорога со стороны фронта в тыл, а другая, по которой они ехали, вдоль фронта. Замаскировались как смогли, но всё равно что-то беспокоило, Алексей выставил усиленное охранение. Ребята отнеслись с пониманием. С рассветом по дороге со стороны фронта пошли беженцы. Алексей с Денисом стояли за деревьями и наблюдали. Шли в основном женщины с детьми. Мужиков почти не было, только раненые красноармейцы небольшими группами, кто пешком, а кто на телегах. Вдруг у них за спиной раздался детский голос:

– Дядечки, а ви наші?

Алексей резко обернулся – позади стояли двое детей. Белобрысый мальчик лет десяти в очень поношенной курточке, весь в грязи, с котомкой через плечо, и девочка лет семи, тоже светленькая. Они смотрели на него с удивлением. Лёша поднял очки на каску и спросил:

– А вы кто такие?

– Ми біженці, мене звуть Данилко, а цэ сестра моя Олеся, – заговорил мальчуган с сильным украинским акцентом.

– А где ваши родители?

– Мамку німці вбили, вчора бомба впала, і немає більше нашої мамки, – мальчик захлюпал носом, из глаз полились слёзы, сестра тоже принялась реветь.

У Лёши защемило сердце, к такому повороту событий он не был готов.

– А отец-то где?

– Отця у нас немає, його в тюрму забрали давно, сказали, що помер там, – продолжал хлюпать носом пацан. – Дядечки, а у вас їжа є? Ми їсти хочемо дуже!

– Денис, останься, понаблюдай! Пошли! – сказал Алексей детям, взял обоих за руки и повёл к лагерю.

То, что дети оказались внутри охраняемого периметра, было серьёзным происшествием. Если дети прошли незамеченными, значит, мог пройти кто угодно. За это стоило устроить разнос, но Алексей понимал, что это произошло не из-за чьей-то халатности, а из-за того, что все устали и потеряли бдительность.

«Надо иметь это в виду», – подумал он.

Детей накормили, они ели жадно, видимо, были очень голодны. Но как только они наелись, началось самое неприятное. Пацан, увидев доселе невиданные машины, оружие, приборы, начал засыпать его вопросами. Лёша отвечал отговорками и думал, что теперь делать с детьми. Если их оставить тут, они или погибнут с голоду, или опять попадут под обстрел и тоже погибнут. И тут, как будто в подтверждение его мыслей, невдалеке раздалась стрельба.

Лёша передал ребят дежурному по лагерю и быстро побежал к краю леса, где оставил Дениса. Тот стоял всё там же и смотрел в бинокль. Лёша тоже посмотрел в бинокль. Километрах в четырёх от леса в сторону фронта два Ме-109[19] утюжили дорогу. По дороге в панике метались женщины и дети, пытаясь хоть где-то укрыться, но поблизости не было даже ни одного дерева, кругом одни поля. Самолёты на бреющем заходили по одному на дорогу и расстреливали мечущихся людей из пулеметов. В бинокль Алексей четко видел, как на землю падают прошитые пулеметными очередями тела женщин и детей. В это время на дороге не было ни одного мужчины. Сердце часто забилось, к горлу подкатил ком, а внутри закипела какая-то животная злость.

[19] Мессершмитт 109 – немецкий истребитель (Прим. авт.)

Они одновременно опустили бинокли и посмотрели друг на друга. Самолёты улетели в сторону фронта. Лёша с Денисом вернулись в лагерь. Лёша достал флягу, в которой держал коньяк, и спросил Дениса:

– Будешь?

Денис кивнул. Лёша разлил флягу по двум кружкам, и они залпом выпили.

– Не говори ничего ребятам, они ещё успеют озвереть. Ты знаешь, Денис, я стоял в почётном карауле, когда Гиммлер приезжал в город, где я служил, и даже попал с ним в кинохронику.

– Это война, Лёша.

– Это не наша война!

– Это ты так думал, когда подписывал контракт. Как видишь, она стала нашей!

Лёша дождался, когда начало темнеть, и распорядился дозаправить машины. Позвал всех командиров и приказал рассадить по машинам наблюдателей, чтобы смотрели во все стороны. Похоже, им предстояла самая сложная ночь. Как он понял из утреннего разговора со штабом, в этом месте фронта просто не существовало. Они могли нарваться на кого угодно: и на немцев, и на наших. Как только стало совсем темно, колонна начала движение.

Детей он решил взять с собой, отправил их на лежанку водителей в кабину КамАЗа, там они и устроились, допекая его вопросами, пока не уснули. Ехали в напряжении. Около двух часов ночи разведчики остановили колонну и доложили, что на дороге впереди стоят три танка. Танки – наши Т-34, но кто на них, неизвестно, и есть ли экипажи, тоже неизвестно. Однако дорогу они перегородили и их не объехать. Лёша приказал разведчикам выяснить, кто там и что, но постараться это сделать без драки, а сам отдал приказ всем спешиться и занять оборону по периметру колонны.

Минут через десять разведчики доложили, что танки наши, с экипажами, остались без горючего и поэтому стоят. Лёша сказал, что сейчас придёт сам и разберётся. Взял с собой Дениса, и они пошли выяснять, что случилось. Идти пришлось почти километр. Когда подошли, то увидели, что у танков стоят 14 человек. Пятеро были наши разведчики, это показали приборы, значит, остальные – танкисты. Лёша с Денисом возникли из темноты прямо перед танкистами. Лейтенант-танкист сразу же включил фонарик и осветил их.

– Потушите фонарик, лейтенант! – строго сказал ему Алексей. – Вы демаскируете нас! Кто вы такие и откуда?

Лейтенант потушил фонарик, вытянулся по стойке смирно и доложил:

– Командир танкового взвода первого танкового батальона двадцать третьего танкового полка двенадцатой танковой дивизии, лейтенант Тихонов. У танков закончилось горючее, ищем возможность заправить.

– И сколько же вы тут ищете эту возможность, лейтенант? – спросил Алексей.

– Двое суток, товарищ капитан.

– Вы что, тут, на дороге, двое суток торчите?

– Так точно, товарищ капитан.

– Вы что, идиоты? Не могли хотя бы танки в лес загнать?! Как вас немцы не разбомбили, я просто удивляюсь. Где сейчас находится ваш батальон или ваш полк? Вы знаете, лейтенант?

– Никак нет! Не знаю, товарищ капитан, связи нет.

– Так откуда же вы ждёте горючего?

– Мы отправили троих танкистов на проезжавших машинах, кого-нибудь найти.

– И когда это было?

– Вчера утром.

«Всё ясно», – понял Алексей.

Он читал, слушал рассказы, смотрел фильмы про эту войну. Они эту войну изучали в академии, на курсах. Но что творился за бардак в сорок первом году, понял только сейчас. Ему в голову вдруг пришла отличная мысль, что эти танки ему совсем не помешают, а наоборот,

усилят боевые возможности колонны. Солярки у него было достаточно, её взяли с запасом. Если заправить танки, то будет очень здорово доехать в их сопровождении до Проскурова.

– Снаряды есть?

– Да, полный боекомплект, товарищ капитан.

– Слушайте мой приказ, лейтенант! Ваш взвод переходит в мое распоряжение. Сейчас мы танки заправляем, и вы едете в составе нашей колонны до штаба Юго-Западного фронта в Проскурове. Вопросы есть?

На лице лейтенанта отразилось изумление, это было видно даже в инфракрасном диапазоне прибора ночного видения. Алексей, видимо, показался ему волшебником, и лейтенант не мог поверить свалившемуся на него счастью. Прошедшие двое суток он не знал, что ему делать. Бросить танки и уйти не мог, зная, что за это ему грозят трибунал и расстрел, а дождаться заправки уже давно отчаялся. Мог только ждать немцев и погибнуть тут вместе с танками.

– Вопросов нет, товарищ капитан! – радостно воскликнул лейтенант.

– Денис! Подгоните заправщик, пусть их заправит. И распорядись, чтобы установили на танки видеокамеры, дальномеры и радиосвязь, – сказал он Круглову.

Денис пошёл обратно к колонне, а Лёша включил на коммуникаторе общую связь и спросил всех:

– Парни! Танкисты, механики-водители есть?

Откликнулись пять человек. Он посмотрел, кто это, выбрал троих и попросил подойти к нему. Из темноты со стороны колонны приблизился шум работающего двигателя КамАЗа. Перед ними возник силуэт заправщика, который остановился в двух метрах от заднего танка. Из кабины выпрыгнул сержант, подошёл к ним и спросил:

– Ну и как я их заправлять буду? Они на всю дорогу раскорячились. Как я к ним подъеду?

– Развернись и подъедешь задом, – сказал Лёша. – Первого заправишь, он по обочине съедет, потом второго и третьего.

Водитель заправщика вернулся и поехал разворачиваться.

– Значит, так, орлы-танкисты! Мы сейчас поедем в колонне, ехать будем до утра без света в полной темноте. Как только рассветет, то сразу в лес и маскироваться. Мы так хорошо видим в темноте, потому что у нас специальные приборы в очках. Командирам танков выдам такие же приборы. Наденете их и будете всё видеть в темноте. Мне слепые танкисты не нужны. Вместо ваших водителей сядут мои, они хорошо с приборами водить умеют, а вы, пока привыкнете, мне все машины гусеницами подавите. Ваши водители пока на месте стрелков-радистов поедут.

Заправщик развернулся и подъехал к танку задом. В это время подошли те ребята, кто умел водить танк. Алексей велел им помочь заправить машины. Связался с Денисом и попросил, чтобы тот принёс танкистам три коммуникатора и три прибора ночного видения. А потом подумал, что имеет смысл подключить их к интегрированной системе ведения боя, которая стоит на БМП, тогда у него получится полноценный танковый взвод. С ним они смогут отбиться от немецкой танковой роты, а оно того стоило. Пусть они сейчас потратят час времени на обучение танкистов, но спокойнее и целее доедут до пункта назначения. Снова набрал Дениса и сказал:

– Три «Ратника» тащите, к системе их подключим.

– Значит, так, командиры танков, сюда ко мне подойдите, – скомандовал он танкистам.

Три человека подошли к нему.

– Сейчас вам принесут нашу форму. Снимете свою, наденете нашу и увидите, что будет. Потом час на учёбу, и двигаем вперёд, – сказал им Алексей.

Заправщик залил первый танк, парень-связист запрыгнул в него и завёл. Двигатель взревел на всю округу и выпустил облако выхлопных газов, так что стало нечем дышать. Танк

постоял пару минут и начал съезжать на обочину. Проехал метров двадцать и остановился. Заправщик принялся заправлять второй танк. Денис и ещё двое ребят притащили экипировку и стали помогать танкистам переодеваться. Танкисты сняли с себя всё до трусов. Лёша посмотрел на них – они были какие-то маленькие и худые, кроме лейтенанта, который выглядел крепким парнем.

«Пожалуй, костюмы им великоваты, – подумал Лёша, – и тяжеловаты. Ладно, сейчас подгоним».

Он начал помогать танкистам одеваться, так как те ничего не видели в темноте, и форма была совершенно им не знакома. Одевались долго, за это время заправщик успел заправить остальные два танка, а ребята отогнали их на обочину и стали монтировать на них аппаратуру. Наконец с костюмами справились, и Лёша включил на костюмах электронику. Танкисты ошалели, а больше всех лейтенант. Его, похоже, не покидало чувство, что он попал вместо войны в какую-то сказку.

– Теперь всё видно? – спросил их Лёша, а сам увидел, как на экране его очков они замерцали зеленой подсветкой – значит, система их увидела и идентифицировала как своих.

– Что это за штука? – только и смог вымолвить лейтенант.

– Сейчас вас научат этим пользоваться, и ваши танки смогут щёлкать немецкие как орехи, – ответил Лёша. – Правда, ещё кое-чего не хватает, но этого у нас нет. И без этого сойдёт, немцам мало не покажется. Ах да, ещё забыл. Петлицы со своей формы срежьте, сейчас мы их на новую приляпаем, а то не по уставу получается.

Лёша протянул танкистам перочинный ножик, а Дениса спросил:

– У тебя степлер есть?

Тот порылся у себя в сумке и достал широкий степлер.

«Вот барахольщик! Но зато всегда всё при нём», – подумал Лёша.

Он прицепил танкистам старые петлицы на новую форму с помощью степлера. Это вызвало у них примерно такое же удивление, как внезапное появление чудесной колонны и костюм «Ратник», вместе взятые.

– Слушай, Лёша! Давай-ка им ещё противогазы выдадим. Хотя бы заряжающим. А то они у нас во время боя угорят. Если придётся стрелять, то быстро и много. Ты же знаешь, что в этом танке вентиляция хреновая, и заряжающий угорает после десятого выстрела, – предложил Денис.

– Отличная идея! Как я про это забыл? Тащи три ПМК-4 и покажи, как пользоваться. Денис пошёл за противогазами, а Лёша вызвал по коммуникатору командира БМП:

– Иван! Подойди к нам, ты срочно нужен.

Подошли связисты и доложили, что на танках всё установлено, но больше они сверлить броню не будут, все свёрла переломали. Он их отпустил, отправив по машинам. В этот момент подошёл Иван.

– Вот, Иван, принимай пополнение – три «тридцатьчетвёрки» с полным боекомплектом. Мы им поставили в танки электронику и связь, а на командиров надели «Ратники». За водителей поедут наши связисты. Твоя задача – обучить их пользоваться системой и всё проверить. Даю тебе на всё про всё один час. В половине пятого мы должны двинуться дальше. Долго провозились, но, надеюсь, не зря. Как будете готовы – скажешь. Они поедут за тобой, – сказал он Ивану, а танкистам добавил: – Вот непосредственный командир вашей бронетанковой группы, старший лейтенант Иван Чураков. С ним будете держать прямую связь, его приказы и распоряжения выполнять. Всё ясно?

– Так точно, товарищ капитан, – ответил лейтенант-танкист.

– Всё, я пошёл в свою машину. Жду, Иван, когда будете готовы ехать.

Через пятьдесят минут Чураков доложил, что у него всё готово и они могут двигаться. Алексей отдал приказ начать движение.

«Как это за пятьдесят минут Иван деревенских парней, которые, кроме кобылы, ничего в жизни не видели, пользоваться электронной системой научил? – спросил себя Лёша. – Ну да ладно, через полтора часа встанем на дневную стоянку, проверю».

В эту ночь из-за происшествия проехали всего 160 километров. Очень сильно отстали от графика. Но он считал, что всё сделал правильно. Во-первых, бросать танкистов было нельзя, нельзя было бросать и танки. Во-вторых, он заполучил отличное охранение, и в следующую ночь они всё наверстают, будут ехать теперь быстрее. Надо только днём парней-танкистов по-настоящему обучить пользоваться системой. Они нашли хороший густой лес и, заехав в него, разбили лагерь, замаскировали технику и выставили охранение. Лёша связался со штабом операции и всё обстоятельно доложил. В штабе его действия одобрили, а самого за смекалку похвалили. Оперативная обстановка на участке фронта, вдоль которого они ехали, оставалась ужасной: где наши, а где немцы, никто так и не знал. Закончив говорить со штабом, Лёша пошёл к Ивану.

Дверцы БМП были распахнуты настежь, внутри дрых Иван.

– Ты что это развалился? Подъём! – растолкал он Ивана.

– А что? – открыл тот глаза. – Команда «отбой» была.

– Только не для тебя. Ты думаешь, я поверил в то, что ты за час троих крестьян электроникой пользоваться научил? Быстро вставай и дуй с ними заниматься! Ты что, не понимаешь, мы в любой момент на немецкие танки нарваться можем. Выйди-ка из машины и послушай!

Иван вылез из БМП. Невдалеке, на западе, слышался грохот боя, ухала артиллерия и рвались бомбы. Бой шёл километрах в двадцати, а то и ближе.

– Слышишь? – спросил Алексей Ивана. – Мы сегодня в окружении запросто оказаться можем. Отсюда уезжать надо, но днём нельзя. Так что давай, весь день с ними занимайся, чтобы к вечеру они с тобой одним целым были. Нам сегодня четыре ствола могут очень сильно пригодиться. И танки осмотрите, всё проверьте, чтобы никаких поломок в дороге!

Недовольный Иван отправился выполнять приказ. А Лёша с Денисом пошли делать себе наблюдательный пункт. Обстановка была действительно хреновая. Немцы в любой момент могли оказаться прямо около них или у них в тылу. На опушке леса обнаружился небольшой холм, с которого отлично просматривались окрестности в сторону предполагаемого появления противника.

Залегли и начали осматривать местность в бинокли. Километрах в десяти от них низко летали самолёты. Их было штук двадцать, а может, и больше. К бабке-гадалке не нужно ходить, чтобы понять, что это немецкие самолёты и они бомбят какие-то части Красной армии.

– Мы можем сегодня очень хорошо влипнуть, – задумчиво проговорил Лёша.

– Надо продумать варианты, как выкручиваться, – ответил Денис.

– А что мы сейчас днём сделаем? Нам остаётся как мышкам в норке сидеть и ждать темноты. В темноте у нас хоть какое-то преимущество есть. А сейчас, если немцы нас заметят, они из нас отбивную сделают и на гриле зажарят.

– Очень хорошо, что мы эти три танка подобрали. Теперь у нас целая артиллерийская батарея есть. Это уже что-то! – продолжил мысль Денис. – А ты уверен, что они стрелять умеют? – поинтересовался Лёша. Денис замолчал и задумался.

– Может, им в экипажах командиров-наводчиков на следующую ночь заменить? – вдруг спросил Денис. – Как мы водителей заменили. Сейчас свистнуть наших ребят, наверняка троих найдём, кто наводчиками танков служил.

Эта идея казалась стоящей – и как она Лёше не пришла в голову ещё ночью? Конечно, наши ребята систему отлично знают и стрелять уж точно умеют.

– Ты, Денис, – голова! Так и сделаем, а танкисты до Проскурова в КамАЗах покатаются.

Грохот боя начал приближаться к ним. Вдалеке на дороге, которая проходила километрах в двух от них со стороны фронта в тыл, показались машины. Лёша навёл бинокль и увидел, что

это ехали артиллеристы на трёх полуторках с пушками, прицепленными сзади. Видимо, это были остатки артиллерийской батареи, а может, и дивизиона. На нескольких ЗИС-5 ехали пехотинцы с винтовками, причём кузова были забиты полностью, и солдаты в них стояли. Дальше показалась пешая колонна в количестве около батальона. Среди пехотинцев находилось много раненых с повязками, которые шли, лежачих несли на носилках. За ними показались лошади, запряжённые в две пушки.

– Ну вот, Красная армия начала организованный отвод войск, – проговорил Денис.

– Теперь уже дезорганизованный! – воскликнул Алексей. – Посмотри в небо!

Они увидели, как низко из-за леса, откуда шла колонна, вылетели шесть самолётов. В том, что это немцы, сомнений не было. Самолёты атаковали колонну, расстреливая её из пушек и пулеметов и сбрасывая бомбы. Люди бросились врассыпную с дороги. Началась бойня, немецкие лётчики методично превращали колонну в фарш.

– Да, влипли мы с тобой, – пробурчал Денис. – Как ты думаешь, через сколько они тут будут?

– Ну ты же сам в немецкой армии служил, вспомни, как обычно делают. Если это был наш арьергард и больше там никого не осталось, то час-другой на зачистку, и через два часа будут тут. А если кто-то остался и ещё сопротивляться будет, то дольше. Лёша посмотрел на часы. Они показывали 12:07 7 июля 1941 года. Значит, к двум часам дня немецкие части могут оказаться уже тут. Хорошо, если просто двинутся дальше. А если решат зачистить местность? Тогда связистам останется только всё взорвать и сматываться с боем, если успеют.

– Ну что, Денис, иди поднимай всех по тревоге. Надо усилить охранение. И прихвати оптику покруче, я хочу посмотреть, что там на дороге осталось.

Денис вернулся минут через двадцать и притащил бинокль с очень сильным цифровым увеличением. К этому времени немецкие самолёты уже улетели, на дороге стало пусто и никакого движения. Вдалеке грохот боя тоже затих, установилась тишина. Значит, через два часа будут. Лёша стал рассматривать в сильный бинокль дорогу. На дороге и по обочинам лежали тела убитых. Ни малейшего движения не наблюдалось. Если там и остался кто живой, то сильно раненный. Но внимание Лёши привлекли две пушки. Ему показалось, что пушки остались целыми. Машины и расчёты, которые в них ехали, немцы изрешетили из пулемётов, а вот пушки? На вид они выглядели исправными, третья пушка явно была разбита и торчала стволом в небо.

– Ну-ка, Денис, глянь! – сказал Лёша и протянул ему бинокль. – Это пушки «эф-двадцать два-усв»? Две, по-моему, целы?

– Ну да! Это полковые 76-миллиметровые пушки. Похоже, что обе целы, – подтвердил Денис, глядя в бинокль.

– Слушай! Есть идея! Если ты скажешь, что я авантюрист, то лучше прибей меня сразу. У нас есть около часа. Что, если сгонять и вытащить эти две пушки сюда? Даже если там нет снарядов, у нас в танках полный боекомплект. А я точно помню, что у них боеприпасы одинаковые. Мы получим дополнительно два ствола, а это уже что-то. Как ты думаешь, стоит рискнуть?

Он знал, что Денис очень педантичен, мелочен и не склонен к риску. Их подбирали друг к другу психологи, и Дениса к нему поставили именно поэтому. Особенно рисковых вообще старались командирами не ставить. Но всё же Денис оказался в этом проекте, а значит, рисковать он умел. Денис не отвечал и смотрел в бинокль.

– Давай рискнём! Терять-то всё равно уже нечего. Немцы тут будут скоро, а мы, по крайней мере, выиграем какое-то время, пока они танки не подтянут или авиацию не пришлют. Наша артиллерия их минут на тридцать задержать сможет. Если врубить ещё одну станцию РЭБ на полную мощность, то у немцев вся радиосвязь на полсотни километров в округе пропадёт. Без связи они развернуться в боевой порядок быстро не сумеют, да и авиацию вызвать не смо-

гут. Пока разберутся, мы успеем уехать. Давай я возьму разведчиков на «Тигре» и КамАЗ – быстренько сгоняем, – сказал Денис, повернувшись к нему.

– Может, только разведчиков отправим? – засомневался Лёша.

– Нет, со мной быстрее будет. Только прикройте нас! БМП сюда подгони.

– По полю не ездите, следы к нам останутся, только в обход по дороге. И ПЗРК с собой возьмите! – сказал вслед ему Лёша.

Он ещё раз всё внимательно осмотрел, но было спокойно – ни души. Лёша встал и пошёл в лагерь. Когда пришёл, Денис с разведчиками уже уехали. Нашёл Ивана, они завели БМП и вдвоём поехали к их импровизированному наблюдательному пункту. Там была лучшая позиция для наблюдения и стрельбы. Пришлось поворочаться в лесу, прямой дороги туда не было. Когда они подъехали, заняли позицию и набросили маскировочную сетку на БМП, он посмотрел в бинокль – ребята уже прибыли на место и возились с пушками.

– Всё, в машину, к бою! – скомандовал он Ивану.

Лёша смотрел на монитор компьютера, система сканировала всё пространство, но никого, кроме наших ребят, не видела.

«Что они там так долго возятся? – думал он. – Делов-то: зацепили пушки и повезли. Что они там делают? Господи, они раненых собирают!»

На мониторе он видел, как разведчики, уже прицепив пушки к машинам, быстро бегали по полю и по дороге подбирали тела и тащили их к КамАЗу.

«Сейчас и сами погибнут, и нас демаскируют! – нервничал Лёша. – Быстрее! Быстрее!»

Он нажал кнопку коммуникатора и, соединившись с Денисом, крикнул ему в трубку:

– Быстрее уезжай! Бросай всё к чёрту! И сам погибнешь, и людей погубишь!

– Я не брошу раненых тут умирать, – спокойно ответил ему Денис.

Они ещё минут двадцать собирали раненых. Потом быстро сели в машины и рванули. Лёша продолжал внимательно следить за монитором – электроника не показывала никакого движения, всё было чисто.

– Сиди тут и наблюдай! Если что заметишь, сразу свисти! – сказал он Ивану. – Сейчас к тебе всё твоё отделение пришлю. Займёте позицию. Немцы будут тут через полчаса. Огонь без команды не открывать.

Лёша побежал в лагерь, а по дороге думал, что сейчас прибьёт Дениса. Но по мере приближения к лагерю начал отходить. За что он его прибьёт? За то, что тот рисковал своей жизнью, чтобы спасти от верной смерти наших солдат? Но это война, и если солдат ценой своей жизни не будет спасать другого солдата, значит, такая армия обречена на поражение. Они смогут разгромить противника только если они одна армия, одно целое. Значит, Денис прав!

В лагерь Лёша пришёл уже совершенно спокойным. Нашёл ребят-мотострелков из отделения Чуракова и отправил к нему. Минут через десять подъехали Денис на КамАЗе и разведчики на «Тигре», обе машины буксировали по орудию. Денис выпрыгнул из кабины и подошёл к нему.

– Пушки целые? – спросил Лёша. – Снаряды были?

– Эти две целые. Накатники в порядке. Прицелы, панорамы и буссоли тоже. Семь снарядов нашли, забрали с собой. У третьей пушки взрывом разбита правая станина. С неё сняли прицел, взяли панораму и буссоль. Нашли двенадцать раненых, – устало ответил Денис.

– Ну что ж, выгружайте, – сказал Лёша.

Разведчики притащили большую палатку и начали на неё складывать раненых из кузова КамАЗа. Все раненые были тяжелым, некоторые стонали, некоторые молчали, трое без сознания.

– Ну и что мы теперь с ними будем делать? Нарушим приказ и вскроем наши медицинские аптечки? – спросил Лёша.

– А ты хочешь дать им умереть? – ответил вопросом на вопрос Денис.

– Занимайся этим сам. Я пошёл артиллерией и обороной заниматься. А ты разверни на всякий случай станцию РЭБ. Если начнётся бой, то врубим, – распорядился Лёша.

Он приказал взять из боекомплекта Т-34 по 20 снарядов с каждого танка. По пять бронебойных, остальные фугасные и шрапнель, и всё это загрузить в «Тигры». Перецепить пушку с КамАЗа на второй «Тигр» и быстро, пока не появились немцы, отогнать орудия на позицию, которую заняла БМП. Начал искать среди своих ребят уже не только наводчиков, а расчёты для двух орудий, ещё восемь человек. Нашёл необходимое количество людей. Решил, что на позицию нужно отправить один танк Т-34, а «Тигры» оттуда убрать. Тогда у него получится целая артиллерийская батарея, и прикрывать её будет отделение мотопехоты. Когда потребуется уходить, то мотострелки подцепят пушки к БМП и танку и смогут сами уехать под бронёй БМП. «Тигры» же боя не выдержат, их сразу уничтожит артиллерия противника. Схема более или менее вырисовалась, но времени у него уже не оставалось. Надо было срочно делать всё то, что он задумал.

Лёша побежал к командирскому танку, приказал его заводить и всем занять места, сам вскочил на броню, и они поехали. По дороге связался с Иваном и спросил, что у того происходит. Иван ответил, что пушки привезли, позицию оборудуют, а так всё тихо.

«Успеть бы ещё и танк хорошо поставить», – подумал Лёша.

Они колесили в лесу по следам БМП и наконец приехали на позицию. Лёша отправил «Тигры» назад в лагерь и стал искать удобное место для размещения танка. Быстро нашёл. Метрах в пятидесяти от БМП на краю леса рос молодой подлесок, а перед ним густые кусты. Хорошая позиция, танк со стороны фронта будет не видно. У БМП тоже оказалась отличная позиция: она спряталась за холмом, на котором они с Денисом вначале разместили наблюдательный пункт. Над вершиной холма торчала только хорошо замаскированная башня с орудием и пулемётом, прикрытая ещё и густой высокой травой.

Одну пушку ребята поставили между танком и БМП, там находилась неглубокая яма, в которую её и определили. У пушки со стороны фронта виднелись ствол и верхняя часть щитка. На неё набросили маскировочную сетку и обложили ветками. Другую пушку поставили с обратной стороны БМП, но там позиция оказалась хуже. Место было совершенно ровное, и поэтому пушку пришлось откатить глубже в лес, чтобы её закрывали деревья. Но они же и мешали наводке в горизонтальном направлении. Из-за этого у пушки получился очень узкий сектор обстрела.

Основное направление стрельбы батареи Лёша определил в то место на дороге, где немцы расстреляли нашу колонну, справедливо решив, что противник начнёт прочёсывать территорию именно оттуда и, следовательно, это и будет направлением вероятной атаки. Установил пушки по буссоли 52—02, точно отметив координаты всех четырёх орудий на электронной карте компьютера. Поворот башен БМП и танка позволял контролировать большой сектор обстрела на случай, если немцы начнут атаку не оттуда, откуда он их ждал. Ещё раз всё осмотрел и остался доволен занятой позицией, тем более, менять что-то было уже поздно. Противник мог появиться с минуты на минуту.

Подошли ребята-связисты, которых он рекрутировал в орудийные расчёты, и заняли места у орудий по боевому распорядку. Они приехали на КамАЗе с боеприпасами к пушке БМП, пулемётам и гранатомётам. Машину оставили в сотне метров в лесу, чтобы на ней потом уехать, дальше она с прицепом проехать бы не смогла. В ребятах он был уверен как в себе, все они отслужили год артиллеристами в разных армиях, а потом ещё изучали советскую артиллерию, знали технику наизусть и умели отлично стрелять. Правда, вести огонь из этих пушек по танкам было крайне неудобно из-за особенностей конструкции вертикальной наводки. Для облегчения работы расчётов к стволам пушек прикрепили лазерные прицелы с видеокамерами. Теперь у вторых номеров прямо на очки выводилась голограмма пушечной панорамы, и они могли быстро наводить орудие на движущуюся мишень по горизонтали.

Ребята-пехотинцы заняли позиции на флангах их импровизированной батареи с двумя «Корнетами»[20] и двумя пулемётами «Корд». Воздушное прикрытие осуществляла БМП своей скорострельной автоматической пушкой и пулемётом. Теперь к бою они были готовы.

Иван ещё раз проверил систему управления боем. Командирской системой являлся вычислительный компьютер БМП, который раздавал цели на танк, наводчиков орудий и пехотинцев с гранатомётами и пулемётами. Ребята повесили несколько видеокамер с лазерными дальномерами на деревьях вдоль позиции, чтобы создать панорамную картину на компьютере и улучшить точность определения расстояния до целей.

Лёша связался с Денисом и сказал, чтобы тот готовил лагерь к эвакуации и, если начнётся бой, включил станцию РЭБ, а сам с колонной уходил на восток под прикрытием двух танков. Они задержат немцев, сколько смогут, а потом заберут станцию РЭБ и будут догонять колонну.

Наступило томительное ожидание. Они сидели в БМП вместе с Иваном и смотрели на монитор. Прошло ещё около часа, и вот на мониторе замигали красные точки, двигавшиеся по дороге. Алексей по связи объявил всем на позиции:

– К бою! Стрельба прямой наводкой по целеуказанию компьютера! Без команды огонь не открывать!

Сам выпрыгнул из БМП и, взяв цифровой бинокль с лазерным дальномером, направил его на дорогу. По дороге ехала немецкая колонна мотопехоты. Впереди пять трехколёсных мотоциклов BMW R75 с пулемётами, за ними два бронетранспортёра Sd. Kfz.250/9, потом десять грузовиков Einheitsdiesel с солдатами, а затем опять бронетранспортёры Sd. Kfz.251/1. У него зазудело жахнуть сейчас по колонне шрапнелью, но Лёша взял себя в руки. Если они проедут мимо, то и пусть едут. Вот если развернутся в боевой порядок, тогда придётся принимать бой, но у него уже не будет выхода. Колонна как раз подъехала к месту расстрела наших солдат, не останавливаясь миновала его и продолжила движение дальше по дороге.

«Похоже, они не собираются ничего прочёсывать, – подумал Алексей. – Если так, то нам повезло!»

Немецкая колонна проехала без остановки. Он решил, что это был механизированный мотопехотный или егерский полк. С противоположной стороны леса охранение доложило, что колонна поехала дальше на восток. Значит, скоро поедут или танки, или опять мотопехота. Лёша не знал, какая это дивизия, механизированная или танковая. Однако минут через двадцать по дороге поехали танки. Он стал их считать, но это было трудно, всю дорогу заволокло пылью. Насчитал около 160 танков, то есть полностью укомплектованный танковый полк двухбатальонного состава. Всё стало ясно: мимо них проходила танковая дивизия вермахта, совершенно свеженькая, не потрёпанная боями, полной комплектации. Лёша лежал и молил бога, чтобы дивизия проехала мимо и никто их не заметил.

Следом поехал артиллерийский полк, который должен был проехать не останавливаясь. Это Лёша точно знал, а боялся ещё одного мотопехотного полка. Что, если немцам придёт в голову мысль прочесать свои тылы? Это будет очень плохо, ничто ему тогда не поможет. Танковый полк ушёл на восток совсем недалеко. Если начнётся бой, и немцы развернут хотя бы один танковый батальон назад, им даже отступать будет некуда, останется только погибнуть тут или от немцев, или вызвав на себя авиацию, если успеют.

Сердце колотилось, прямо выскакивало из груди, во рту всё пересохло. Он достал флягу, открыл крышку и опрокинул в себя. Рот обожгло, как огнём, – во фляге оказался коньяк. Лёша понял, что вчера перепутал фляги с водой и коньяком. У него с собой была фляга с коньяком, которую он снова залил после того, как они с Денисом выпили её. Сейчас он хлебнул полфляги и через десять минут опьянеет. И как он будет командовать боем?.. Да чёрт с ним, какая разница, каким умирать – пьяным или трезвым!

---

[20] Переносной противотанковый ракетный комплекс (Прим. авт.)

Он снова припал к биноклю, вдали показалась немецкая мотопехота. Ну, вот он, последний, дальше поедет больничка, интенданты и прочая шушера. Напряжение нарастало.

«Спешатся, не спешатся?» – гадал Лёша.

Время как будто остановилось, немецкие машины медленно ползли по дороге. Вот они подъехали к месту утреннего расстрела колонны, миновали его и неспешно двинулись дальше. Всё дальше и дальше на восток.

«Фу, пронесло!» – выдохнул он и откинулся на спину.

Тыловые части немецкой дивизии ехали ещё минут сорок. Но Лёша уже успокоился, алкоголь ударил в голову, наступила какая-то отрешённость. Немецкая танковая дивизия проехала, а он ещё долго лежал и наблюдал за дорогой. Какое-то время никого не было, а потом потянулись колонны автомобилей снабжения с боеприпасами, продовольствием и прочей ерундой. Лёша посмотрел на часы: они показывали около семи часов вечера. Встал, заглянул в БМП и сказал Ивану, чтобы тот продолжал наблюдение, а сам пошёл в лагерь. Срочно требовалось хоть что-то поесть, он был пьян, а сейчас нужна была светлая голова. Придя в лагерь, тут же увидел Дениса, тот суетился около радиостанции, развернув её на всякий случай. Когда Лёша к нему подошёл, Денис спросил:

– Что с тобой, тебя так шатает?

– Честно? Коньяка с перепугу по ошибке хлебнул на голодный желудок. Пожрать надо, – ответил Лёша.

– Ну пошли поедим, я тоже хочу.

Они подошли к КамАЗу, в котором везли сухой паёк, достали и начали есть.

– Ну вот, Денис, мы теперь в оперативном окружении. Что предлагаешь делать?

– Попробуем ночью пробиться на юг к Проскурову. Если его ещё не сдали немцам. Как стемнеет, попытаемся выйти на связь со штабом, может, что-нибудь подскажут. По крайней мере оперативную обстановку прояснят.

– Кажется мне, что всё пошло не так. Видимо, мы своим появлением изменили ход событий в этом мире, и не в пользу Красной армии. Когда составляли маршрут, его же на компьютере делали. Там вся информация с этой войны внесена. Тут немцев ещё неделю после нашего проезда не должно было быть. Откуда они взялись?

– Может, ты и прав, Лёша. Это ведь ты у нас учёный – кандидат технических наук, а я простой инженер, – ответил Денис.

– Ты знаешь, на этой войне всех одинаково убивают – и кандидатов, и инженеров, и колхозников. Как там, кстати, раненые?

– Двое умерли. Остальных перевязали, наркотиками и антибиотиками накололи и противошоковые пакеты подложили. Спят вроде бы. Там один лётчик есть, сильно обгоревший. Откуда он у них взялся, неизвестно. Но, скорее всего, он в самолёте горел, выпрыгнул над линией фронта, они его подобрали и везли в тыл, так его ещё раз уже с самолёта. Умрёт, наверное. Жалко его очень, совсем мальчик, я даже не знаю, ему восемнадцать-то есть или нет.

– Пойдём, покажешь!

Раненых снова положили в КамАЗ, потому что готовились экстренно уезжать. Лёша с Денисом поднялись на борт. Раненые лежали на полу поперёк кузова. С ними сидел один связист и давал им воды, поправлял повязки, иногда делал уколы наркотиков и антибиотиков. Подо всеми лежали противошоковые двухлитровые мешки с физраствором или кровезаменителями.

В кузове было довольно темно. Лёша прошёл до конца и посмотрел на всех раненых. Они были очень тяжёлыми, кто без сознания, а кто спал после укола обезболивающего. Лётчика увидел сразу, тот лежал третьим от заднего борта. Совсем детское лицо – он ещё ни разу в жизни не брился, удивительно красивый, темноволосый, веснушчатый парнишка. У него были обожжены руки, ноги и живот, пуля пробила лёгкое. Губы сухие, растрескавшиеся,

а в уголках рта выступала розоватая пена. Забинтованный парнишка лежал без одежды, справа на груди под бинтами растеклось большое красное пятно. Видимо, одежду сняли или срезали санитары и перебинтовали раненого, а документы положили под бинты на груди. Так и поняли, что он лётчик.

Лёша склонился над парнем и вытащил документы из-под бинтов. Они были в крови. Открыл слипшуюся обложку и прочитал: «…младший лейтенант Черепанов Василий Ильич, дата рождения 01.08.1923 г…». Парню действительно ещё не исполнилось восемнадцати лет. Рядом с документами лежала небольшая фотография, тоже вся в крови. На фотографии – красивая молоденькая светловолосая девчонка в простом ситцевом платьице, а на обратной стороне надпись: «Любашка 20.05.1940 г.».

«Наверное, любимая девушка, на сестру не похожа», – подумал Алексей.

Парнишка открыл глаза, голубые-голубые, в них было столько боли, что у Лёши даже холодок по спине пробежал.

– Тебе сильно плохо, Вася? – спросил он и нежно погладил его по голове.

Василий слегка кивнул и моргнул.

– Флягу с водой дай! – попросил Лёша связиста.

Связист протянул ему флягу. Лёша отвернул крышку и начал поить парня. Тот пил жадно, пока не выпил почти половину.

– Терпи, Вася! – сказал он ему. – Продержись этот день и ночь! Завтра утром будем в Проскурове, там сразу в госпиталь. Тебе надо выжить, выжить ради твоей Любы!

Вася так же, еле заметно, кивнул. Лёша положил документы Василия обратно под бинты.

– Кольни ему ещё обезболивающее! – сказал он связисту. – Да, пои всех постоянно! Не жди, когда попросят, они говорить не могут.

Он спрыгнул с КамАЗа и сказал Денису:

– Мы их так не довезём. Они все умрут по дороге. Их растрясёт. Делайте гамаки и крепите к бортам, а снизу привязывайте к полу, чтобы не болтались. Всё, темнеет, я пошёл и попробую связаться со штабом.

Лёша подошёл к рации, связь была, ответил зайцев. Алексей ему подробно доложил всё, что произошло в течение дня. Зайцев заволновался и попросил оставаться на связи, пока он доложит по инстанции. Лёша ждал минут десять.

В эфире опять появился Зайцев и сказал, что связался с Генеральным штабом и у них никакой информации о том, что в этом районе прорвалась немецкая танковая дивизия, нет. Лёша спросил Зайцева, что теперь ему-то делать. Тот посоветовал ехать по маршруту. Лёша поинтересовался, не в курсе ли тот, Проскуров ещё наш и штаб Юго-Западного фронта ещё там – или они приедут утром к немцам в гости. Зайцев опять взял паузу и минут через десять подтвердил, что штаб фронта в Проскурове. Лёша попрощался и выключил связь.

– Ну, что говорят? – спросил подошедший Денис.

– Про эту немецкую дивизию, которую мы с тобой сегодня видели, в Генштабе вообще ничего не знают. Они думают, что она ещё в Германии, а мимо нас её миражи ездят. Ещё говорят, что штаб фронта, по их данным, пока в Проскурове. Правда, я уже никому не верю. Получается, что спасение утопающего – дело рук самого утопающего. Ладно, давай собираться и надо ехать, а то уже темнеет.

Лёша связался с Иваном и отдал приказ – незаметно сниматься с позиции и возвращаться в лагерь, оставив группу наблюдения из трех человек и КамАЗ с ними. Примерно через полчаса в лагерь приехали БМП и танк Т-34 с прицепленными к ним пушками, а также с мотострелками и связистами на броне. К Лёше с Денисом подошёл командир танкового взвода лейтенант Тихонов, который просидел полдня в танке у прицела на позиции, и спросил:

– Товарищ капитан, разрешите обратиться!

– Обращайтесь, лейтенант, – ответил Лёша.

– А почему мы не атаковали немцев? Ведь у нас была отличная позиция и мы могли их остановить!

– А потому, лейтенант, что у меня есть приказ верховного командования доставить колонну с секретной аппаратурой в штаб Юго-Западного фронта в целости и сохранности, и я этот приказ неукоснительно выполняю. Если бы мы ввязались в бой с намного превосходящими нас силами противника, это была бы страшная глупость с нашей стороны. Да, мы бы нанесли противнику ущерб, но немцы разгромили бы нашу колонну, и фронт не получил бы так необходимого ему радиоэлектронного оборудования. Приказ бы не был выполнен.

– Но ведь немцы прорвались к нам в тыл! – не унимался лейтенант.

– Это не наша с тобой проблема, лейтенант. Это проблема нашего Генерального штаба, куда я уже об этом доложил. Это они должны оперативно найти силы и средства в нужном количестве, чтобы остановить эту немецкую дивизию и разгромить её. Для этого они и существуют на народные деньги, это их прямая обязанность, и если они с ней не справляются, значит, их надо гнать оттуда в шею. А пытаться остановить танковую дивизию одной артиллерийской батареей, причем даже без полного боекомплекта, – это глупость, граничащая с идиотизмом. Поэтому если бы немцы сами нас обнаружили и навязали нам бой, то моей задачей было бы не остановить немцев, а прикрыть быстрый отход колонны.

– Но ведь в уставе написано, что противник должен быть смело и стремительно атакован всюду, где он будет обнаружен. Пока враг не сложил оружия и не сдался, он будет беспощадно уничтожаться. Мы должны были уничтожить врага любыми доступными средствами, – продолжал настаивать танкист.

– В уставе, лейтенант, написано и другое. Там сказано, что победа достигается решительным превосходством над противником на главном направлении. У нас такого превосходства не было, а значит, вступление в бой было бессмысленно и глупо. Погибнув сами и потеряв ценное оборудование, мы бы ни на шаг не приблизились к победе над врагом, а наоборот, от неё отдалились. Головой нужно думать, лейтенант, и воевать с умом, а не бросаться под гусеницы немецких танков. Так немцев не победишь, а только солдат погубишь. Ещё вопросы есть?

– Никак нет, товарищ капитан! – ответил танкист и пошёл к своему танку, весь задумчивый.

Выехали они примерно через час, около десяти. Лёша передал всем водителям, чтобы двигались как можно быстрее. Проехали всего около сорока километров, когда разведчики остановили колонну. В лесу у дороги обнаружили неизвестную военную часть и пошли на разведку. Лёша приказал развернуть бронетанковую группу к бою, всем связистам, кроме водителей, спешиться и занять позиции. Опять минуты ожидания и напряжения. Кто это? Заблудившиеся наши или немцы уже перерезали дорогу? Сейчас вся надежда была на профессионализм разведчиков.

К нему подошёл Денис и сказал:

– Похоже, мы тут хорошо вляпались. Я такого бардака нигде, где служил, не видел. Ни связи, ни управления, никто ничего не знает. Вермахт тут, как на прогулке, часа два пострелял, а потом купайся, загорай, только баб знойных нет, одни колхозницы.

– Хватит их критиковать. Они общество всеобщего счастья строили, а на них напали. Вот мы им связь и везём.

– Что-то я этого счастья, Лёша, ни в Германии, ни в Италии, ни в Штатах, да и тут нигде не видел. Оно вообще бывает?

– Всем – и немцам, и итальянцам, и американцам, и русским сказали, что бывает. Только надо остальных замочить, и тогда будет вам всеобщее вечное счастье для оставшихся.

На связь вышли разведчики и сообщили, что это остатки противотанкового дивизиона стрелковой дивизии. Десять 45-миллиметровых пушек на полуторках без связи и без бензина, боезапас по 20 снарядов на пушку, есть раненые в машинах. Не знают, где противник, а где

наши части. Замаскировались в лесу у дороги сегодня утром, отправили разведку, разведка не вернулась.

– Ждите нас, сейчас мы с Денисом подойдём, – распорядился Лёша. – Ну что, Денис, пошли загонять очередных заблудших овец в стадо.

Их встретил начальник штаба артиллерийского дивизиона старший лейтенант Авдеев, командир был тяжело ранен и лежал в машине. Этот хотя бы всё сделал правильно – машины с пушками в лес загнал, замаскировал, выставил боевое охранение и даже организовал разведку, только разведгруппа пропала.

– Значит, так, старший лейтенант, – сказал ему Лёша, когда представился. – У меня есть связь напрямую с Генштабом, но от этого не легче. Обстановку на этом участке фронта не знает никто. Я знаю точно только одно, что мы с тобой находимся в оперативном окружении. Вчера днём в сорока километрах севернее немцы прорвали фронт, если он, конечно, там был, и мимо меня на восток проследовала немецкая танковая дивизия. Она сейчас находится минимум километрах в сорока у нас в тылу. Как мне сообщили в Генштабе, штаб Юго-Западного фронта до сих пор ещё расположен в Проскурове, куда моя колонна и движется. Вы поступаете в моё распоряжение, и мы едем в Проскуров. Бензина у меня для твоих полуторок нет. Есть только солярка для танков и моих машин. Поэтому я подцеплю твои полуторки вместе с пушками к моим машинам, и мы двинемся. Вопросы есть?

– Нет, товарищ капитан, – ответил Авдеев.

– Это ещё не всё. Раз противник у нас в тылу, то в любой момент мы можем нарваться на немцев, и придётся отбиваться. У меня в колонне четыре танка и две полковые пушки. Так как ты артиллерист, эти два орудия передаются тебе в распоряжение. Там боекомплект 67 снарядов. У тебя сколько снарядов осталось?

– По двадцать снарядов на пушку.

– Ну, минут на пятнадцать повеселиться хватит. Так вот, чтобы мы веселились с тобой результативно, особенно ночью, а не по воробьям стреляли, ты сейчас мне соберёшь всех десятерых наводчиков сюда. Пока мы твоё хозяйство будем из леса на дорогу вытаскивать и цеплять к моим машинам, мои ребята тебе и наводчикам навесят приборы и быстро объяснят, как ими пользоваться. Вопросы – что это такое, откуда это и как работает – не принимаются, времени нет. У тебя и у наводчиков будет прямая связь с нами, вы будете ночью видеть, как днём, где свои, а где противник. Каждому из вас приборы будут подсказывать – какую цель выбрать, какое расстояние до цели, её скорость, упреждение и какие углы наводки выставлять. Всё понятно?

– Да, понятно, товарищ капитан.

– Ну, тогда за дело. Ты, Денис, им каски с компьютерами вешаешь и связь даёшь. Я вытаскиваю их из леса.

Около часа они вытягивали «Тиграми» из леса полуторки с пушками и цепляли их к КамАЗам. Из каждого КамАЗа получился просто охренительный автопоезд – впереди КамАЗ, за ним прицеп на жёсткой сцепке, за прицепом полуторка, тоже на жёсткой сцепке, а за ней пушка. К заправщикам прицепили по две полуторки без пушек друг за другом. За станции РЭБ по одной полуторке. Денис навешал на артиллеристов приборы и объяснял, как ими пользоваться.

Наконец всё было готово, и Лёша опять перестроил колонну. БМП теперь спрятал позади танков, это была самая ценная машина с радаром и центральным компьютером управления боем. Они с Иваном ввели в него данные артиллеристов, номенклатурные коды орудий, коды боеприпасов. Компьютер сильно упрощал работу расчётов. Сам находил цели, сразу рассчитывал точные расстояния до них, их скорость, оптимальные ракурсы поражения, углы наводки и упреждения, типы снарядов и распределял цели на каждую огневую точку. Эффективность и точность стрельбы повышалась в несколько раз. Проблема состояла только в том, что мест-

ные не умели этим пользоваться, а снарядов у них была всего десятая часть боекомплекта, да и те низкого качества. При наличии качественных боеприпасов, опытных артиллеристов и танкистов с этим оружием вчера они расстреляли бы немецкий танковый полк, как в тире.

Тронулись дальше. Лёша пересел в БМП и ехал с мотопехотой, наблюдая всю обстановку на мониторе. Ещё километров через пятьдесят справа от них в небе появились вспышки осветительных ракет. Он остановил колонну и вышел. В полутора-двух километрах справа от дороги слышалась оружейная и пулемётная стрельба, в небо взлетали ракеты, там шёл бой. Колонна ехала у самой линии фронта. Лёша сел в БМП и приказал гнать что есть сил. Их сейчас придерживали только Т-34, у которых была самая низкая скорость движения из всей колонны, всего пятьдесят километров в час. БМП могла выжимать восемьдесят, а КамАЗы и «Тигры» – около сотни. Поэтому мчались со скоростью пятьдесят километров и примерно за час проскочили этот участок, где фронт так близко подходил к дороге.

Оставшуюся часть ночи проехали без приключений. Фронт отошёл на запад, дорога была пустынная, но довольно сильно разбитая военной техникой. БМП подскакивала на кочках и ямах, и Лёша подумал, что раненых они, наверное, не довезут. Раненые находились у него в одном КамАЗе и у артиллеристов в четырёх полуторках. Полуторки сейчас точно летали над дорогой, зацепленные за гружёные КамАЗы, и ехать в них артиллеристам было, мягко сказать, некомфортно, а раненым и подавно. Но он не мог ничего поделать. Если они к утру не прибудут в Проскуров, то нарушат все сроки операции, а это десятки тысяч жизней людей, которые погибнут или попадут в немецкий плен за ещё одни сутки задержки.

Под утро подъехали к первому КПП. На удивление всё прошло без эксцессов, видимо, приказ пропустить их колонну сюда уже поступил. Молодой лейтенант пехотинец посмотрел их документы и пропустил, сказав, что следующий КПП через десять километров.

Светало. На третьем КПП им показали, куда ехать на карте. Управление связи фронта находилось в шести километрах в посёлке Лесовые Гриневцы на окраине Проскурова. Лёша про себя отметил, что чем ближе они подъезжали, тем оживленнее становилось. Навстречу им и попутно двигались войска и техника. Кое-где вдоль дороги размещались зенитные пулеметы и зенитная артиллерия. Прослеживалось какое-то подобие организации и порядка.

Стало уже светло, впереди по дороге шла какая-то пехотная часть походной колонной по четыре красноармейца в ряд. Каждый в полной боевой укладке – за плечами винтовка с примкнутым штыком, шинель скатана и переброшена через плечо, на поясе сумки с подсумком, сапёрная лопатка, каска, фляга, котелок, а за спиной ранец с вещами и плащ-палатка. На головах красноармейцев пилотки, а обуты они были в ботинки с обмотками до колен. Причём обмотки с ботинками покрылись слоем серой дорожной пыли, видимо, шли они уже очень долго и устали. Чтобы взбодриться, красноармейцы громко пели строевую песню:

Мы раздуваем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сравняем с землёй!
Ведь от тайги до британских морей
Красная армия всех сильней!

«Да! Как раз в тему! Красную армию бьют тапочком по роже, а она гордо вышагивает в обмотках, обещая доломать оставшиеся церкви, и невероятно уверена в себе. Хотя бы своих женщин и детей защитили!» – грустно подумал Лёша.

Пешая колонна заняла всю правую часть дороги, а по встречке двигался автотранспорт. Они вынуждены были остановиться. Лёша приказал взять ПЗРК и занять позиции вдоль дороги. Если прилетит немецкая авиация, она их по дороге размажет. Как назло, на них все пялились, как на инопланетян, останавливались посмотреть и задерживали движение. Водитель ЗИС-6 так засмотрелся, что съехал в кювет и перекрыл встречный поток – движение встало. Лёша впервые в жизни орал матом до хрипоты и пытался как-то разрулить ситуацию.

Машину вытолкать не смогли, она застряла намертво, сев рамой на дорожный откос. Её водитель, парнишка лет восемнадцати, чуть не плакал. Достали трос, прицепили к танку Т-34 и выдернули грузовик, развороти в всю обочину дороги так, что ехать по встречной стало нельзя. За это время идущая впереди колонна ушла далеко, и они двинулись за ней. Позади, на дороге, остался затор с движением только в одну сторону. Эти шесть километров ехали около часа.

Наконец-то въехали в поселок и остановились около управления связи фронта, которое располагалось в большом деревянном доме с крыльцом и надписью «Сельсовет» над входом. Метрах в тридцати от дома, в саду, стояли два замаскированных автомобиля ЗИС-6 с радиостанциями РАФ-КВ и развёрнутыми антеннами.

Лёша с Денисом вошли в дом. В большом кабинете, сразу у входа, за столом сидел пожилой военный в звании генерал-майора войск связи. На другом столе, возле окна, стояли три деревянных коробки с телефонами УНА-Ф-28, вокруг которых суетился сержант-связист. Он попеременно хватал то одну, то другую, то третью трубки и громко кричал в них на весь кабинет. Лёша доложил о прибытии, пытаясь перекричать сержанта. Генерал-майор встал из-за стола и протянул им руку.

– Ну наконец-то, а то мы вас заждались! Москва все телефоны оборвала. Связи нет, везде неразбериха, немцы прут напролом, вчера опять оборону прорвали. Какие вы молодцы, что добрались целыми, тут немецкая авиация головы поднять не даёт. Ну, давайте проходите, садитесь, рассказывайте, как доехали. Николай! Стаканы тащи и закусить чего-нибудь.

Сержант-связист бросил кричать в телефонные трубки и выбежал из кабинета.

– Товарищ генерал-майор! Колонна с техникой как на ладони стоит посреди посёлка, прилетай и бомби сколько хочешь, – обратился к военному Лёша.

– Да-да, ты прав, Орлов! – согласился генерал-майор и сказал появившемуся на пороге со стаканами и закуской сержанту: – Николай! Позови сюда Звягинцева. Срочно! – Мы для вас тут базу недалеко в лесу подготовили, километрах в пяти. Там батарея зениток стоит, – сообщил он ребятам.

Через пару минут в кабинет вбежал шустрый воентехник 2-го ранга и спросил:

– Вызывали, товарищ генерал-майор?

– Да. Знакомьтесь, это Тимофей Звягинцев, а это Алексей Орлов и Денис Круглов.

Они пожали друг другу руки.

– Тимофей! Проводи колонну на базу. А вы, ребята, пока останьтесь – всё расскажите, как доехали и что видели, выпьем по рюмашке.

– Так точно, товарищ генерал-майор. Только сейчас отдам распоряжения. И ещё, мы там на хвосте много чего привезли. Десять нкгбшников по дороге прихватили – связанные в машине лежат, двоих маленьких детей, целую машину тяжелораненых, три «тридцатьчетвёрки», переоборудованные нашей техникой с танкистами в придачу, остатки артдивизиона из двенадцати орудий с артиллеристами и ранеными. Что с этим со всем делать? – спросил Лёша.

– Так ты что, Орлов, целый полк по дороге насобирал?! – удивился генерал-майор.

– Да, мы бы и дивизию насобирали, если бы время было. У вас тут много чего бесхозного сейчас на дороге валяется.

– Ну, молодцы ребята! – ответил им генерал-майор, а Звягинцеву сказал: – Тимофей, разберись!

– Так точно, товарищ генерал-майор! – отчеканил Звягинцев.

Лёша с Тимофеем вышли из штаба. На улице собралась толпа из военнослужащих и местного населения, все глазели на технику, оружие и ребят. Связисты стояли около машин, курили и отбивались от назойливых вопросов.

– Это ещё что за митинг! – грозно заорал Тимофей на всю деревню. – А ну-ка всем разойтись!

Толпа неохотно стала расходиться. Лёша подозвал командира третьей роты лейтенанта Олега Усольцева и назначил его дежурным, представил Тимофея и отдал распоряжение: нкгбшников, раненых и детей сдать Тимофею на руки; с артиллеристов снять приборы, отцепить машины с орудиями от КамАЗов и тоже сдать Тимофею; танкистов с танками взять с собой; всей колонне ехать на базу и там обустраиваться, а разведчикам вернуться на одном автомобиле за ними через два часа.

Олег с Тимофеем отправились выполнять распоряжение, а Лёша вернулся в штаб. Денис сидел и беседовал с генерал-майором. На столе стояли два пустых стакана и один полный доверху, а на тарелке лежала закуска. Лёша поставил автомат в угол, рядом с автоматом Дениса, снял перчатки, отсоединил кабель и снял каску.

– Присаживайся! Мы тут уже беседуем, – проговорил генерал-майор, дожёвывая огурец. – На-ка, хвати грамм двести с дороги!

Он показал Лёше на налитый до краёв стакан водки, а сам достал из-под стола ещё одну бутылку. Открыл её, налил по стакану себе и Денису и предложил:

– Ну давайте, мужики, за победу!

Они чокнулись и выпили залпом. Лёша почувствовал, как тепло медленно растекается по уставшему телу, а напряжение последних дней начинает отступать. Лёша и Денис повеселели. Разговорились…

***

Через два часа за ними приехали разведчики. Генерал-майор отпустил их отдохнуть до вечера. На 22:00 назначил совещание. До базы доехали быстро. Она находилась в большом лесу. С одной стороны леса проходила дорога, а с другой протекала небольшая речка. Батальон обустраивался, занимаясь маскировкой. Успели установить связь и развернули палатки. Ребята зашли в палатку, разделись догола, взяли мыло и пошли на речку. Тело болело и ныло. Четверо суток таскать на себе двадцать килограммов «Ратника» очень тяжело.

День стоял жаркий. Вода в речке оказалась тёплая, а течение слабое. Они переплыли на другой берег и легли на песке под тёплыми лучами солнца. У Дениса в паху справа виднелся большой свежий шрам, явно от огнестрельного ранения. Лёша спросил:

– Где это тебя так?

– В Польше в тридцать девятом… Друг Курт меня с нейтральной полосы на себе тащил и погиб… А я чуть не сдох, спасибо штабсартцу Брауну: с того света вытащил, заштопал и выходил, брюхо всё равно часто болит, – ответил Денис, помолчал и добавил: – Меня и Курта Железным крестом второго класса наградили, его посмертно. Ему ещё и девятнадцати не исполнилось. Я к его матери в Кёльн ездил, он у неё единственный сын был, она ради него жила. Она всё время на его детскую фотографию смотрела и не плакала, у неё слёз уже не было, просто пустые глаза, понимаешь. Она меня, как будто я – это он, обнимала. А он, спасая меня, погиб…

Лёша вспомнил разговор в лесу после расстрела немецкими лётчиками беженцев, вспомнил своего друга Пауля, представил себе, как молодой немецкий мальчишка Курт вытаскивает тяжело раненного Дениса с поля боя, как Денис умирает в немецком госпитале, а немецкий военный врач пытается спасти ему жизнь. Он вспомнил, как вчера днём хотел наорать на Дениса за то, что тот, рискуя своей жизнью, собирал с дороги раненых, не добитых немецкими лётчиками. И он задал себе вопрос: что же есть добро и что есть зло? Ответа на него не смог найти и пришёл к выводу, что, видимо, чего-то не понимает в жизни и что-то очень важное упустил, а что – не знал.

Они переплыли речку, помылись, вышли на берег, постояли и обсохли. Пошли назад в лагерь и сказали дежурному Олегу Усольцеву, чтобы разбудил их через четыре часа, а ребят отправил в речке помыться. День жаркий, вода тёплая, все четыре дня не мылись. Лёша с Денисом залезли в палатку, упали, да так и уснули голыми на полу.

Олег растолкал их, когда уже начало темнеть. Они быстро оделись в обычную полевую форму, умылись и побрились. Лёша сказал Олегу, что тот остаётся за старшего, пока они будут в штабе, и вдруг подумал, что хотел о чём-то спросить у Олега, ещё когда они приехали. Напряг мозги и вспомнил:

– Слушай, Олег, а что с тем обожжённым и раненым мальчиком-лётчиком, которого мы везли в госпиталь?

– Умер по дороге, не довезли, – грустно ответил Олег.

Они поехали в штаб на совещание. Туда уже прибыли командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Михаил Петрович Кирпонос и один из руководителей операции Сергей Иванович Черновцев в звании генерал-майора, утверждённый ГКО в качестве заместителя командующего Юго-Западным фронтом. Кроме них присутствовали практически все командиры частей связи фронта.

Черновцев всё знал про их тернистый путь от Можайска до Проскурова. Сказал, пожав им руки, что не только руководители операции, но и ставка высоко оценили их грамотные действия и проявленное мужество. Но танки с танкистами он у них забрал в резерв фронта, поблагодарив за смекалку и находчивость.

– Благодарность на хлеб не намажешь, – тихо пробурчал Денис на ухо Лёше.

Задача, которую поставили перед Лёшей и Денисом на совещании, была не просто трудна, а практически невыполнима. В течение двух суток требовалось: разместить, тщательно замаскировать и организовать работу восьми станций РЭБ и двадцати ретрансляторов вдоль линии фронта; смонтировать, подключить и организовать непрерывную работу комплекса связи и управления штаба фронта; обеспечить интерактивную бесперебойную связь всех соединений и частей фронта до батальонного звена, а для этого обучить командный состав работе со средствами связи на уровне пользователей.

Для выполнения задачи Лёшу назначили командиром вновь сформированной части – отдельного специального полка связи Юго-Западного фронта, а Дениса его заместителем. К тому, что у них имелось, им дополнительно передали в подчинение: батальон связи, собранный поротно из остатков разгромленных стрелковых дивизий, две моторизованные инженерные роты из РГК[21], а также две роты пехоты НКВД. Последние исключительно для целей обеспечения охраны и безопасности.

По Лёшиным подсчётам этого было очень мало, и толк был исключительно от его ребят, остальные же могли только носить ящики, копать ямы и подавать отвёртки. Об этом он всем и заявил. Ему ответили, что приказы не обсуждаются, а выполняются. Для него и так собрали отовсюду всё, что имелось, а на фронте дыры, и их затыкать нечем. Просидели всю ночь и составили подробный план, где и что размещать, а также в какой последовательности. Утром Лёша с Денисом поехали на базу думать, как всё это выполнить.

Первое, что он сделал, приехав на базу, это отправил одно отделение связистов устанавливать систему связи и управления в штаб фронта. Для этого перегрузили необходимое оборудование на один КамАЗ, взяли автомобиль разведчиков и уехали. Дениса на другом автомобиле разведчиков Лёша послал с отделением радиоэлектронного противодействия устанавливать одну станцию, место для которой выбрали в сорока километрах. Сам остался на базе.

Приехали две роты пехоты НКВД на полуторках ГАЗ-ААА. Выставил их на охрану периметра, а своих связистов отправил отдыхать. Сел думать, что рабочее из этого винегрета можно сделать. долго ломал голову и всё же нашёл только один приемлемый вариант – переформировать все роты, чтобы в каждом отделении обязательно был Лёшин профессиональный связист. Назначить того командиром отделения, а всех остальных – ему в помощь.

Лёша связался с командованием и озвучил своё предложение. В штабе подумали и дали добро. Позвал Олега Усольцева, и они вдвоём сели за ноутбуки переформировывать списки. После полудня подъехали две инженерные роты на десяти трёхтонках ЗИС-5.

«Ну слава богу! Хоть машины ещё будут», – обрадовался Лёша.

Затемно подошёл пешком батальон связи с повозками и лошадьми.

«Конюшни ещё тут не хватало!» – выругался он про себя.

Но командир батальона, назначенный к нему начальником штаба, оказался толковым мужиком лет около пятидесяти в звании капитана. Звали его Сергей Петрович, и до войны он работал инженером на Минском радиозаводе имени В. М. Молотова. Лёша попробовал коротко объяснить ему принципы работы нового оборудования, не рассчитывая на понимание. Тот же, на удивление, врубился сразу, потому что, как выяснилось, в 1913 году окончил Высшую техническую школу в Цюрихе, в совершенстве знал немецкий, а в 1939-м проходил стажировку в германии на заводе Siemens. Об этом Сергей Петрович по секрету сообщил Лёше и Олегу, видимо, проникнувшись к ним доверием. Они даже перебросились парой фраз по-немецки. Лёша с Олегом были невероятно рады такому приобретению. Им прислали не балласт, а грамотнейшего инженера, который сможет быстро разобраться в системах связи и управления XXI века.

[21] Резерв Главного Командования (Прим. авт.)

Сергей Петрович со своей биографией и с учётом того, что ещё и служил в царской армии в Первую мировую войну, чудом избежал репрессий. Его спасли три обстоятельства. То, что его отец был рабочим, а мать крестьянкой. Жена его работала простой швеёй на фабрике, а сам он категорически отказывался продвигаться по службе и трудился простым инженером. Несмотря на это перед самой войной органы под него всё же начали копать, но на третий день войны его призвали в армию, и это опять его спасло. Как понял Лёша, нашёл Сергея Петровича генерал-майор Черновцев и назначил к нему начальником штаба, спрятав того от НКГБ.

Стоящие перед полком задачи и проблемы, которые ему обрисовали, Сергей Петрович понял. Снял фуражку и почесал затылок. Лёша озвучил ему решение о переформировании. Тот согласился, что это единственное верное решение. Уже втроём они сели составлять новые списки подразделений. Ноутбуки вызвали у Сергея Петровича настоящий восторг. Оказалось, что он интересовался этой темой, читал работы Норберта Виннера и во время стажировки в Германии ходил на презентацию вычислителя Z2 Конрада Цузе. Лёша увидел первого в этом мире человека, который понимал суть и принципы работы электронных систем, привезённых ими.

Позвонил Денис и доложил, что станцию привезли на место, установили, замаскировали и включили. Связь пропала у всех – и у немцев, и у наших. Установку вырубили – надо менять частоты у наших старых радиостанций. Лёша смачно выругался и связался с начальством в штабе операции. Там долго молчали и переговаривались. Наконец сказали: к утру придумают, что с этим делать, это оказался уже их ляп. Лёша позвонил Денису и приказал возвращаться на базу. Радиоэлектронщики пусть сидят и ждут распоряжения из Москвы.

Часам к трём ночи вернулся Денис. Лёша ввёл его в курс дела, и они продолжили добивать новые списки состава рот. К рассвету всё закончили. Построили весь личный состав, огласили приказ и начали зачитывать новые списки, сразу же перестраивая. Посмотрели – получилось неплохо. Командир каждого отделения – профессионал. Все командиры из своих, а замы – из приданных подразделений. Алексей приказал всем новым командирам рот, взводов и отделений идти знакомиться с личным составом, переносить вещи и заниматься переустройством. Они с Денисом и Олегом, измученные, отправились спать, оставив смотрящим по базе Сергея Петровича.

Как только зашли в палатку, тут же припёрся лейтенант НКВД. Понёс какую-то ахинею про антисоветскую пропаганду. Заявил, что слышал один разговор. Лёша напомнил ему, что поставил перед ним задачу охранять базу, а не подслушивать. Лейтенант пообещал сообщить куда следует. Алексей обругал его и выгнал. Позвал Олега и попросил собрать всех своих ребят и ещё раз предупредить, чтобы следили за базаром. Формально весь личный состав рот НКВД подчинялся теперь ему, по крайней мере, так было написано в приказе, но в советской системе существовали ещё и неформальные отношения, а в них он пока не разобрался.

Через два часа его разбудил писк будильника в браслете. Лёша растолкал Дениса, и они пошли в штабную палатку формировать колонны. К полудню всё было готово. Заработала интерактивная связь и система управления в штабе фронта, и он приказал ребятам возвращаться на базу. Связались со штабом операции и поинтересовались, как там решили проблему с глушением наших радиостанций. Им ответили, что решение только одно – развертывать новую систему связи, и за это отвечает лично он.

Лёша позвонил начальнику связи фронта, которому теперь непосредственно подчинялся, и доложил, что сегодня вечером колонны отправляются на временные базы.

Все офицеры в штабной палатке сидели уставшие. Денис вышел и принёс с собой три бутылки фирменного французского коньяка.

– Может, выпьем, мужики, грамм по сто? Этих ненормальных в васильковых фуражках вроде поблизости нет, – предложил он офицерам.

Никто не возражал, появились кружки, разлили.

– Ну что, за знакомство! – произнес тост Сергей Петрович.

Выпили и занюхали рукавом.

– Вообще-то такой коньяк закусывают шоколадом, – скривив лицо, заявил лейтенант Артём Меньшиков.

Лёша, ещё когда знакомился с личным составом, узнал, что Артём был представителем золотой молодёжи. Правда, выяснить, как его сюда занесло, не удалось никому. Но были подозрения, что из-за больших долгов, которые тот наделал.

– Слушай, Артём, может, ты свои аристократические привычки засунешь себе в задницу? Вспомни, где ты, кто ты, и помолчи, пожалуйста, – оборвал его Олег.

Артём обиделся, но разговор про коньяк подхватили новенькие, и напряжение как-то сразу спало. Выпили ещё по одной за победу, после чего уже все расслабились.

– Мужики, а пойдёмте купаться, жарко и вода тёплая! – предложил Олег.

– Давайте! Я ещё пару бутылок с собой возьму, – поддержал его Денис.

Все согласились и пошли на речку. На берегу разделись и голышом с гиканьем бросились в воду. Подвыпившие офицеры ныряли, брызгались, громко хохотали на всю округу и плавали наперегонки. Как будто и не было никакой войны, а они отдыхали на нудистском пляже. При этом одним было около тридцати, другим же уже под пятьдесят, однако и те и другие бесились, как дети.

Накупавшись вдоволь, все вышли на берег и собрались вокруг Дениса, который разливал коньяк в кружки. Выпили ещё по одной и трепались, загорая и обсыхая под жарким июльским солнцем. Лёша заметил любопытные взгляды у себя ниже пояса.

«Ну почему всем так интересно смотреть на мой член и мои яйца? Что такого, если они у меня больше, чем у других? У Усольцева тоже член не маленький и в трусы не помещается, а таращатся только на меня!» – с обидой подумал он, отошёл в сторонку и улёгся животом на песчаном берегу, подставив солнцу свой незагоревший зад – привлекательный объект для авиации противника – куда тут же спикировал злой комар и больно укусил. Лёша с силой шлёпнул себя ладонью по ягодице. Появилась вражеская авиация, и этот стервец начал с самого нежного места. К нему подошёл Олег и растянулся на песочке рядом, подставив собственный голый зад комарам.

Когда они вернулись с реки, было уже около девяти часов вечера, и солнце клонилось к закату. Автомобили загрузили, и они стояли готовые к отправке. План состоял в следующем. Первую временную базу им предстояло развернуть под Житомиром, куда с колонной техники и вторым батальоном направлялся Денис. На вторую временную базу в районе Овруча ехал с первым батальоном Лёша. На центральной базе в Проскурове оставались Сергей Петрович и Олег с третьим батальоном. Олег должен был за несколько дней показать Сергею Петровичу в своём ноутбуке всю техническую документацию на оборудование и приборы, а тот – её изучить, чтобы в дальнейшем работать самостоятельно.

Лёша собрал всех командиров в штабной палатке. Ещё раз проговорили основные детали операции, схемы маршрутов, порядок взаимодействия и что делать в экстренных ситуациях. Закончив совещание, он приказал выезжать. Все пошли по машинам. Они с Денисом пожали руки Сергею Петровичу и Олегу.

До Житомира планировали двигаться одной колонной. Ехать им предстояло той же дорогой, которой они два дня назад пробивались к Проскурову. За это время дорога стала ещё опаснее. Впереди опять пустили разведчиков на двух «Тиграх», а за ними тяжёлую БМП. Далее следовали два взвода пехоты НКВД на четырёх ЗИС-5. В случае встречи с противником они должны были спешиться и, в тесном взаимодействии с БМП, прикрывать отход колонны. Правда, Лёша с Денисом очень сомневались в том, что те смогут это сделать. Они понимали, что в связи с реорганизацией вверенные им подразделения вообще потеряли боеспособность.

Ни о какой боевой слаженности теперь не могло быть и речи. Им бы сейчас очень сильно пригодились танки, но Черновцев их отобрал.

Основную колонну составляли 12 КамАЗов с прицепами и 16 полуторок, в которых ехал личный состав и везли оборудование, шесть КамАЗов со станциями РЭБ, два КамАЗа-заправщика и один заправщик БЗ-35 на базе ЗИС-6. Колонну замыкали четыре ЗИС-5 с двумя взводами пехоты НКВД.

Двигались медленно, со скоростью 50 километров в час. Их сильно задерживали автомобили ЗИС и полуторки, которые быстрее ездить не умели. Всю дорогу до Житомира слева гремел фронт, а небо на западе озарялось вспышками выстрелов артиллерийских орудий и осветительных ракет. На базу под Житомиром приехали в половине второго ночи. Там уже располагались оборудованные и замаскированные позиции зенитной пулемётной роты. Денис с Артёмом быстро загнали в лес шесть КамАЗов с прицепами, восемь полуторок, КамАЗ-заправщик, три станции РЭБ и четыре ЗИС-5 с двумя взводами пехоты НКВД, после чего начали оборудовать лагерь.

Лёша пожал Денису руку и, не теряя времени, поехал дальше. Они должны были поддерживать связь друг с другом постоянно. Командование операцией осуществлял он, а Денис оставался его заместителем и должен быть в курсе всего, что происходит, а в непредвиденной ситуации принять командование на себя. Оставшиеся 120 километров предстояло проехать там, где фронта просто не существовало. Это была чёрная дыра в обороне Красной армии на участке Коростень – Мозырь. Сюда под натиском противника откатывались разгромленные под Ровно и разрозненные части 8-го, 9-го и 15-го механизированных корпусов, а на плечах у них ехали передовые части вермахта. Штабу Юго-Западного фронта пока так и не удалось создать здесь линию обороны. Лёша решил взять организацию связи на этом участке на себя, понимая, что больше никто, кроме него, с этим не справится. Зона его ответственности простиралась ещё на 25 километров северо-восточнее Овруча до Ельска. За то, что было севернее, отвечал его товарищ, командир второго батальона связи Геннадий Ляшко на Западном фронте.

Лёша пересадил два взвода пехоты НКВД в КамАЗы и полуторки, а освободившиеся грузовики ЗИС-5 заняли его связисты, которые теперь следовали сразу за «Тиграми» разведчиков. Сам он пересел в БМП, наблюдая обстановку по радару, и колонна тронулась. Ехали в сильном напряжении, готовые к любой неожиданной встрече. Через два часа, когда миновали Коростень и начинало уже светать, на экране компьютера замигали свыше сотни зелёных точек, быстро двигавшихся навстречу им по дороге. Лёша не мог поверить глазам: это ехала колонна техники для Юго-Западного фронта с батальоном танков «Армата» во главе. Он тут же связался с колонной, а его машины съехали на обочину, чтобы её пропустить. Радости Лёши не было предела, и он почувствовал себя в безопасности. С такой мощью даже механизированный корпус противника теперь им не страшен.

Минут через десять показались два «Тигра» разведчиков, они летели по дороге под сотню и, промелькнув, скрылись из виду. Прошла ещё четверть часа, и все увидели головной танк Т-14М. На нём развевалось красное знамя и красовались красные звёзды, маленькие на башне, а большие на блоках динамической защиты по бортам. Мимо них на скорости 80 километров в час со свистом понеслись 60-тонные танки «Армата» и тяжёлые БМП, установки «Панцирь-С» на гусеничном ходу, комплексы «Торнадо», гружёные КамАЗы с прицепами и бронеавтомобили «Тигр». От боевых машин веяло небывалой мощью и силой. Весь личный состав батальона связи выскочил из машин и стоял вдоль обочины с открытым ртом, глазея на мчавшуюся по дороге фантастическую технику. Как Лёше сообщили, колонна направлялась на центральную базу размещения под Житомиром. Значит, у Дениса теперь будет отличное прикрытие, и за него Алексей больше не переживал.

После прохождения колонны над дорогой поднялось огромное облако пыли, и им пришлось ждать ещё минут двадцать, пока она осядет и можно будет ехать дальше. Уже светало,

а до временной базы им оставалось ещё около сорока километров пути. Лёша тронулся на свой страх и риск в надежде, что немецкие лётчики ещё сладко спят в своих мягких постельках.

На базу приехали около пяти часов утра. Быстро загнали технику в густой лес, разгрузили машины, складировали оборудование и приборы, после чего всё тщательно замаскировали. Лёша выставил на охрану периметра взвод пехоты НКВД и пошёл знакомиться с зенитчиками. Когда вернулся, ребята уже развернули системы связи и поставили палатки.

Полтора часа он провёл в переговорах со штабом, выясняя, в какие части отправлять группы с приборами и оборудованием в первую очередь, и точную потребность – кому чего надо. По ходу формировал группы, ребята грузили оборудование по заявкам и выезжали. Отправил всех, кого мог, а на базе остались он сам, группа связистов из четырёх своих ребят, пять красноармейцев для погрузки-разгрузки, отделение разведчиков и один свободный грузовик ЗИС-5, если срочно бы понадобилось что-то привезти или увезти.

Суета началась внезапно, после восьми часов вечера, когда с Лёшей связались из штаба фронта. Ему объяснили, что обстановка очень сложная, на участке фронта есть выступ в глубь территории, занятой противником, оборону на котором держит пехотная дивизия и несколько приданных ей частей, которые командующий фронтом сумел насобирать из имеющихся резервов и отступавших сильно потрёпанных войск. Всё это разномастное сборище практически не управляется, телефонной связи нет, радиосвязь очень плохая.

Эту пехотную дивизию в штабе фронта забыли включить в общий план из-за неразберихи, и сейчас нужно было срочно обеспечить связью эту дивизию и приданные ей соединения, так как они находились на опасном направлении, и появились сведения, что немцы могут нанести удар именно там, а координация управления войсками вообще отсутствовала. Лёша сказал, что у него нет людей, потому что всех отправил на задание, но начальство оставалось непреклонно: «Нет людей – езжай сам и выполняй приказ. Это нужно сделать срочно!» Алексей позвонил Зайцеву. Тот ответил, что с ним всё согласовано, за него остаётся Денис Круглов, а он должен ехать и выполнить задание, это нужно позарез.

Лёша собрал ребят, обрисовал задачу и приказал грузиться. Они взяли приборы и оборудование, сколько по их подсчетам требовалось на эту дивизию, два дополнительных комплекта патронов и гранат – как потом оказалось, не зря, сухой паёк на двое суток, горючее про запас, ну и ещё всякого барахла по мелочи. Водителем трёхтонки был молодой паренёк из инженерной роты Сашка Иваненко. Лёша доложил начальству, что они выезжают, получил добро, и они выехали после полуночи.

За руль сел старший сержант Миша Пузырев, чтобы ехать без фар и не привлекать внимания. Мишка был очень весёлым парнем, балагуром и шутником, знал большое количество анекдотов и смешных историй и без умолку болтал. Он обладал каким-то природным даром впитывать в себя фольклор всех племён и народов, с которыми сталкивался, а поэтому стажировки в других армиях обогатили его репертуар. Всё это постоянно выходило из него наружу, за что он неоднократно получал нагоняи от начальства, так как пытался травить иностранные байки и анекдоты, правда, со своими ребятами, но всё равно это категорически запрещалось.

Расстояние составляло около восьмидесяти километров, и Мишка всю дорогу не замолкал. Лёша услышал кучу пошлых немецких анекдотов, романтических, но прикольных итальянских историй, довольно тупых английских шуток. На итальянском Миха говорил с неаполитанским акцентом и так же экспрессивно, используя жесты, что выглядело очень забавно, но казалось весьма опасным ночью за рулём, о чём Лёша ему и сказал. На это Мишка ответил, что его так научили и ему, дескать, пофиг, какой у него акцент, а машину он водит с закрытыми глазами.

Миша действительно внешне очень походил на итальянца – смуглый кареглазый брюнет, его призвали в проект дополнительным набором, и он служил в бундесвере – гонял моджахедов по горам Афганистана целый год. В конце концов Мишкина болтовня Лёшу утомила,

и он попросил его помолчать, на что тот демонстративно обиделся. Дорога оказалась очень плохая: разбитая техникой, кое-где изрытая воронками от взрывов бомб. Три раза застревали, но выталкивали машину, хорошо, что она была лёгкая, а груза у них немного.

В штаб дивизии приехали, когда уже начало светать. Лёша зашёл и доложил о прибытии. В штабе находились командир дивизии – уже пожилой полковник, лет шестидесяти, комиссар дивизии в звании полкового комиссара, тоже уже в возрасте, и начальник штаба – молодой подполковник. Позвали командира батальона связи дивизии, и Лёша пошёл с ним в расположение батальона.

По дороге тот рассказал, что телефонная связь отсутствует, в полках есть радиостанции, но в батальонах и этого нет. Он получил приказ из штаба фронта к их приезду собрать командиров по одному из каждого подразделения до уровня роты, но собралось меньше половины, потому что постоянно идут бои, не все смогли добраться, а до некоторых приказ и вовсе не дошёл. Решили так, что Лёша и Гена идут монтировать систему связи дивизии, а Миша с оставшимися ребятами проводят обучение командиров и раздают аппараты связи. Оказалось, что треть аппаратов и оборудования придётся везти назад. Командиры прошли обучение, им выдали аппараты связи, и они разъехались в свои части. К обеду работы по монтажу закончили, проверили связь и собирались уже выезжать назад. И тут началось.

Прилетели штук двадцать Ю-87 – «лаптёжников» и начали бомбить. Жидкая зенитная артиллерия, которая охраняла штаб дивизии, была сразу же уничтожена. Они лежали в какой-то канаве, вжавшись в землю и боясь поднять голову. Вой пикирующих бомбардировщиков проникал в каждую клеточку Лёшиного тела, и, несмотря на то что наушники защищали уши от ударов взрывной волны и приглушали звук, каждый взрыв бомбы отдавался гулким эхом в голове. Земля подпрыгивала под ним, над головой свистели осколки и летели комья земли. Лёше было очень страшно. Он лежал и думал, что вот так глупо – погибнуть под немецкими бомбами в другом мире, в другом времени, в другой стране, в какой-то захолустной украинской деревушке. Ему почему-то вспомнились мать, отец, брат и Софи. Мысли прерывал только Мишкин отборный мат в наушниках, который раздавался после каждого взрыва рядом с ними, видимо, таким образом он боролся со страхом. Бомбёжка продолжалась минут двадцать. Когда самолёты улетели, наступила оглушительная тишина.

Они вылезли из канавы и увидели ужасную картину. От деревни остались одни дымящиеся развалины, несколько домов горело. Перед бывшим домом, где раньше располагался штаб дивизии, догорали останки машин, везде лежали убитые и части человеческих тел. По улице медленно шла корова, и за ней тащились внутренности из вспоротого осколком живота, она жалобно мычала, а в глазах её была смерть. Лёша снял предохранитель и выстрелил ей в лоб. Корова упала, несколько раз дёрнулась и замерла. Из большой, глубокой и грязной лужи вылезла свинья с поросятами – она там пряталась во время налёта и, деловито хрюкая, отправилась в соседний огород, а поросята за ней.

Леша бросился к машине – та оказалась цела! Они её спрятали в саду какого-то дома под деревьями, и летчики её не заметили. Это была удача. Под машиной лежал их шофер Сашка и не подавал признаков жизни. Лёша подошёл, присел и потрогал его за плечо, тот повернулся лицом. На лице Сашки отражался немой ужас. Лёша спросил, не ранен ли он, оказалось, что цел.

Они двинулись к штабу. У штаба стали появляться военные, были раненые. Когда немного разобрались, оказалось, что погиб командир батальона связи дивизии, тяжело ранен в живот командир дивизии, а дивизионный комиссар ранен в голову, руку и ногу. Станцию связи дивизии, которую они с Геннадием смонтировали, немецкие лётчики уничтожили вместе с домом, в который попала бомба, и тот сгорел. Командование дивизией принял на себя начальник штаба дивизии, уцелевший при бомбёжке. Системы связи вообще больше не существовало.

Лёша вместе с новоиспечённым командиром батальона связи молодым лейтенантом попробовал запасной вариант сотовой сетки. Командиры или их заместители увезли с собой аппараты связи, максимальный радиус действия каждого аппарата был до пяти километров на ровной местности; если аппараты видели друг друга, то выступали ретрансляторами сигнала, и получалась сотовая сеть. Проверили, сеть работала, но плохо. Конечно, не супер, подумал Лёша, но сойдет и так. Отсутствовала связь со штабом фронта, а значит и со всей системой связи РККА, но он нашёл решение. У них с собой имелись два переносных усилителя сигнала с антеннами. Они достали один, выбросили антенну максимально, на пять метров, и связь появилась.

Алексей связался со штабом операции и доложил обстановку, запросил инструкции, что делать дальше. Приказ озвучили сразу: собрать всё оборудование и приборы и немедленно возвращаться; то, что из аппаратов сломано при бомбёжке – найти, все детали собрать в одну кучу, взорвать гранатой, после этого облить бензином и сжечь; всё, что останется, собрать в мешок и по дороге незаметно закопать в лесу. Лёша распределил ребят, и они пошли выполнять приказ, обыскивать тела убитых, лазить по пепелищам и собирать мелкие детали. Часа через полтора обыскали всё. Что нашли, то притащили. Сделали, как было приказано, и пошли к машине готовиться к отъезду.

Лёша пошёл попрощаться с новым комдивом, пожелал ему удачи, а тот его попросил взять с собой раненых, так как транспорта не было никакого и помощи ждать неоткуда. Раненых оказалось десять человек. Он смог взять только самых тяжёлых – комдива и комиссара. Других, с ранениями полегче, взять не получилось, потому что места в машине уже не осталось.

Тронулись. Отъехав от деревни километра два, свернули в лес, похоронили останки оборудования и замаскировали следы, как смогли. Стояли на лесной дороге под кронами деревьев, времени было 17:21. Ждать до ночи казалось опасным, ехать сейчас днём – тоже страшно: если прилетят бомбардировщики, разбомбят их. ПЗРК они с собой не взяли, да если бы и взяли, толку было бы не много. Это с двумя-тремя самолётами они бы разобрались, а если бы прилетело столько же, сколько бомбило деревню, то это бесполезно. Раненые чувствовали себя плохо, комиссар все время терял сознание, а комдив стонал и просил пить. Ладно, решил Лёша, поехали. Мишку назначил смотрящим, тот включил у себя все системы наблюдения – переднюю и заднюю камеры, инфракрасную оптику и дежурную систему слежения. Сашку посадили за руль, сам Лёша сел в кабину, остальные залезли в кузов, им тоже было сказано смотреть в оба по сторонам. Договорились при малейшей опасности немедленно покинуть машину, поэтому двери не закрыли. Выехали на дорогу.

Проехали километров десять. Их спасла Мишкина реакция: тот стоял за кабиной в кузове и, облокотившись на крышу, следил за местностью в тепловизор, увидев засаду, тут же заорал:

– Немцы, все из машины!

Сам кувырком на ходу выпрыгнул в кювет, а вслед за ним и остальные ребята посыпались из кузова. Лёша крикнул водителю:

– Прыгай из машины, болван!

Сам резко упал на сиденье, с силой выпнул двумя ногами из кабины замешкавшегося Сашку и выкатился кубарем в кювет. Когда первые пули ударили в лобовое стекло и брызнули осколками, ребят в автомобиле уже не было, а он ещё продолжал движение, обстреливаемый из пулемёта, постепенно забирая вправо и съезжая с дороги.

Включилась система управления боем. Какое-то мгновение голографический экран, встроенный в очки, мигал индикатором поиска, после чего по нему большими буквами быстро побежали сообщения: «Связь с центральным сервером отсутствует», «Связь с серверами тактического звена отсутствует», «Связь с серверами войсковых частей отсутствует», «Связь с серверами войсковых подразделений отсутствует», «Система глобального позиционирования не найдена», «Система позиционирования с высотных дронов не найдена», «Система рабо-

тает автономно в составе боевого отделения», «Погрешность в определении целей увеличена до двух метров». Сообщения продублировались голосом и, уменьшившись в размере, переместились в нижний левый угол экрана в меню «Предупреждения», отмеченные красным цветом. Компьютер на мгновение задумался, обрабатывая информацию, после чего выдал на голографический дисплей общую картину поля боя, на которой распределил все цели по бойцам и приоритетам поражения, указал сектора обстрела, наилучшие позиции для ведения огня, оптимальные варианты перемещений и расстояния до целей, скорость и направление ветра и прочие поправки. у каждого бойца появилась его индивидуальная панорама боя в 3D-формате с индивидуальными задачами и параметрами, в том числе с указанием его приоритетов по поражению целей, оптимальных схем взаимодействия с другими бойцами, схем наиболее безопасного перемещения, количества имеющихся у него боеприпасов и оружия.

Они начали отстрел немецких солдат как в компьютерных играх-«стрелялках». Опыт службы в морской пехоте и десантных войсках им очень пригодился. Пулемётные расчёты противника уничтожили из подствольных гранатомётов в первые минуты боя. Остальных отстреливали одиночными выстрелами с помощью оптики. Кто прятался, продержались подольше, но и их перебили из подствольников. Палили в основном немцы, не жалея боеприпасов. Ребята вели прицельный огонь на поражение либо одиночными, либо короткими очередями и гранатами из подствольных гранатомётов.

В считаные минуты всё было кончено. Воевать с компьютером немецкая армия ещё не умела, в этих обстоятельствах она превратилась из грозного хищника в беззащитную жертву. В плен взяли двоих – молодого солдата-очкарика, который сдался сам и весь дрожал от страха, и лейтенанта, который расстрелял из автомата все рожки и пытался отстреливаться из «вальтера», но ему бросили светошумовую гранату и повязали. Компьютер показал точное время боя 00:17:18, выдал общую статистику – расход боеприпасов, процент точных попаданий, коэффициент эффективности и прочую информацию по каждому бойцу и в целом по группе, поставил Лёше как командиру за этот бой жирную четверку по пятибалльной шкале и перешёл в спящий режим для экономии заряда батареи. Лёша мысленно сказал ему «спасибо», встал и пошёл к водителю Сашке, который пролежал всё это время в кювете, ничего не понимая.

– Всё закончилось, вставай! – сказал он ему.

Сашка продолжал лежать, обхватив голову руками. Лёша думал, что он ранен или убит, и перевернул его – Сашка уставился на него огромными от испуга глазами.

– Вставай! – повторил Лёша.

Но Сашка не двинулся. Тогда Лёша взял его за шиворот, поднял и поставил на ноги. Пару раз слегка ударил по щекам – Сашка подал признаки жизни.

– Иди, осмотри машину, что с ней? – приказал Лёша.

Ребята за это время осмотрели поле боя. Убитых оказалось девятнадцать человек, раненых ни одного. Их обыскали, собрали всё оружие, сложили в кучу и взорвали. Пошли к машине, она стояла наклонившись, передними колесами съехав в кювет, вся кабина и капот изрешечены пулями. В кузове лежали раненые, и, когда ребята подошли, кто-то из них застонал. Лёша заглянул в кузов:

– Все целы?

– Вроде цел, – хрипло ответил комдив.

Комиссар стонал, он был в сознании. Лёша залез в кузов и увидел лужу свежей крови под ним.

– Куда? – спросил Лёша.

Он показал на ногу. Пуля пробила борт кузова и попала комиссару в ногу. Лёша достал свой медицинский пакет, туго перевязал рану и сделал укол обезболивающего.

– Что с машиной? – спросил он.

– Мертва, – ответил Мишка. – Пробиты радиатор и картер, всё вытекло.

– Выгружаем раненых, вещи и боеприпасы, – приказал он.

Перспектива тащить всё это на себе неизвестно сколько километров, но точно много, их не радовала. Но нужно было срочно отсюда уходить: в любой момент могли появиться другие немецкие части, а они находились в открытом поле. Вдали виднелся лес, и они двинулись туда, неся на себе раненых, боеприпасы, оборудование и ещё конвоируя двух связанных пленных. Раненых несли в плащ-палатках по двое. Так как Сашка шёл налегке, без защитного костюма, на него сгрузили боеприпасы и оборудование. В общем на каждого пришлось килограммов по пятьдесят груза. Шли медленно, перебежками, постоянно останавливаясь. Лёша включил систему управления боем и все приборы, чтобы постараться заметить противника раньше, чем тот заметит их. Наконец добрались до леса и постарались уйти поглубже. Когда лес стал уже достаточно густым, нашли поляну и сделали привал. Ребята в изнеможении повалились на землю.

Лёша увидел, что немецкий офицер начал отходить после светошумовой гранаты, и решил его допросить. Хотел выяснить, где могут находиться немцы и как правильно проложить маршрут к своим. Он отвёл пленных немцев на край полянки и тихо заговорил с ними. Услышав чистую немецкую речь, оба опешили, но на вопросы отвечали. Солдата-очкарика звали Отто, он ничего толком не знал, да и отвечал бессвязно от испуга. Лейтенанта звали Карл, родом он был из Мюнхена, симпатичный парень, сероглазый светлый шатен среднего роста, но очень наглый, то ли из гитлерюгенда, то ли член партии, Лёша этого выяснять не стал. Разговор с Карлом не получился, что-либо важное тот говорить отказался и вёл себя вызывающе.

Бить его Лёша не стал: он не смог бы поднять руку на связанного, да и толку из этого не вышло бы никакого. Наверное, он бы его так и оставил в покое, но Карлу взбрела в голову шальная мысль: он вдруг кинулся бежать. Лёша машинально нажал на курок автомата, раздалась короткая очередь, и пули просвистели у виска молодого немецкого солдата-очкарика, который стоял рядом. К своему счастью, немецкий лейтенант запнулся и тут же упал. Но вот Отто побледнел, лицо его окаменело, а на штанах между ног стало появляться мокрое пятно, медленно расползавшееся по штанине. Немецкий парнишка обмочился от испуга.

Что произошло дальше, предвидеть было невозможно. Ребята, которые лежали на привале, съехали с катушек. Всё началось с того, что Фёдор громко и смачно обозвал очкарика зассанцем по-немецки. Балагур и трепач Мишка развил эту тему и тут же рассказал похабный казарменный анекдот. Остальные присоединились и стали травить похабные анекдоты, отпускать смачные шуточки, рассказывать пошлые истории и при этом дико хохотать и показывать друг на друга пальцами. Вся поляна превратилась в немецкую казарму, в которой пьяные молодые солдаты остались без присмотра командиров.

Оставшиеся зрители вели себя по-разному. Немецкий офицер смотрел на это выпученными глазами, так же как и водитель Сашка, который, похоже, снова впал в ступор. Пленный очкарик, наоборот, вышел из оцепенения и присоединился к этой весёлой вакханалии, как видно, совершенно не обижаясь на оскорбления. Похоже, перлы, которыми сыпали ребята, оказались даже ему не знакомы. Раненый комдив смотрел на этот цирк с полным недоумением, а комиссар был без сознания, и хорошо, что он этого не видел и не слышал. Лёша заорал, как ему показалось, на весь лес:

– Прекратить балаган! Смирно!

Ребята, похоже, поняли, что перебрали, вскочили и вытянулись по стойке смирно.

– Вольно. Через полчаса идём дальше. Часть вещей сгрузить на немцев – пусть несут. Очкарику руки развяжите, он не сбежит.

«Обгадится бежать», – подумал про себя Лёша и продолжил: – За лейтенантом смотреть в оба, глаз с него не спускать!

Он попробовал связаться со штабом операции, в обычном режиме связь отсутствовала. Они с Мишей забросили антенну усилителя высоко на дерево – связь появилась. Ответил Зайцев, и Лёша в деталях доложил о том, что произошло. Было понятно, что это чрезвычайное происшествие на грани фола, когда пятеро связистов, вооружённых только стрелковым оружием, с секретной аппаратурой, без транспорта и прикрытия бронетехники оказались в тылу у немцев. Зайцев попросил оставаться на связи и, видимо, тут же бросился докладывать по инстанциям, оставив включённой конференцсвязь. В эфире стоял смачный отборный мат. Как бывает всегда в таких ситуациях, сначала ищут виноватых, а потом решают, что дальше делать. Лёша решил подождать и присел у дерева.

Минут через пятнадцать виноватого нашли, им оказался генерал-майор, начальник службы связи фронта, и Лёша его искренне пожалел. Начали думать, что теперь делать. Прежде всего ему помогли сориентироваться, где сейчас линия фронта. Передовая находилась от них примерно в двадцати километрах. Иного решения, как выходить им самим и переходить через линию фронта, не было, операция по эвакуации не получалась. Ему дали полный карт-бланш на принятие решений. Но сказали, что через линию фронта должны перейти они впятером, живые или мертвые и с аппаратурой. Всё остальное должно быть в крайнем случае уничтожено, а все свидетели расстреляны. На этом сеанс связи завершился.

«Хрен я вам буду расстреливать людей из-за ваших ляпов! Я не палач!» – подумал Лёша.

Он ничего не сказал ребятам, а отдал приказ начать движение. Пройдя километров пять, они вымотались совсем. Ребята несли на себе рюкзаки, боекомплекты и раненых. Сашку и немецкого солдата-очкарика навьючили, как осликов, мешки у них лежали с обеих сторон, спереди и сзади, перекинутые на ремнях через плечо. Кроме этого, Сашка тащил за спиной свою винтовку, хотя она ему была не нужна. Боец из него хреновый, если не сказать никакой, но положено по уставу, значит, пусть тащит. Даже немецкому лейтенанту навесили рюкзак на спину, но больше ему дать ничего не получалось, потому что руки ему связали за спиной, а развязать его Лёша не решился.

Самому Лёше было полегче, он нёс только достаточно тяжелый рюкзак с аппаратурой килограммов на двадцать, но при этом сам осуществлял разведку местности и выполнял обязанности охранения. Зато набегался больше всех раза в три и ног под собой не чуял. Раненых сильно растрясли, они тяжело стонали и, видно, терпели уже из последних сил, у комдива из раны начала сочиться кровь. Лёша увидел подходящую полянку, остановился и пробасил:

– Стой! Привал. Всем оправиться.

Ребята положили раненых и упали на землю. Вьючные ослики тоже повалились без сил. Все лежали без движения. Лёша подошёл к раненому комдиву – повязка на животе у того сбилась, пропиталась кровью, а рана открылась. Комдив тихо попросил засохшими и потрескавшимися губами:

– Пить!

– Нельзя! Но сейчас кое-что придумаем, – ответил Лёша.

Ему стало очень жаль этого пожилого человека, на лице которого выражалось столько страдания и боли, а держался он очень мужественно. Стало понятно, что до наших он не дотянет и умрёт, как и лежавший рядом комиссар. Лёша подошёл к валявшемуся на земле без сил Сашке, достал из одного мешка большую аптечку для отделения, которая у них была, взял её и пошёл к раненым.

Вместе с Мишей они стали снимать старую повязку с комдива. Открылась рана, из неё бежала мутная жидкость с кровью. Даже не будучи медиком Лёша понял, что у раненого перитонит. Прямо в рану ввёл несколько доз антибиотика, и они с Мишей наложили новую повязку, туго перебинтовав живот. Вколол ещё две дозы антибиотика в ягодицу, под другую ягодицу, приподняв комдива, подложил двухлитровый мешок с инфузионным раствором и опустил.

Комдив слегка поморщился, когда его проколола толстая игла, но посмотрел Лёше в глаза и прошептал:

– Большое тебе спасибо!

– Потерпи, ещё один укол сделаю, и скоро уснёшь, – сказал Лёша и вколол ему двойную дозу морфина.

Те же манипуляции они совершили и с комиссаром. Темнело. Закончив, Лёша осмотрел поляну: все как упали, так и лежали не двигаясь, даже немецкий лейтенант лежал на спине, закрыв глаза. Лёша понял, что нужен отдых, часа четыре, иначе они не смогут идти дальше.

– Подъём! – сказал он громко. – Всем сходить оправиться!

Все нехотя зашевелились и начали подниматься, а он пошёл к мешкам, которые несли Сашка и Отто, достал оттуда плащ-палатку, расстелил её и начал на неё складывать сухой паёк, вытащил флягу со спиртом. Все стали подтягиваться к импровизированному столу и рассаживаться кто как.

– Немцев тоже веди, только рюкзак с офицера сними, – сказал Алексей Сашке.

Подошли немцы в сопровождении Сашки, и он кивнул, чтобы они сели.

– Lösen Sie bitte meine Hände[22], – попросил лейтенант.

– Wissen Sie was, Karl! Hätten Sie nicht so viele Reden von Hitler abgehört und hätten Sie doch alle Tassen im Schrank, würde ich Ihre Hände lösen. Wozu brauche ich noch Probleme[23]? – ответил Лёша ему.

– Natürlich! Wir lösen ihm die Hände und er bricht aus. Ich habe keine Lust, ihn durch den ganzen Wald zu verfolgen[24], – промяукал Мишка голосом кота Матроскина из мультфильма «Трое из Простоквашино», решив пошутить.

Шутка удалась, все засмеялись, кроме Сашки и немцев, которые не смотрели мультика. Лёша хотел опять наорать на Мишку, но посмотрел на раненых – они спали, на ребят, Сашка был не в счёт, и подумал: «Поговорить, видимо, захотелось». Но Мишке строго сказал:

– Iß und trink! Danach gehst du schützen[25]!

– Jawohl, Herr Hauptmann[26]! – браво, но с обидой ответил Мишка и потянулся к тушёнке.

Отто сказали, чтобы он кормил и поил лейтенанта, это опять вызвало бурю шуток и анекдотов, которые начал перед уходом рассказывать Мишка с тушенкой во рту. Отто ожил и, видимо, почувствовал, что ему ничего не угрожает, да и то, что все говорили на родном для него языке, его успокоило. Он оказался таким же трепачом, как и Мишка. Мишка же ушёл охранять с явным неудовольствием на лице.

Сидели, болтали на немецком и смеялись ещё целый час. Отто рассказал всё про себя, про свою семью и свою, как ему теперь казалось, несчастную жизнь. Ребята его пожалели и посочувствовали, но сказали, что сделать ничего не могут – он теперь военнопленный.

В разговор вступил даже Карл, он попытался разузнать, почему ребята говорят на немецком в совершенстве, как на родном. Это ему не удалось, и он решил, что все они русские немцы, о чём и заявил. Никто его в этом разубеждать не стал.

Через три часа, дав ребятам поспать, Лёша приказал трогаться. Они шли всю ночь, шли тяжело: уверенно чувствовали себя только ребята в приборах ночного видения. Сашку, Отто и Карла приходилось вести за собой, нога в ногу, они все время спотыкались и падали. Лёша менялся со всеми, и тот, кого они отправляли в охранение, хоть и вынужден был много пере-

---

[22] Развяжите мне руки, пожалуйста! (нем.)

[23] Знаете, что, Карл! Если бы вы не наслушались речей Гитлера, и у вас с головой всё было в порядке, то я бы вам развязал руки. Но зачем мне ещё проблемы? (нем.)

[24] Вот-вот! Мы ему руки развяжем, а он убежит. Бегай потом за ним по всему лесу. (нем.)

[25] Поешь и выпей! Потом пойдешь охранять! (нем.)

[26] Есть, господин капитан! (нем.)

двигаться, но немного отдыхал от ходьбы с тяжеленной поклажей. В охранение не ходил только Сашка, ну и пленные немцы, естественно. Такая уж им выпала судьба.

Утром сделали привал, все упали и уже не вставали где-то около часа. Потом Лёша сказал Мишке готовить поесть, а сам пошёл посмотреть раненых. Как ни удивительно, раненые чувствовали себя немного лучше, чем вчера вечером. Антибиотики, которые Лёша им вколол, сделали своё дело. Он напоил и покормил комиссара, комдиву есть и пить было нельзя. Подложил обоим новые противошоковые пакеты, вколол ещё по две дозы антибиотиков и обезболивающих и пошёл к импровизированному столу есть сам. Допили оставшийся спирт и доели весь сухой паёк. Больше еды не осталось, но теперь хоть поклажа легче стала. Он приказал всем спать, Фёдора оставил старшим по лагерю, а сам пошёл на разведку.

Вернулся через час, поднял на смену Михаила, а сам упал и забылся. Его растолкал Мишка часа через два. Поднял всех, собрались и пошли. К полудню стали слышны звуки боя: он шёл недалеко, примерно километрах в пяти. Лёша собрал ребят на совещание. Решили, что отдохнут часа три-четыре, а ближе к вечеру двинутся дальше. Прорываться к своим решили в темноте – у них будет хоть небольшое преимущество. Днём с такой поклажей им не прорваться, а бросать ничего и никого Лёша не собирался, хотя именно из-за этого они потеряли боеспособность и превратились в конвоиров и носильщиков. Случись что, они не смогут отбиться даже от десятка немцев. Легли отдыхать и забылись, просто провалились в какую-то бездну.

Всех растолкал Фёдор, встали, размялись. Лёша приказал проверить всё оружие и все приборы. Пошли дальше. Шум боя медленно приближался. Когда уже стемнело, бой начал немного затихать, но единичные выстрелы раздавались уже близко. Они сделали последний привал. Лёша с Мишей попробовали поточнее определить своё местоположение, после чего Лёша связался со штабом операции, связь стала уже намного лучше. Он доложил, что они вышли к линии фронта с вещами, оборудованием и пленными, указал свои координаты и попросил по возможности сообщить в части, дислоцированные на этом участке фронта, что они будут прорываться через немецкие позиции – чтобы их хотя бы свои не постреляли.

Начали медленно подбираться к немецким окопам. Они с Мишей выползли на небольшой пригорок, с которого открывалась линия фронта. С обеих сторон постреливали и пускали ракеты. Они лежали долго, изучая позиции немцев и наших. Наконец нашли место правее метрах в пятистах, где можно было попытаться проползти мимо немецких окопов незамеченными, а потом по нейтральной полосе – сильно наискосок влево, чтобы на свои пулемёты не нарваться. В то, что информацию об их попытке прорыва доведут до окопов, ребята верили слабо. Решили начать прорываться ближе к трем часам ночи. Вернулись в лагерь, точно измерив расстояние. У них оставалось ещё часа два времени до того момента, как они решили выдвигаться.

Первым должен был идти Миша: он ещё раз всё осмотрит и, если ничего подозрительного не увидит, выдвинется основная группа. Федя поползёт первым и потянет за собой на плащ-палатках раненых, дальше ползёт Гена и тащит за собой пленных немцев, а Отто – ещё и мешки. Карлу они залепят рот скотчем, а Отто сказали, что, если тот пикнет или попытается бежать, – зарежут или пристрелят без разговоров, но риск, конечно, оставался. Затем ползёт Ваня и при этом страхует Гену, а за ним Сашка со своими мешками. Последними их прикрывают Лёша и Миша.

Включили компьютеры и все приборы. Ползли долго, переползли немецкие окопы и находились уже на нейтральной полосе, когда их заметили немцы. По ним открыли шквальный огонь – залегли и сделали несколько выстрелов из подствольников по немецким окопам, подавив две огневые точки, но немцы стреляли со всех сторон. Лежали в воронках, до наших окопов оставалось метров пятьдесят.

Решили переждать, когда всё успокоится. Минут тридцать палили с обеих сторон и пускали ракеты, на переднем крае стало светло, как днём. Потихоньку стрельба стала стихать. Они пролежали ещё около часа, изучая каждый метр нейтральной полосы до наших окопов. Всё выглядело плохо, воронок больше не было, а перед ними находился подъём на невысокий холм, на вершине которого и располагались наши окопы. Решили выбрать момент, и бегом, одним броском, добежать. для этого перегруппировались. Первым должен был бежать Сашка, за ним немцы, потом Мишка с Геннадием и Иван с Фёдором и ранеными, и позади всех Лёша.

По команде вскочили и побежали. Лёша видел, как до окопов добежал Сашка со своими мешками, потом Отто и Карл, за ними Миша с Геной исчезли за бруствером. И тут передовая опять ожила, немцы выпустили сразу несколько ракет, стало светло и ударил немецкий пулемёт. Лёша только помнил, как что-то огромное и тяжёлое ударило его по спине, подбросило вверх и шмякнуло лицом в землю, и он потерял сознание. Очнулся, когда Миша с Федей тащили его к нашим окопам. Он не мог дышать, хватал ртом воздух, но вдохнуть было страшно больно, правую руку Лёша совсем не чувствовал, она была вся в крови и безвольно тащилась по земле. Вокруг всё озарялось вспышками, стреляли со всех сторон, кругом свистели пули. Ребята напряглись и, втащив его за бруствер, осторожно положили на дно окопа. Достали аптечку, наложили тугую повязку на правое плечо, Миша вколол ему обезболивающее. Лёша снова отключился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.